

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

RUSSIAN FOREIGN ECONOMIC JOURNAL

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОССИЙСКИЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 1 - 2025

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адрес редакции : 119285, г. Москва, ул. Воробьевское шоссе, 6А
Тел. +7 (499) 143-12-35
Факс + 7 499) 783-02-63
e-mail : info@vavt.ru, Elena_Holodkova@vavt.ru
<http://www.rfej.ru>

Подписка на 2025 год через каталог

Пресса России
Подписной индекс
87735

1 - 2025

Решением ВАК журнал «Российский внешнеэкономический вестник» включен в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, в которых рекомендуются публикации основных результатов диссертаций на соискание степени доктора наук по экономике.

Журнал является ведущим изданием, специализирующимся на публикации статей по внешнеэкономическим связям России, по развитию экспортной базы, экономическим и правовым проблемам мировой экономики и международной торговли. Предназначен для научных работников, экономистов, работников государственных учреждений и ведомств, сотрудников внешнеторговых компаний и в целом для специалистов в области внешнеэкономической деятельности.

Уникальность издания заключается в широте постоянно поддерживаемых тем, высоком профессиональном уровне и актуальности подготовленных материалов, объективности их изложения. Это позволяет считать журнал источником информации, достаточным для принятия самых серьезных решений.

Журнал «Российский внешнеэкономический вестник» располагает лучшими информационными ресурсами: первоисточниками по проблемам мировой экономики и внешнеэкономических связей. Издание отличается от других российских изданий в области экономики значительным объемом материалов, написанных высококвалифицированными российскими учеными и специалистами.

Журнал принимает к публикации статьи по внешнеэкономической тематике размером от 0,5 до 1 п.л. в электронной форме. Преимуществом при приеме публикаций пользуются авторы, подписавшиеся на наш журнал.

Подписной индекс каталога «Роспечать» – 72031;
Подписной индекс каталога «Пресса России» – 87735.

Приглашаем к сотрудничеству!

Пишите нам по адресу: info@vavt.ru (с обязательной пометкой: «в редакцию журнала «Российский внешнеэкономический вестник»)

Наш адрес: 119285, Москва, ул. Пудовкина, 4а.
Проезд от станции М. «Киевская» троллейбусами 7, 17, 34, автобусами 119, 205 до остановки «Академия внешней торговли» или «Ул. Пудовкина», а также от М. «Университет» троллейбусом 34 и автобусом 119.

Наши телефоны: Ректорат: 8 (499) 143-1235, Приемная комиссия: 8(499) 147-5454,
Факультет профессиональных программ: 8(499) 147-1010,
Центр иностранных языков: 8(499) 147-0150,
Факс: 8(499) 783-0263
E-mail: info@vavt.ru
Интернет: <http://www.rfej.ru>

ЦЕНТР ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ВАВТ (ЦИЯ)

- один из крупнейших вузовских центров подготовки по иностранным языкам
- создан в 1993 г.
- работает по программам дополнительного образования Академии
- обучилось свыше 4 000 человек

В Центре осуществляется подготовка по английскому, французскому, немецкому, испанскому, итальянскому и др. иностранным языкам. В 2011 году открыт набор в группы китайского языка для начинающих.

Разнообразные программы обучения Центра иностранных языков включают курсы как фундаментального освоения иностранного языка, в особенности его грамматического аспекта, так и совершенствования иноязычной речевой деятельности в рамках общей языковой тематики.

В Центре также предлагаются специализированные программы, ориентированные на обучение деловому и профессиональному общению на иностранном языке, а также подготовка к сдаче специализированных экзаменов на получение международных сертификатов FCE, CAE, BEC Higher и BEC Vantage, LCCI, IELTS.

Предлагаемые программы обучения:

- Английский язык для повседневного общения (с любого уровня)
- Английский язык для делового общения (с уровня Intermediate)
- Английский язык для юристов (с уровня Intermediate)

Набор - 2 раза в год

- август – сентябрь
- январь – февраль

Срок обучения

- от 4 месяцев до 3, 5 лет (в зависимости от программы и уровня подготовки)

Занятия проводятся

- 2 раза в неделю по 3 академических часа

Количество человек в группе

- 6-9 человек

На всех программах возможно обучение:

- в группах для взрослых
- в группах для детей среднего школьного возраста
- в утреннем или вечернем режиме
- индивидуально

По окончании всех программ обучения выдается
Свидетельство Всероссийской академии внешней торговли об окончании
Центра иностранных языков

119285, г. Москва, ул. Пудовкина, дом 4а
Телефон: 8(499) 147-01-50,
Сайт: <http://icc.vavt.ru>

Ежемесячный научно-практический журнал

Учредитель :

Всероссийская
академия внешней торговли
Минэкономразвития России
Главный редактор :
Д.С. Терновский, д.э.н.,
доцент
Зам. гл. редактора :
Ю.А. Савинов, д.э.н., проф.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по
надзору за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия.

Свидетельство о регистра-
ции СМИ : ПИ № ФС77-21463
от 12 июля 2005 г.

Адрес редакции :

119285, г. Москва,
Воробьевское шоссе, ба

Тел. (499) 143-12-35
Факс (499) 783-02-63
E-mail : Info@vavt.ru;
rfej@vavt.ru
http://www.vavt.ru
http://www.rfej.ru

Подписка на 2025 год
осуществляется через
каталог:

«Пресса России»

Подписной индекс : **87735**

Ответственный секретарь
редакции : Холодкова Е.Ф.

СОДЕРЖАНИЕ**ОТ РЕДАКЦИИ**

Состав редакционной коллегии журнала	3
Editorial Board	5

С ЮБИЛЕЕМ

Судьба во благо российско-казахстанской международно-правовой науки	7
--	---

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА**А.А. Мальцев**

Возможные контуры будущего глобальных цепочек создания стоимости	10
---	----

А.А. Ткаченко

Знаковые изменения на международных рынках капитала	26
---	----

К.А. Кутучин

ТНК на мировом рынке аграрных биотехнологий	49
---	----

Д.А. Моисейчев

Стратегические фонды развития в современной глобальной экономике	66
---	----

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**Д.С. Гордеев, Т.А. Баквенье**

Прогнозирование загруженности пунктов пропуска через границу Российской Федерации	82
--	----

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ**А.В. Галеев, Е.А. Галеева**

Импортозамещение в автомобильной промышленности: исторический обзор	92
--	----

О.Л. Орлова

Перспективы российско-венгерского сотрудничества на рынке нефти	110
--	-----

А.И. Алексева, Н.И. Иванова

Африканский вектор развития внешнеэкономических связей России	118
--	-----

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

Перепечатка материалов (полная или частичная) допускается только с письменного разрешения редакции

Все публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования

Редакция журнала оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами

Позиция авторов представленных в номере статей не всегда совпадает с позицией издателей журнала

Редакция оставляет за собой право на внесение изменений в представляемые статьи

Отпечатано в типографии ВАВТ Минэкономразвития России
119285, Москва,
Воробьевское шоссе, 6А

Компьютерная верстка
Холодкова Е.Ф.

Подписано в печать
30.01.2025

Формат 168/248
Бумага офсетная.
Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная.
Тираж 100 экз.
Заказ №389
© ВАВТ Минэкономразвития
России

CONTENT

FROM THE EDITORIAL OFFICE

Editorial Board of the magazine	3
Editorial Board	5

HAPPY ANNIVERSARY

Fate for the benefit of Russian-Kazakh international law science	7
--	---

WORLD ECONOMY

A.A. Maltsev New Contours of the Future of Global Value Chains	10
A.A. Tkachenko Significant Changes in International Capital Markets	26
K.A. Kuguchin MNCs on the Global Agricultural Biotechnology Market	49

D.A. Moiseychev

Strategic Development Funds in the Modern Global Economy	66
--	----

FOREIGN TRADE ACTIVITY

D.S. Gordeev, T.A. Bakwentye

Forecasting the Traffic at Border Checkpoints on the Border of the Russian Federation	82
---	----

FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF RUSSIA

A.V. Galeev, E.A. Galeeva

Import Substitution in Automotive Industry: a Historical Review	92
---	----

O.L. Orlova

Oil and Stability: Prospects for Russian-Hungarian Cooperation in the Face of Global Challenges	110
---	-----

A.I. Alekseeva, N.I. Ivanova

Russia's Foreign Economic Affairs: the African Destination	118
--	-----

Состав редакционной коллегии журнала

Главный редактор - Денис Сергеевич ТЕРНОВСКИЙ, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия) d.ternovskiy@vavt.ru

Заместитель главного редактора - Юрий Анатольевич САВИНОВ, д.э.н., проф., профессор кафедры международной торговли и внешней торговли РФ Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия) Yuriy_Savinov@vavt.ru

Редакционная коллегия

Александр Иванович БЕЛЬЧУК, д.э.н., проф., профессор кафедры мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Нина Григорьевна ВИЛКОВА, д.ю.н., проф., профессор кафедры международного частного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Елена Борисовна ГАФФОРОВА, д.э.н., проф., председатель Ученого совета ШЭМ ДВФУ, действительный член Академии проблем качества, исполнительный директор Приморского отделения АП; член независимой экспертной аттестационной и конфликтной комиссии в администрации Приморского края (Владивосток, Россия)

Раушан Елемесович ЕЛЕМЕСОВ, д.э.н., проф., профессор кафедры международных отношений и мировой экономики КазНУ им. аль-Фараби, заслуженный деятель РК (Алматы, Казахстан)

Павел Анатольевич КАДОЧНИКОВ, к.э.н., заместитель Министра финансов Российской Федерации (Москва, Россия)

Виктор Иванович КОРОЛЕВ, д.э.н., проф., заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия) e-mail: Viktor_Korolyov@vavt.ru

Иван Сергеевич КОРОЛЕВ, д.э.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, заведующий отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики ИМЭМО РАН, заместитель председателя экспертного совета ВАК по экономическим наукам, председатель диссертационного совета ИМЭМО (Москва, Россия)

Александр Сергеевич КОМАРОВ, д.ю.н., проф., кафедра международного частного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия) e-mail: Aleksandr_Komarov@vavt.ru

Леонид Владимирович САБЕЛЬНИКОВ, д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, зав. отделом международной торговли и многостороннего экономического сотрудничества Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института, главный научный сотрудник Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Марат Рашитович САФИУЛЛИН, д.э.н., проф., проректор по экономическому и стратегическому развитию Казанского (Приволжского) федерального университета, директор Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Республика Татарстан)

Елена Владимировна САПИР, д.э.н., проф., проректор по развитию образования Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, зав. кафедрой мировой экономики и статистики (Ярославль, Россия)

Андрей Николаевич СПАРТАК, д.э.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой международной торговли и внешней торговли РФ Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, директор Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института (Москва, Россия)

Виктор Борисович СУПЯН, д.э.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки России, руководитель научного направления Института США и Канады РАН, профессор кафедры мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ, д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Антонио САНЧЕС-АНДРЕС, доктор наук, профессор Университета Валенсия (Валенсия, Испания)

Виктория Е. ЭРОЗА, доктор наук (управление), профессор Международного Центра Университета Прикладных наук г. Бремен (Бремен, Германия)

Дж.Ю. ЛИ, Директор департамента Европы, Америки и Евразии Института международной экономической политики Республики Корея (Седжон, Республика Корея)

Гарсия Мигель КАЭТАНО, профессор, Национальный автономный университет Мексики (Мехико, Мексика)

ЛЮ ХУАЦИНЬ, профессор, Академия международной торговли и экономического сотрудничества при Министерстве Коммерции КНР (Китай)

Editorial Board

Denis TERNOVSKY – Editor-in-Chief, D.Sc. (Economics), Associate Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Senior Researcher at the Institute of International Economics and Finance (Moscow, Russia) d.ternovskiy@vavt.ru

Yuri SAVINOV - Deputy Editor-in-Chief, D.Sc. (Economics), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Professor of the Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Yuriy_Savinov@vavt.ru

Alexander BELCHUK - D.Sc. (Economics), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Professor of the Department of World and National Economy (Moscow, Russia)

Raushan ELEMESOV - D.Sc. (Economics), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of International Relations and World Economy (Kazakhstan)

Nina VILKOVA - D.Sc. (Jurisprudence), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Professor of the Department of Private International Law (Moscow, Russia)

Elena GAFFOROVA - D.Sc. (Economics), Professor, Director of the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Pavel KADOCHNIKOV - Cand. Sc. (Economics), Deputy Minister of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alexander KOMAROV - D.Sc. (Jurisprudence), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Department of Private International Law (Moscow, Russia) e-mail: Aleksandr_Komarov@vavt.ru

Ivan KOROLEV - D.Sc. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science, RAS Consultant, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission for Economic Sciences, Institute of World Economy and International Relations, RAS (Moscow, Russia)

Victor KOROLEV - D.Sc. (Economics), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Head of the Department of Management and Marketing (Moscow, Russia) e-mail: Viktor_Korolyov@vavt.ru

Leonid SABELNIKOV - D.Sc. (Economics), Professor, Honored Scientist of the RF, Head of the Department of International Trade and Multilateral Economic Cooperation, Russian Market Research Institute, Chief Researcher of the Institute of International Economics and Finance of the Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development (Moscow, Russia)

Marat SAFIULLIN - D.Sc. (Economics), Professor, Vice-Rector for Economic and Strategic Development of Kazan (Volga Region) Federal University, Director of the Center for Advanced Economic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan)

Elena SAPIR - D.Sc. (Economics), Professor, Vice-Rector for Educational Development, of Yaroslavl State University, Head of the Department of World Economics and Statistics, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia)

Andrey SPARTAK - D.Sc. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science, Honored Worker of Science of RF, Director of the Russian Market Research Institute, Russian Foreign Trade Academy, the Head of Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Victor SUPYAN - D.Sc. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science, Honored Worker of Science of RF, the Head of the Scientific Direction, USA and Canada Institute, RAS, Professor of the Department of World and National Economy, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development (Moscow, Russia)

Vladimir SHUMILOV - D.Sc. (Jurisprudence), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Head of the Department of International Law (Moscow, Russia)

Antonio SANCHEZ-ANDRES - D.Sc. (Economics), Professor, the University of Valencia (Valencia, Spain)

Victoria E. EROSA - D.Sc. (Administration), Guest Professor of the International graduate Centre of the City University of Applied Sciences (Hochschule), (Bremen, Germany)

J.Y. LEE - Cand. Sc. (Economics), Honorary Professor of the RSA Institute of Far Eastern Studies, Director of Department of European, American and Eurasian Institute for International Economic Policy of the Republic of Korea (Sejong, Republic of Korea)

Garcia Miguel CAYETANO - Professor, La Universidad Nacional Autonoma de Mexico (Mexico, Mexico)

LYU HUATSIN - Professor, Academy of International Trade and Economic Cooperation under the Ministry of Commerce of the PRC (China)

*К 70-летию Касыма Сырбаевича Мауленова,
ученого, юриста-международника
из Казахстана, Почетного профессора
Всероссийской академии внешней торговли*

Судьба во благо российско-казахстанской международно-правовой науки

Известному российскому и казахстанскому юристу-ученому Касыму Сырбаевичу Мауленову исполняется 70 лет. Судьба, всесторонние знания и неустанный труд привели Касыма Сырбаевича к вершинам правовой, и прежде всего международно-правовой, науки, к заслуженному признанию коллег и ученых сообществ России, Казахстана и других стран.

Сегодня Касым Сырбаевич – доктор юридических наук, профессор, преподаватель казахстанского вуза, автор учебников, книг и статей, крупный общественный деятель, Почетный профессор Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития России. Однако чтобы добиться званий, наград, признания, высокого положения в науке и в общественной работе, пришлось пройти трудный путь, где были не только успехи, но и большие трудности, невзгоды, утраты.

Жизненный путь Касым Сырбаевича складывался непросто. Кажется, что «прямая» этого пути состоит из различных ответвлений, неожиданных поворотов, этапов, пьедесталов, профессий, в которых соединились настоящий мужской характер, воля к достижению достойных результатов и стремление к научному осмыслению окружающей действительности. Так был избран путь юриста, юриста-международника, ставший путем большого педагога и ученого. Впрочем, этим не исчерпана вся картина этого пути.

Касым Сырбаевич родился 15 февраля 1955 года в СССР – в Алма-Ате, столице тогдашней Казахской Советской Социалистической Республики, в семье народного писателя и поэта Сырбая Мауленова. Имя Мауленова, писателя и поэта, известно в Казахстане каждому: в его честь названы улицы в городах, школы, гимназии. Знают Сырбая Мауленова и в России: участник Великой Отечественной войны и прорыва блокады Ленинграда, орденоносец, автор нескольких сборников стихов, опубликованных и получивших известность в СССР. Эти стихи читают и в наши дни: «Ты спроси о войне», «Огни Ленинграда», «На фронтовой дороге», «Ласточка», «Высота двадцать вторая», «Окоп»...

Юные годы Касыма прошли рядом с отцом, в теплой многолюдной семье, с братьями и сестрами. А в 14 лет юноша на несколько лет ушел в большой спорт, стал боксером, победителем и призером крупных соревнований, спартакиад. До сих

пор Касым Сырбаевич сохраняет любовь к спорту, и к боксу в особенности: он – автор казахстанской энциклопедии истории бокса; член исполкома Федерации профессионального бокса Республики Казахстан.

По окончании в 1977 году Казахского государственного университета начались, можно сказать одновременно, три линии профессиональной деятельности Касыма Сырбаевича: образовательная, научная и государственная служба. Далее – аспирантура и получение кандидатской степени, зарубежные стажировки (Республика Корея, США, Шотландия и др.). Карьера в родном госуниверситете и в других учебных заведениях Казахстана перемежалась с административно-государственной работой на ответственных должностях в Государственном комитете Казахской ССР по внешнеэкономическим связям, в Аппарате Президента Республики, Кабинете министров. После распада СССР Касым Сырбаевич, как начальник договорно-правового отдела Министерства внешнеэкономических связей Республики Казахстан, стоял у истоков договорно-правовой практики молодого государства, занимаясь подготовкой и заключением с иностранными государствами договоров о торговле и экономическом сотрудничестве, о защите инвестиций, избежании двойного налогообложения. Наконец, защита докторской диссертации по правовому регулированию иностранных инвестиций (2001 г.), практическая деятельность в частноправовой сфере международных инвестиционных отношений, статус признанного и востребованного эксперта по вопросам международно-правового обеспечения международных экономических отношений.

Касым Сырбаевич участвовал в разработке нового казахстанского законодательства, программ развития различных отраслей экономики, готовил материалы к крупным государственным и международным мероприятиям.

Научная деятельность обернулась, помимо двух диссертаций, множеством статей, монографий, учебников по широкому спектру национального и международного права, докладов на престижных международных конференциях. В научном портфеле ученого комментарии к Конституции страны, право интеллектуальной собственности, включая авторское право, правовое регулирование иностранных инвестиций и международное инвестиционное право, «нефтяное право» Казахстана и нефтяные контракты, международное частное право, право внешней торговли. Многие статьи были опубликованы за рубежом в рейтинговых научных журналах. Наконец, следует обратить внимание на первый в Казахстане учебник «Международное экономическое право», автором и редактором которого стал Касым Сырбаевич (при некотором соавторстве российского коллеги). За эту книгу была присуждена премия Петровской академии наук и искусств имени А.Н. Косыгина.

Юбиляр всегда был предан семье. Теплоту отцовской и материнской семьи, вынесенную с детства, он пронес вместе со своей семьей – вместе с супругой и тремя детьми – в любви и взаимопонимании.

Касым Сырбаевич хорошо знает и любит Россию, он – «свой человек» во Всероссийской академии внешней торговли: здесь проходили его незабываемые лекции и семинары, встречи со студентами и преподавателями, научные контакты по тематике, близкой «нише» Академии. Его любят студенты и ученики, идущие за ним в науку. За большой вклад в научные и образовательные российско-казахстанские связи и в сотрудничество вузов Казахстана с Академией Касыму Сырбаевичу было присвоено звание Почетного профессора ВАВТ. Открытый, коммуникабельный характер ученого располагает к настоящему погружению в правовые темы, в международное экономическое право. О его встречах с интересными людьми по всему миру можно было бы написать целую повесть. И, конечно, награды и всевозможные поощрения, грамоты, медали не обошли стороной. Впрочем, главной наградой и ответственностью остается на сегодня пост президента Фонда имени Сырбая Мауленова: Касым Сырбаевич всегда оставался достойным сыном своего отца.

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России поздравляет своего Почетного профессора Касыма Сырбаевича Мауленова с замечательным юбилеем – 70-летием со дня рождения. Нет сомнений, что энергия, знания, опыт юбиляра принесут еще много пользы российско-казахстанскому образовательному и научному сотрудничеству.

Возможные контуры будущего глобальных цепочек создания стоимости

Андрей Александрович МАЛЬЦЕВ,
доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)
ведущий научный сотрудник,
e-mail: maltsevaa@list.ru

УДК:330.133; ББК:65.011; Jel:A1
DOI: 10.24412/2072-8042-2025-1-10-25

Аннотация

В условиях нарастания фрагментации мировой экономики и усиления глобальной неопределенности все активнее обсуждается вопрос о начавшемся развороте глобализации вспять. Ее перспективы однозначной оценки пока не получили. В статье предпринята попытка на примере важнейшего актора мировой экономики – глобальных цепочек создания стоимости (ГЦС) – показать сложившиеся в данном вопросе точки зрения зарубежных экспертов. Абрис возможных контуров будущего глобализационных процессов рассматривается под углом зрения прилагаемых усилий по укреплению сопротивляемости ГЦС, перспектив их все большей специализации на оказании тех или иных услуг и последствий государственного вмешательства в эту сферу. Обобщение современной мировой практики позволило сделать следующие выводы. Во-первых, свою большую – в сравнении с отдельными крупными компаниями – устойчивость к внешним шокам в период пандемии доказали вовне обращенные ГЦС, а не замыкающиеся в своем периметре структуры. Во-вторых, в связи с ростом наукоемкости мировой экономики ускоряется рост ее сектора услуг, открывающий как дополнительные возможности, так и несущий дополнительные риски растущим экономикам. В-третьих, для реализации открывающихся перспектив и купирования возникающих новых угроз включения в международное разделение труда требуется проактивная государственная политика обеспечения устойчивого роста с опорой на синергетическое использование внутреннего потенциала страны и внешних факторов экономического развития.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания стоимости, мировая торговля, мировая экономика, «сервисизация», шок-уязвимость ГЦС.

New Contours of the Future of Global Value Chains

Andrey Alexandrovich MALTSEV,

*Doctor of Sciences in Economics, Professor, Institute of Economics
of the Ural Branch of the RAS (620014, Russia, Ekaterinburg, Moskovskaya st.,29) –
Leading Researcher, E-mail: maltsevaa@list.ru*

Abstract

With the increasing global economic fragmentation and rising uncertainty in the world, there has been much debate about the retreat from globalization. There is no clear-cut opinion on its prospects among experts. Using the example of global value chains (GVCs) as one of the most important actors in the world economy, the article makes an attempt to show the prevailing points of view of foreign experts on this issue. The outline of the possible contours of the future of globalization is considered from the perspective of the efforts being made to strengthen the resilience of GVCs, the prospects for their “servicification” and the consequences of government intervention in this area. A generalization of modern world practices allowed us to draw the following conclusions. Firstly, outward-oriented GVCs, rather than inward-oriented structures confined within their perimeter, have proven to be more resilient to external shocks during the pandemic as compared with single large companies. Secondly, due to the growing knowledge intensity of the world economy, the process of its “servicification” is accelerating, opening up both additional opportunities and carrying additional risks for growing economies. Thirdly, to realize the emerging prospects and stop new threats emerging within the process of participation in the international division of labour, a proactive government policy is required to ensure sustainable growth based on the synergistic use of the country’s internal potential and external factors of economic development.

Keywords: global value chains, world trade, world economy, “servicification”, shock vulnerability of GVCs.

ГИПЕРГЛОБАЛИЗАЦИЯ CONTRA ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Широко дискутируемый в последние годы вопрос о будущем глобализации, непосредственно сопрягающийся с перспективами уже сложившихся и формирующихся в обстоятельствах «новой реальности» ГЦС, однозначного ответа пока не получил. Опасения за перспективы глобализации¹ усиливаются в обстановке глобальной неопределенности, которую обострило наложение запущенного США в 2010-е гг. цикла торговых войн, природных катастроф, геополитических обострений и геоэкономической фрагментации в начале 2020-х гг. Соглашаясь с замедлением глобализации, специалисты McKinsey Global Institute будто бы начавшуюся деглобализацию квалифицируют спекуляцией, порожденной экономическими и политическими турбулентностями². О. Кануто, подчеркивая, что слухи «о смерти глобализации являются сильным преувеличением», допускает, что деглобализа-

ция, понимаемая как экономическая сегментация регионов по геополитическим причинам, либо как попытка национальных экономик добиться большей самообеспеченности, может состояться на какой-то период времени, но еще не началась. При этом наблюдаемые с мирового финансового кризиса 2008 г. торможение глобализационных процессов и рост регионализации О. Кануто называет не деглобализацией, а рядовым сокращением трансграничных потоков и запасов³.

Эксперты ВТО, в 2024 г. подводя итоги развития мировой торговли последних лет, сколько-нибудь веских подтверждений устойчивости тренда на деглобализацию не выявили⁴. Более того, суммарная мировая торговля промежуточными товарами (intermediate goods) – важнейший индикатор глобализационного взаимодействия в рамках ГЦС – в 2023 г., фактически, осталась на уровне 2022 г., чуть превышая 50%. По факту – в связи с пересмотром продуктовой классификации промежуточной продукции – это соответствует много лет стабильно державшемуся показателю доли промежуточной продукции в мировом экспорте⁵.

Однако нельзя не признать, что в силу значительной корреляции между динамикой глобализации и деятельностью ГЦС за разворот глобализационных процессов «сыграла» уязвимость цепочек к шокам разрывов производственных связей между их звеньями. В то же время объективная реальность подсказывает: следует учесть кардинальное изменение природы современных шоков. Если раньше преобладали локальные шоки, касавшиеся сравнительно небольшой группы фирм и, как правило, одного сектора, то в настоящее время таковыми являются глобальные и межсекторальные напряжения. При этом, объективности ради, эксперты не могут не отметить быстроту реагирования ГЦС на проявившиеся в начале пандемии нехватки индивидуальных средств защиты, медтехники, вакцин и персонала, беспрецедентную скорость разработки, тестирования и запуска в производство вакцин, др.⁶ В любом случае, формирующиеся контуры будущих ГЦС, в ряде работ уже получившие определение «комплексные цепочки создания стоимости» (complex value chains)⁷, предопределяют перспективы глобализации. Предлагаем рассмотреть намечаемый абрис этих контуров под углом зрения прилагаемых усилий по укреплению сопротивляемости ГЦС, перспектив их закрепления в секторе услуг и результативности государственного регулятивного вмешательства в эту сферу. Сразу отметим практически единодушную позицию специалистов в том, что сами контуры в настоящее время предсказать практически невозможно⁸.

К ВОПРОСУ ОБ УКРЕПЛЕНИИ СОПРОТИВЛЯЕМОСТИ ГЦС

В данном вопросе отталкиваться будем от того, что на данный момент устоявшейся трактовки сопротивляемости экономики страны, тем более, мировой экономики в целом, пока не сложилось. Следовательно, нет и ответа на вопрос, какие действия в отношении глобальных цепочек могут укрепить их сопротивляемость к шокowym воздействиям. При этом попытки современных политиков найти адек-

ватные (в их понимании) решения проблемы у многих специалистов усиливают опасения все большего отрыва предлагаемых инструментов от бизнес-реалий современности⁹.

В принципе, экономическая литература накопила немало работ по вопросам риск-менеджмента на уровне фирм, содержащих массу рекомендаций компаниям по упрочению сопротивляемости их производственно-сбытовых цепочек. Не является чем-то новым концепция сопротивляемости экономики и в литературе о ГЦС. Однако в ней ранее, как правило, рассматривались частные вопросы укрепления сопротивляемости ГЦС, например, в процессе восстановления после мирового финансового кризиса 2008 г.¹⁰ или в ходе анализа устойчивости медицинских ГЦС¹¹.

При этом оформились два лагеря специалистов по снижению риск-зависимости ГЦС с полярными точками зрения. Одни убеждены в необходимости сделать ГЦС «короче» и «домашнее», так как нарушение цепочек поставок «по вине» ключевых зарубежных поставщиков входных ресурсов негативно отражается на партнерах в других странах через недопоставки комплектующих¹². В данной модели как возможные выходы из положения не рассматриваются, скажем, диверсификация рядов стран-поставщиков комплектующих или повышение гибкости производственных технологий. Например, Tesla в 2021 г. в ответ на нехватку полупроводников переписала соответствующее программное обеспечение для его совмещения с работой доступных на тот момент чипов¹³. Одновременно почему-то игнорируется напрашивающийся контраргумент, что «негативные последствия локальных шоков могут быть максимизированы и в отсутствие связей с зарубежными партнерами»¹⁴.

Другая группа экспертов^{15,16} отстаивает обратное положение. В концепции «безопасной открытости» главным инструментом снижения риска сверхконцентрации ГЦС выступает большая диверсификация поставщиков промежуточных ресурсов и потребителей конечной продукции конкретных цепочек. Примечательно, что даже на начало 2020-х гг. отсутствовали объективные данные о результатах применения обеих моделей, как и не имелось четкого представления о реалистичности их долгосрочного воздействия на реконфигурацию ГЦС¹⁷.

Поэтому, что называется, от противного выделим 3 просматривающихся в данном контексте общих момента. Во-первых, как показал проведенный McKinsey Global Institute в 2020 г. анализ шок-уязвимости ГЦС, позволивший по этому критерию разделить их на 4 категории, даже цепочки с наивысшим уровнем защищенности от шоков абсолютным иммунитетом к ним не обладают, так как «равно не застрахованы от ураганов или кибератак»¹⁸. Во-вторых, отсутствует некая абстрактная рациональная модель организации ГЦС, которая бы обеспечивала устойчивость цепочки, так как риск является только одной из детерминант комплексной задачи выбора места локации конкретного производства¹⁹. В-третьих, инициацию реконфигурации глобальных цепочек поставок нельзя не предварять основательным погружением в бизнес-практики прошлого и бизнес-реалии современности,

доказывающие, что те же внутренние цепочки поставок, стратегии «точно по необходимости», «точно вовремя», др. не всегда являются лучшим вариантом укрепления сопротивляемости ГЦС, но его поиск не должен вести к их демонтажу²⁰. Общий же методический подход к уточнению пакета действий ГЦС в условиях шоков, на наш взгляд, удалось сформулировать коллективу английских и бразильских специалистов, изучавших влияние жестокой засухи 2014-2015 гг. в Бразилии на внутренние цепочки поставок продовольствия²¹. Суть вывода, сделанного на основании 41 развернутого интервью бразильских фермеров, переработчиков сырья, изготовителей конечной продукции, сводится к следующему. Устойчивость цепочки создания стоимости зависит не от организационных характеристик функционирующей в ее рамках цепочки поставок, а от эффективности стратегий риск-менеджмента, используемых входящими в нее компаниями и позволяющих оперативно реконфигурировать цепочку создания стоимости для сглаживания потерь от возникающих сбоев. В порядке небольшого уточнения заметим: прочность любой цепочки проверяется по ее слабейшему звену. Поэтому даже самая продвинутая стратегия управления рисками без донастройки инструментов макроэкономической стабилизации, формирования благоприятствующей бизнесу институциональной среды может не дать желаемого результата. В любом случае, «не существует единой “серебряной пули” против рисков международной торговли»²², то есть для каждого ГЦС-риск-кейса потребуется индивидуализация принимаемых решений.

ФЕНОМЕН «СЕРВИСИЗАЦИИ» ГЦС

«Сервисизация» (servicification) ГЦС или увеличение доли добавленной стоимости, создаваемой услугами, в стоимости готового изделия²³ стала одним из важных следствий начавшейся в 1990-х гг. глобализации. Фактически услуги в настоящее время присутствуют практически на каждой стадии цепочки поставок, будучи, зачастую, непосредственно «упакованы» в стоимости передаваемых по цепочке комплектующих. И если первоначально услуги «сопровождали» работу промышленных и сельскохозяйственных цепочек, то со временем стали формироваться глобальные цепочки, специализирующиеся на оказании услуг, а узкопрофильные промышленные (limited manufacturing GVCs) – все активнее замещаться многопрофильными ГЦС (advanced manufacturing and services GVCs)²⁴. Оказалось, что производственный процесс в сфере услуг также можно фрагментировать, чему в немалой степени поспособствовало распространение цифровизации. Например, разработку нового программного обеспечения можно разделить на составление архитектуры программы, написание к ней кода, тестирование, маркетинг, установку, послепродажное сопровождение, тренинг и обучение.

Понятно, что рассматриваемые динамические процессы своим происхождением «обязаны» структурной трансформации мировой экономики, в которой доля услуг с середины 1990-х гг. устойчиво занимает 2/3 объема – 64,9% мирового ВВП

в 1995 г., 61,8% – в 2022 г. В ведущих западных странах этот показатель еще выше: 65,0% – в ЕС (2023 г.), 72,8% – в Великобритании (2023 г.), 76,7% (2021 г.) – в США²⁵. Правда, в силу меньшей вовлеченности услуг в международный оборот их объем (7,84 трлн долл. в 2023 г.) ровно в 3 раза меньше мирового товарного экспорта (23,784 трлн долл. в 2023 г.). Однако оборот услуг в последние годы отличается значительно более высокой динамикой. Если за 2019-2023 гг. мировой ВВП вырос на 9,0%, мировая торговля (товарами и услугами) – на 6,0%, то глобальная торговля услугами увеличилась на 24%²⁶.

В этом большую роль сыграли новые технологии, открывшие возможности наращивания экспорта услуг дистанционно. Даже разрывы в глобальных цепочках поставок вызвали взрывной рост отдельных секторов в этой сфере. Например, экспорт компьютерных услуг за 2021-2023 гг. в мировой торговле суммарно увеличился на 38%, страхования – на 36%^{27, 28}. В специальной литературе даже появился профильный термин – “digitally delivered services” / DDS, под которым понимается широкий набор трансграничных услуг, оказываемых в компьютерном сопровождении с использованием сети интернет: от дистанционного бизнес-консультирования и профессионального менеджмента (41,2% DDS) до стриминга видео, музыки и онлайн-обучения. Стоимостной объем мирового рынка DDS в 2023 г., как и весь мировой «услуговой» экспорт, вырос на 9% (товарный, кстати, сократился на 5%) и составил 4,25 трлн долл., или 13,4% суммарного глобального экспорта товаров и услуг. При этом данный сегмент мирового рынка растет самыми высокими темпами, увеличившись в 2023 г. к допандемийному уровню на 50%²⁹. Показательно, что в топ-10 стран в мировом экспортно-импортном обороте услуг на 2023 г. (см. таблицы 1 и 2) вошли как раз страны, играющие определяющую роль в современном «ГЦС-строительстве».

Таблица 1

Топ-10 мирового экспорта услуг в 2023 г.

№/№ n/n	Страна	Млрд долл.	Удельный вес в мировом экспорте	Изменение за 2023 г., %
1	США	966	12,3	7
2	Великобритания	581	7,4	16
3	Германия	435	5,5	2
4	Ирландия	397	5,1	11
5	Китай	380	4,8	-10
6	Франция	355	4,5	4
7	Индия	344	4,4	11
8	Сингапур	328	4,2	-3
9	Нидерланды	314	4,0	10
10	Япония	201	2,6	21
	Мир, всего	7 840	100	9

Источник: WTO. Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 41.

Таблица 2

Топ-10 мирового импорта услуг в 2023 г.

№/№ n/n	Страна	Млрд долл.	Удельный вес в мировом импорте	Изменение за 2023 г., %
1	США	694	9,6	3
2	Китай	549	7,6	19
3	Германия	506	7,0	9
4	Великобритания	389	5,4	23
5	Ирландия	389	5,4	9
6	Франция	323	4,5	12
7	Нидерланды	297	4,1	10
8	Сингапур	295	4,1	0
9	Индия	247	3,4	0
10	Япония	225	3,1	8
	Мир, всего	7 244*	100	9

* Несовпадение данных мирового импорта услуг с объемом мирового экспорта услуг Секретариат ВТО объясняет непредставлением рядом стран сведений об импорте услуг и – в ряде случаев – предварительными оценками итогов за IY квартал 2023 г.

Справочно заметим, что Россия не вошла в топ-30 лидеров мирового экспорта услуг, а в топ-30 импортеров заняла в 2023 г. 18-е место с показателем 75 млрд дол. и годовым приростом импорта в 7%.

Источник: WTO. Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 41.

В последнее время все чаще высказывается точка зрения, согласно которой глобальные цепочки снабжения со временем трансформируются в глобальные «услуговые» цепочки, придав новый импульс притормозившей глобализации³⁰. Из главных аргументов в пользу этого предположения, во-первых, называется все большее увеличение добавленной стоимости, создаваемой в финансовом секторе, логистике, на транспорте, других звеньях ГЦС, необходимых для физического изготовления комплектующих и конечной продукции³¹. Во-вторых, рост наукоемкости ГЦС, подтверждаемый увеличением доли нематериальных активов в выручке (на 7,6% в среднем за 2000-2016 гг.), «подтолкнул» оборот прямых и косвенных услуг (в 2010-е гг. торговля услугами росла на 60% быстрее мирового товарооборота)³². В-третьих, цифровизация обеспечивает повышение вовлеченности услуг в мировой оборот, сокращая долю торговых и трудовых издержек в стоимости услуг. В-четвертых, страны с низкими и средними доходами с преобладанием низкоквалифицированной рабочей силы не могут использовать фактор сравнительных преимуществ в обрабатывающей промышленности, тем более, с ростом ее капиталоемкости, тогда как в секторе услуг «для входа» требуются существенно меньшие инвестиции в расчете на 1 занятого. В-пятых, важнейшим благоприятствующим специализирующимся на оказании услуг глобальным цепочкам фактором высту-

пает меньший протекционизм в отношении промежуточных услуг. Это результирующая ряда обстоятельств: а) страны-члены ВТО в Декларации о глобальной электронной торговле³³, принятой в Женеве в 1998 г., договорились воздержаться от взимания пошлин с товаров в трансграничной e-commerce (в декабре 2019 г. действие моратория продлено); б) в большинстве случаев регулирование сферы услуг ограничивается регламентацией деятельности конечного исполнителя, когда, например, оказание инженерных, медицинских, юридических услуг оговаривается пакетом требований к уровню квалификации основного актора, а занятые в промежуточных звеньях «услуговой» цепочки под эти требования не попадают; в) в ходе Уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ (1986–1994 гг.) большинство развитых стран приняли на себя обязательство не устанавливать барьеры трансграничному обороту большинства видов услуг.

Вместе с тем, успешность глобальных цепочек, специализирующимся на оказании услуг, зависит от решения ряда проблемных вопросов. Во-первых, с изменением «природы» торговли услугами (все больший переход «на цифру») ужесточились требования к обороту информации. В частности, специалисты McKinsey Global Institute установили, что к началу 2020-х гг. в большинстве секторов услуг барьеры входа оказались в 2-3 раза выше действующих для потоков товаров³⁴. Во-вторых, обеспечивающие динамику экспорта услуг все увеличивающиеся трансграничные потоки информации (в 2010-е гг. прирастали на 50% в год³⁵) породили острейшую глобальную проблему кибербезопасности. Подсчитано, что на начало 2022 г. мировая экономика испытывала нехватку 3 млн специалистов по кибербезопасности³⁶, а растущая киберпреступность в рейтинге Всемирного экономического форума в 2023 г. впервые попала в топ-10 глобальных рисков (№ 8 по важности на горизонте ближайших двух лет)³⁷, а в 2024 г. поднялась на четвертую позицию³⁸, то есть, решать эту глобальную проблему можно только совместными усилиями. В-третьих, многие специализирующиеся на оказании услуг сложившиеся ГЦС (в Индии, на Филиппинах) занимаются выполнением рутинных, не требующих высокой квалификации отдельных IT- и бизнес-услуг, постепенно вытесняемых искусственным интеллектом. Их конкурентоспособность и переход к оказанию более сложных услуг будет зависеть, прежде всего, от объема инвестиций на научные исследования. Однако даже индийские IT-мейджоры, у которых экспортная выручка втрое превышает доходы от работы на внутреннем рынке, расходуют на НИОКР менее 1% своей выручки, а Google или Microsoft – 15%. В порядке справки можно отметить, что на 2016 г. из 2,5 тыс. мировых лидеров по затратам на научные исследования 275 компаний представляли сектор ИКТ. В их число входили 161 фирма США, 32 – КНР и только 5 – Индии³⁹.

ГОСУДАРСТВО И ГЦС: ПОИСК ФОРМАТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В рассмотренных выше условиях обострения рисков нарушения взаимосвязей в ГЦС, всплеска протекционизма и нарастания геополитической неопределенно-

сти все больше экспертов⁴⁰ сходятся на том, что как природные катаклизмы, так и геополитические обострения в будущем будут все чаще порождать разрывы в цепочках предложения, спроса, транспортировки продукции, пр. Тем самым усиливается значение государственной политики купирования рисков, задействуемой либо по факту выявления разрывов в цепочках поставок, либо в порядке их предупреждения. При этом принципиальную важность приобретает вопрос о параметрах «вторжения» государства в «зоны ответственности» ГЦС.

Современная практика правительственных решений позволяет говорить о трех основных вариантах возможных действий: «нишевая» поддержка отдельных секторов, общее регулирование, прямой государственный контроль. В принципе, экономическая политика государства всегда строится в увязке с конкретикой той «ниши», в которой функционируют выступающие объектом его внимания ГЦС. Например, правительства США и стран ЕС в самом начале пандемии гарантировали производителям вакцин полную компенсацию затрат на их разработку вне зависимости от результата. Общее регулирование предполагает широкий комплекс мер, призванных обеспечить устойчивость микроуровня. Так, количественное смягчение предотвратило каскадные банкротства, а поддержка доходов домохозяйств самортизировала возможно более глубокий спад спроса. Ряд критически важных для национальной безопасности секторов (оборона, сельское хозяйство, финансы) в принципе не могут быть отданы «на волю» рынка и, тем более, в кризисной ситуации требуют прямого государственного контроля (госзакупками, интервенциями, наращиванием стратегических запасов, пр.). Во всех трех вариантах действий просматривается один общий посыл: сопротивляемость экономики на макроуровне крайне важна для обеспечения устойчивости микроуровня.

Из главных следующих из этих наблюдений последствий для ГЦС, помимо рассмотренных выше возможностей укрепления сопротивляемости, назовем реконфигурацию глобальных цепочек. Вообще-то, конфигурация сложившихся ГЦС не является случайной. Ее предопределяла практика, подтвержденная экономической эффективностью взаимодействия партнеров по звеньям в цепочке. К тому же даже в условиях «гиперглобализации» состав ГЦС менялся крайне медленно⁴¹. Так, за 20-летний период (1995-2019 гг.) ни одна страна-участница ГЦС не выходила за пределы 2%-го диапазона колебаний своего годового экспорта в рамках цепочки, то есть состав за декаду обновлялся в среднем на 10-20% (с основным приращением присутствия, разумеется, со стороны Китая)⁴². Очевидно, что сложившиеся пространственные балансы цепочек поставок вряд ли подвергнутся реконфигурации, пока компании не начнут на себе испытывать постоянное воздействие последствий разрыва связей, а правительства не решатся на выделение крупных долгосрочных субсидий производителям или на значительные интервенции в госзакупки. Впрочем, ускорить реконфигурацию ГЦС может признание отдельных секторов (медицинской продукции, полупроводников, др.) звеньями национальной безопасности.

Однако на стыке 2010-2020-х гг. главным драйвером процессов реконфигурации ГЦС стали трансконтинентальные геополитические и геоэкономические риски, инициированные, прежде всего, США (торговые войны с Китаем, выход из Транс-Тихоокеанского партнерства, принятие закона «О снижении инфляции», др.). При этом просматриваются 2 основных трека: регионализация и «одомашнивание» ГЦС. Так, Австралия, Индия и Япония для противостояния неопределенностям в американо-китайских торговых отношениях 27 апреля 2021 г. подписали соглашение «Инициатива устойчивости цепочек снабжения» (Supply Chain Resilience Initiative). США, где в 2021 г. 55 компаний из списка Fortune 500, заработав 40 млрд долл. прибыли, не заплатили ни цента федеральных налогов⁴³, в сентябре 2021 г. заручились поддержкой 130 стран своего предложения о введении нового глобального налогового режима с минимальной 15%-ой ставкой корпоративного налога на прибыль⁴⁴. «Рекомендательный» посыл государства релоцироваться к истокам американские гиганты, надо признать, услышали. Например, Intel, один из основателей Silicon Valley, запланировал построить в Огайо мега-центр из 8 заводов по производству полупроводников за 20 млрд долл. на 10 тыс. рабочих мест со средней зарплатой 135 тыс. долл. в год и перспективой наращивания инвестиций до 100 млрд долл. Кстати, это будут крупнейшие инвестиции в истории обрабатывающей промышленности США⁴⁵.

В процессе «одомашнивания» ГЦС попутно решается еще одна плохо скрываемая цель – экономически «обескровить» преследователей-конкурентов. Так, сразу после подписания президентом Байденом в августе 2022 г. закона «О снижении инфляции»⁴⁶ с финансовыми вливаниями 430 млрд долл. государственных средств (и условием запрета получателям госденег на любые торговые отношения с Китаем) в отрасли «зеленой» экономики анонсировано минимум 20 проектов строительства заводов по производству экологически чистой энергии, в том числе ½ из них – иностранными компаниями. Проведенный 1 марта 2023 г. ТПП Германии опрос показал, что уже каждая десятая немецкая фирма планировала перенос производства за рубеж, прежде всего, в США⁴⁷.

Главные результирующие практики «взаимоотношений» государства и ГЦС, на наш взгляд, можно определить следующим образом:

□ постоянная и дорогостоящая государственная политика нейтрализации шок-разрыва цепочек поставок продукции в настоящее время применима в узко ограниченном наборе секторов экономики (оборона, сельское хозяйство, финансы);

□ сохранение глобальности – важнейшее условие успешности ГЦС. В этой связи западные эксперты затрудняются сказать, перерастут ли двусторонние торговые войны (прежде всего, США-КНР) во всемирную торговую войну (“all-out trade war”), однако уже доказано, что от обмена торговыми ударами потери понесли и американские потребители, и американские производители⁴⁸. Многие специалисты при этом отмечают сохранение реальных рисков того, что геополитические

и стратегические императивы приведут к фрагментации мировой экономики на враждебные политические блоки (“hostile political blocks”) с потенциальным разъединением технологических стандартов, что обнулит значительную часть цифровой интеграции (“digital integration”), достигнутой в мире за последние десятилетия⁴⁹;

□ государства могут существенно усилить конкурентоспособность «своих» ГЦС развитием их инновационности. В свое время США направляли на научные исследования суммарно около 2% ВВП⁵⁰. В 2023 г. США с показателем 3,46% ВВП расходов на НИР заняли третье место в мире после Израиля (5,56%) и Республики Корея (4,93%) и первое – по абсолютным расходам на научные исследования (923 млрд долл.). КНР (812 млрд долл.) совсем немного уступила США в абсолютном «зачете». Однако именно Китай оказался драйвером глобального научного поиска, с 2000 г. к началу 2020-х гг. 20-кратно нарастив свои затраты на научные исследования, тогда как США и ЕС смогли увеличить их только в 3 раза⁵¹.

ВЫВОДЫ

Все ГЦС в большей или меньшей степени уязвимы к воздействию эндо-, экзогенных шоков. Не существует универсального рецепта противостояния рисков уязвимости ГЦС. Каждый отдельный кейс требует индивидуальной проработки, особенно в условиях обострения геополитических рисков и нарастания глобального протекционизма.

Появляется все больше фактов, подтверждающих тренд на постепенную трансформацию ГЦС в глобальные «услугивые» цепочки. Цифровизация мировой экономики, очевидно, ускоряет этот тренд. Однако успех ГЦС, специализирующихся на оказании услуг, во многом будет зависеть от решения все острее проявляющихся проблем, в том числе, в сфере кибербезопасности, преодолении цифрового неравенства, согласовании вопросов защиты интеллектуальной собственности, др.

Однозначного ответа на вопрос о будущем глобализации, следовательно, и о перспективах реконфигурации ГЦС, исчерпание ресурсов нынешней ИКТ-революции, др. у специалистов на сегодняшний день нет. Можно допустить, что действие отдельных драйверов отмеченных процессов замедлилось, а какие-то из них запустили деглобализационные эффекты. В процессе поиска вариантов «перебалансировки» ГЦС здравый смысл должен подсказать необходимость сконцентрировать главные усилия на развороте наметившегося дробления геоэкономического пространства, предотвращении торможения развития наукоемких отраслей и общего сжатия человеческого капитала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Kobrin S.J. How Globalization Became a Thing That Goes Bump in the Night // *Journal of International Business Policy*. 2020. Vol. 3, Iss. 3. PP. 280-286. DOI: <https://doi.org/10.1057/s42214-020-00060-y>.

² Seong J. et al. Global Flows: The Ties That Bind in an Interconnected World. The McKinsey Global Institute Discussion Paper, 2022. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world#/> (дата обращения: 15.09.2024).

³ Canuto O. Slowbalization, Newbalization, Not Deglobalization. Policy Centre for the New South, 2022. URL: <https://www.policycenter.ma/publications/slowbalization-newbalization-not-deglobalization> (дата обращения: 11.10.2024).

⁴ WTO. Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 16.

⁵ WTO. Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 29.

⁶ Baldwin R., Freeman R. Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper 29444, 2021. P. 24.

⁷ Miroudot S. Reshaping the Policy Debate on the Implications of COVID-19 for Global Supply Chains // *Journal of International Business Policy*. 2020. Vol. 3, Iss. 4. P. 430. DOI: [10.1057/s42214-020-00074-6](https://doi.org/10.1057/s42214-020-00074-6).

⁸ Baldwin R., Freeman R. Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper 29444, 2021. P. 22.

⁹ Miroudot S. Reshaping the Policy Debate on the Implications of COVID-19 for Global Supply Chains // *Journal of International Business Policy*. 2020. Vol. 3, Iss. 4. P. 431. DOI: [10.1057/s42214-020-00074-6](https://doi.org/10.1057/s42214-020-00074-6).

¹⁰ Cattaneo O., Gereffi G., Staritz C. Global Value Chains in a Post-Crisis World: A Development Perspective. Washington: World Bank Group, 2010. 391 p.

¹¹ Gereffi G. What Does the COVID-19 Pandemic Teach Us About Global Value Chains. The Case of Medical Supplies // *Journal of International Business Policy*. 2020. Vol. 3, Iss. 3. PP. 287-301. DOI: <https://doi.org/10.1057/s42214-020-00062-w>.

¹² Covery A. et al. Supply Chain Contagion and the Role of Industrial Policy // *Journal of Industrial and Business Economics*. 2020. Vol. 47, Iss. 3. PP. 467-482. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40812-020-00167-6>.

¹³ World Economic Outlook: War Sets Back the Global Recovery. Washington: International Monetary Fund, 2022. P. 95.

¹⁴ Canuto O. Slowbalization, Newbalization, Not Deglobalization. Policy Centre for the New South, 2022. URL: <https://www.policycenter.ma/publications/slowbalization-newbalization-not-deglobalization> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁵ Javorcik B. Global Supply Chains Will Not Be the Same in the Post-COVID-19 World / In R. Baldwin and S.J. Evenett (eds.). COVID-19 and Trade Policy: Why Turning Inward Won't Work. London: CERP, 2020. PP. 111-116.

¹⁶ Shih W. Is It Time to Rethink Globalized Supply Chains? // MIT Sloan Management Review. 2020. Vol. 61, Iss. 4. PP. 16-18.

¹⁷ Baldwin R., Freeman R. Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper 29444, 2021. P. 20.

¹⁸ Lund S. et al. Risk, Resilience, and Rebalancing in Global Value Chains. The McKinsey Global Institute, 2020. P. 30.

¹⁹ Miroudot S. Reshaping the Policy Debate on the Implications of COVID-19 for Global Supply Chains // Journal of International Business Policy. 2020. Vol. 3. Iss. 4. P. 438. DOI: 10.1057/s42214-020-00074-6.

²⁰ Ibid. PP. 434-435.

²¹ Sa M. et al. Supply Chain Resilience: The Whole Is Not the Sum of the Parts // International Journal of Operations & Production Management. 2019. Vol. 40, Iss. 3. PP. 92-115. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJOPM-09-2017-0510>.

²² Райтер О. Международная торговля: как пересобрать цепочки поставок // Эксперт. 2021. № 41. С. 9.

²³ Baldwin R., Freeman R. Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper 29444, 2021. P. 24.

²⁴ A New Dawn for Global Value Chain Participation in the Philippines. International Development in Focus / Arenas G., Coulibaly S. (eds.). Washington: World Bank Group, 2022. P. 17.

²⁵ Рассчитано по: Services, Value Added (% of GDP). World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS> (дата обращения: 19.09.2024).

²⁶ Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 21.

²⁷ World Trade Statistical Review. Geneva: World Trade Organization, 2022. P. 16.

²⁸ Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 23.

²⁹ Ibid. PP. 24-25.

³⁰ Baldwin R., Freeman R. Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper 29444, 2021. P. 24.

³¹ Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production. Geneva: World Trade Organization, 2021. P. 44.

³² Ibid. P. 59.

³³ The Geneva Ministerial Declaration on Global Electronic Commerce. Geneva: World Trade Organization. 25 May, 1998. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/mindec1_e.htm (дата обращения: 19.08.2024).

³⁴ Seong J. et al. Global Flows: The Ties That Bind in an Interconnected World. The McKinsey Global Institute Discussion Paper, 2022. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world#/> (дата обращения: 15.09.2024).

- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ The Global Risks Report 2022 17th edition. Geneva: World Economic Forum, 2022. P. 49.
- ³⁷ The Global Risks Report 2023 18th edition. Geneva: World Economic Forum, 2023. P. 6.
- ³⁸ The Global Risks Report 2024 19th edition. Geneva: World Economic Forum, 2024. P. 14.
- ³⁹ Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production. Geneva: World Trade Organization, 2021. P. 112.
- ⁴⁰ Baldwin R., Freeman R. Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper 29444, 2021. P. 21.
- ⁴¹ Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production. Geneva: World Trade Organization, 2021. P. 2.
- ⁴² Seong J. et al. Global Flows: The Ties That Bind in an Interconnected World. The McKinsey Global Institute Discussion Paper, 2022. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world/> (дата обращения: 15.09.2024).
- ⁴³ President Biden's State of the Union Address. March 1, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/state-of-the-union-2022/> (дата обращения: 21.08.2024).
- ⁴⁴ Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production. Geneva: World Trade Organization, 2021. P. XXIII.
- ⁴⁵ President Biden's State of the Union Address. March 1, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/state-of-the-union-2022/> (дата обращения: 21.08.2024).
- ⁴⁶ Inflation Reduction Act of 2022. URL: <https://www.irs.gov/inflation-reduction-act-of-2022> (дата обращения: 21.08.2024).
- ⁴⁷ Иванова О. Европа рискует проиграть США в «зеленой» гонке субсидий и инвестиций // Эксперт. 2023. № 15. С. 36-37.
- ⁴⁸ Antràs P. De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. Harvard University, 2020. P. 37.
- ⁴⁹ Ibid. P. 38.
- ⁵⁰ President Biden's State of the Union Address. March 1, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/state-of-the-union-2022/> (дата обращения: 21.08.2024).
- ⁵¹ Научный мир: сколько страны тратят на исследования и как изменится наука в будущем // БКС Экспресс. 2024. 28 мая. URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/nauchnyi-mir-skol-ko-strany-tratiat-na-issledovaniia-i-kak-izmenitsia-nauka-v-budushchem?utm_referer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 23.09.24).

БИБЛИОГРАФИЯ:

Иванова О. Европа рискует проиграть США в «зеленой» гонке субсидий и инвестиций // Эксперт. 2023. № 15. С. 36-39. @@ Ivanova O. Evropa riskuet proigrat' SShA v «zelenoy» gonke subsidiy i investitsiy // Ekspert. 2023. № 15. S. 36-39.

Научный мир: сколько страны тратят на исследования и как изменится наука в будущем // БКС Экспресс. 2024. 28 мая. @@ Nauchnyy mir: skol'ko strany tratyat na issledovaniya i kak izmenitsya nauka v budushchem // BKS Ekspress. 2024. 28 maya. URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/nauchnyi-mir-skol-ko-strany-tratiat-na-issledovaniia-i-kak-izmenitsia-nauka-v-budushchem?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 23.09.24).

Райтер О. Международная торговля: как пересобрать цепочки поставок // Эксперт. 2021. № 41. С. 9. @@ Rayter O. Mezhdunarodnaya trgovlya: kak peresobrat' tsepochnki postavok // Ekspert. 2021. № 41. S. 9.

A New Dawn for Global Value Chain Participation in the Philippines. International Development in Focus / Arenas G., Coulibaly S. (eds.). Washington: World Bank Group, 2022. 70 p.

Antràs P. De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. Harvard University, 2020. 49 p.

Baldwin R., Freeman R. Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper 29444, 2021. 36 p.

Canuto O. Slowbalization, Newbalization, Not Deglobalization. Policy Centre for the New South, June 1, 2022. – URL: <https://www.policycenter.ma/publications/slowbalization-newbalization-not-deglobalization> (дата обращения: 11.10.2024).

Cattaneo O., Gereffi G., Staritz C. Global Value Chains in a Post-Crisis World: A Development Perspective. Washington: World Bank Group, 2010. 391 p.

Covery A. et al. Supply Chain Contagion and the Role of Industrial Policy // Journal of Industrial and Business Economics. 2020. Vol. 47, Iss. 3. PP. 467-482. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40812-020-00167-6>.

Gereffi G. What Does the COVID-19 Pandemic Teach Us About Global Value Chains. The Case of Medical Supplies // Journal of International Business Policy. 2020. Vol. 3, Iss. 3. PP. 287-301. DOI: <https://doi.org/10.1057/s42214-020-00062-w>.

Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: World Trade Organization, 2024. 44 p.

Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production. Geneva: World Trade Organization, 2021. 212 p.

Inflation Reduction Act of 2022. URL: <https://www.irs.gov/inflation-reduction-act-of-2022> (дата обращения: 21.08.2024).

Javorcik B. Global Supply Chains Will Not Be the Same in the Post-COVID-19 World / In R. Baldwin and S.J. Evenett (eds.). COVID-19 and Trade Policy: Why Turning Inward Won't Work. London: CERP, 2020. PP. 111-116.

Kobrin S.J. How Globalization Became a Thing That Goes Bump in the Night // Journal of International Business Policy. 2020. Vol. 3, Iss. 3. PP. 280-286. DOI: <https://doi.org/10.1057/s42214-020-00060-y>.

Lund S. et al. Risk, Resilience, and Rebalancing in Global Value Chains. The McKinsey Global Institute, 2020. 99 p.

Miroudot S. Reshaping the Policy Debate on the Implications of COVID-19 for Global Supply Chains // Journal of International Business Policy. 2020. Vol. 3, Iss. 4. PP. 430-442. DOI: 10.1057/s42214-020-00074-6.

President Biden's State of the Union Address. March 1, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/state-of-the-union-2022/> (дата обращения: 21.08.2024).

Sa M. et al. Supply Chain Resilience: The Whole Is Not the Sum of the Parts // International Journal of Operations & Production Management. 2019. Vol. 40, Iss. 3. PP. 92-115. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJOPM-09-2017-0510>.

Seong J. et al. Global Flows: The Ties That Bind in an Interconnected World. The McKinsey Global Institute Discussion Paper, 2022. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world#/> (дата обращения: 15.09.2024).

Services, Value Added (% of GDP). World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS> (дата обращения: 19.09.2024).

Shih W. Is It Time to Rethink Globalized Supply Chains? // MIT Sloan Management Review. 2020. Vol. 61, Iss. 4. PP. 16-18.

The Geneva Ministerial Declaration on Global Electronic Commerce. Geneva: World Trade Organization. 25 May, 1998. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/mindec1_e.htm (дата обращения: 19.08.2024).

The Global Risks Report 2022 17th edition. Geneva: World Economic Forum, 2022. 116 p.

The Global Risks Report 2023 18th edition. Geneva: World Economic Forum, 2023. 97 p.

The Global Risks Report 2024 19th edition. Geneva: World Economic Forum, 2024. 123 p.

World Economic Outlook: War Sets Back the Global Recovery. Washington: International Monetary Fund, 2022. 179 p.

World Trade Statistical Review. Geneva: World Trade Organization, 2022. 134 p.

Знаковые изменения на международных рынках капитала

Александр Александрович ТКАЧЕНКО,
доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ
(125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2),
Институт исследований международных
экономических отношений - главный научный
сотрудник, email: alaltkachenko@gmail.com

УДК:339.727; ББК:65.268; JEL:G15
DOI: 10.24412/2072-8042-2025-1-26-48

Аннотация

Мировая экономика характеризуется как процессами регионализации рынков ряда стран, так и продолжающейся экономической глобализацией. Особое место в глобальной экономике занимает международный рынок капитала, который измеряется разными методами и индикаторами. В отечественной литературе характеристиками мирового рынка капитала и основным изменением этого рынка в XXI в. уделяется недостаточно внимания, хотя многие из них свидетельствуют о будущих трендах развития мировой экономики. Рассмотрены изменения за 2013-2023 гг. в секторальной структуре экономики по показателю капитализации акций и в доле на этом рынке капитала основных экономик мира, включая развитые и развивающиеся экономики. Знаковым изменением можно считать: усиление группы стран с развитой экономикой, США и ЕС, явное ослабление группы стран с развивающейся экономикой и неустойчивость крупнейшей из них – китайской экономики. Анализ суверенных фондов благосостояния позволил показать их значение как крупных инвесторов на фондовых рынках; особое внимание уделено образовательным по своему назначению фондам, и сделан вывод о целесообразности создания в России суверенного фонда, аналогичного техасским общеобразовательному и университетскому фондам.

Ключевые слова: развитые экономики, экономики с развивающимся рынком, международный рынок капитала, капитализация мирового рынка акций, международный фондовый индекс, суверенные инвестиционные фонды, образовательные суверенные фонды.

Significant Changes in International Capital Markets

Alexander Alexandrovich TKACHENKO,
Doctor of Sciences in Economics, Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167),
Institute of International Economic Relations Research - Chief Researcher,
email: alaltkachenko@gmail.com

Abstract

The global economy is characterized by both the processes of regionalization of countries' markets and ongoing economic globalization. International capital market plays an important role in the global economy, which is measured by different methods and indicators. In domestic

literature, insufficient attention is paid to the characteristics of the world capital market and the main changes in this market in the XXI century, although many of them testify to future trends in the world economy. The article examines the changes in the economic sectoral structure in terms of market capitalization and the share of the world's major economies in this capital market, including developed and developing economies, for 2013-2023. The strengthening of developed economies - the USA and the EU, the obvious weakening of emerging economies, and the instability of the largest of them - the Chinese economy, are arguably the most significant ones. The analysis of sovereign wealth funds shows their importance as major investors in stock markets; special attention is paid to sovereign wealth funds that are educational in their purpose, and a conclusion is made about the advisability of creating a sovereign fund in Russia, similar to the Texas education and general funds.

Keywords: developed economies, emerging economies, international capital market, world stock market capitalization, international stock index, sovereign wealth funds, education sovereign wealth funds.

В основе архитектуры транснационального управления в XXI в. лежат, кроме правил торговли, международного права, геополитики, стратегических союзов и т.д., политика движения трансграничного капитала/инвестиций и международные финансовые институты. Эти институты представлены как глобальными – Всемирный Банк и Группа Всемирного Банка, Международный Валютный Фонд, Международный банк реконструкции и развития и др., так и региональными международными организациями: Европейский Банк Реконструкции и Развития, Европейский Центральный Банк, Азиатский Банк Развития, Исламский банк развития (*Islamic Development Bank – IDB Group*), Африканский банк развития (*African development bank group*), а также негосударственными институтами как более новым и важным образованием в мировой экономике.

Попытки перепроектировать мировую финансовую архитектуру продолжаются и в XXI в. и направлены на создание нового Бреттон-Вудса.¹ Так, ООН предлагает провести «новый Бреттон-Вудс» для серьезного реформирования международной финансовой архитектуры. Под этим в документах ООН в первую очередь имеется в виду повышение роли развивающихся стран, расширение их участия в управлении международными финансами.

В 2010 г. Исполнительный совет МВФ принял решение, которое он сам охарактеризовал как знаменательное, превращающее компонент финансовой стабильности *добровольной* Программы оценки финансового сектора (*Financial Sector Assessment Program, FSAP*),² анализирующей стабильность и устойчивость финансового сектора проверяемой страны, в *обязательную* часть надзора МВФ за 25 крупнейшими финансовыми секторами мира. Как своеобразный наднациональный орган³ МВФ усиливает надзор за теми членами Фонда, чей финансовый сектор способен оказать большее по сравнению с другими странами потенциальное влияние на глобальную экономическую стабильность.

Программа оценки распространяется в настоящее время на 25 крупнейших и наиболее взаимосвязанных экономик,⁴ среди которых Россия, все крупнейшие экономики мира, включая Индию и Китай, крупнейшие экономики Латинской Америки – Бразилия и Мексика, а также одни из крупнейших финансово-банковских центров – Гонконг⁵ и Люксембург.

Три четверти стран-членов Фонда предлагают себя добровольно для прохождения процедуры FSAP, которая включает более глубокую оценку финансовой устойчивости, а для стран с формирующейся рыночной экономикой ещё и оценку развития финансового сектора и его структурных проблем. Данное обстоятельство указывает, что несмотря на регионализацию рынков ряда стран, они осознают свое собственное развитие именно в рамках продолжающейся экономической глобализации, которая также несет для них явные и неявные/скрытые выгоды. Желание подавляющего числа стран мира подвергнуться процедуре FSAP, по которой глобальная организация оценивает качество национального надзора за банками, страхованием и национальным финансовым рынком в соответствии с международными стандартами, свидетельствует не только о ценности этих всеобщих стандартов по сравнению с национальными или региональными, но и о желании стран соответствовать качеству, требуемому глобальным финансовым регулированием. По-видимому, развивающиеся региональные рынки латиноамериканского, азиатского и европейского направлений видят в глобальном финансовом регулировании возможность своего более эффективного участия в экономической глобализации, а также весомую гарантию от возможных кризисов.

Рассмотрим часть международного рынка капитала, на которой обращаются акции компаний.

ОСНОВНЫЕ СДВИГИ В СТРУКТУРЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ПО ПОКАЗАТЕЛЮ КАПИТАЛИЗАЦИИ АКЦИЙ

Одной из характеристик мирового (международного) рынка капитала являются свободно котирующиеся акции компаний, отражающие важную часть мирового рынка – капитализацию свободно обращающихся акций. Измерение объема этого рынка производится с помощью международного фондового индекса (MSCI), введённого в оборот 31 марта 1986 г.,⁶ который отслеживает акции 47 стран мира как развитых, так и развивающихся. И хотя это всего лишь 24,4% всех стран мира (членов ООН), сам совокупный (*cumulative*) индекс охватывает почти 85% капитализации мирового рынка акций, находящихся в свободном обращении. По существу – это система индексов, так как MSCI All Country World (ACWI) является агрегированным индексом из MSCI World Index для развитых стран и MSCI Emerging Market Index⁷ для стран с развивающимся рынком, которые рассчитываются раздельно.⁸

Рассмотрим динамику этого индекса, включающего две основные группы стран: 23 развитые страны и 24 страны с развивающимся рынком (*emerging markets coun-*

tries).⁹ Общий индекс постоянно расширяется для всё более точного отражения динамики основной, подавляющей части мирового капитала и в настоящее время включает 2920 компонентов¹⁰ (по состоянию на 31.01.2024). Проанализируем данные по двум структурам капитала: секторальной и страновой.

Структура рынка капитала в виде свободно котирующихся акций по секторам экономики показывает её высокое соответствие новейшим трендам экономического развития. Рассмотрим изменения в секторальной структуре мировой экономики за последние 10 лет на примере MSCI ACWI Investable Market Index (IMI),¹¹ который считается всеобъемлющим, так как охватывает около 99% глобального набора возможностей инвестирования¹² в акционерный капитал компаний, а также охватывает компании всех размеров капитализации: большой, средней и малой. Если в 2015 г.¹³ первое место по доле в экономике в целом занимал сектор финансов с пятой частью всего объема инвестирования, а на втором месте с отставанием более чем на треть (35,04%) шел сектор информационных технологий – 14% (см. таблицу 1), то в 2024 г. на первом месте с очень высокой долей закономерно находится сектор информационных технологий.

Таблица 1

Доля секторов в мировой экономике по индексу IMI ACWI, в %

	финансы	ИТ* (ИТ)	D** по- требление	здоровье	индустрия	потребление товаров	энергетика
2015 ^А	21,49	13,96	12,56	12,18	10,48	9,67	7,51
2022 ^{ΔΔ}	14,4	21,2	11,7	11,6	10,6	6,6	4,1
20 ^{24ΔΔ}	16,0	23,45	10,64	10,91	11,61	6,12	4,36
Изменение за 2015- 2024 г. в процентных пунктах	-5,49	9,49	-1,92	-1,27	1,13	-3,55	-3,15

Примечания: * – информационные технологии; ** – дискреционное потребление; Δ – март; ΔΔ – среднегодовая; ΔΔΔ – июль.

Источники: составлено автором по: <https://www.msci.com/documents/1296102/1636401/ACWI+factsheet>; <https://www.msci.com/documents/10199/4211cc4b-453d-4b0a-a6a7-51d36472a703>.

В таблице представлены не все сектора экономики, поэтому сумма долей не составляет 100%. Сектор информационных технологий не просто занимает первое место с большим отрывом, но, вероятно, является исключительным примером роста за столь относительно короткий период. Сектор индустрии в XXI в. просто отходит на третье-четвёртое (в период ковида и первые годы после ковида на третьем месте был сектор здравоохранения) и даже пятое место, но его доля чаще всего ниже 11%. Например, в мае 2023 г. сектор индустрии с долей 10,9% занимал пятое место, как и в 2022 г., пропустив вперед, кроме названных, сектор дискреционного потребления.¹⁴

Приведенная структура капитализации мирового рынка акций, отличаясь от структур ряда стран, показывает основную тенденцию развития ведущих экономик на основе предпочтений инвесторов, которая вполне согласуется с представлениями об экономике будущего. Она также значительно отличается от тенденций развития как современной российской экономики, так и представления о её будущем экспертами Минэкономразвития как новой модели экономического роста, предусматривающей масштабное наращивание производственной сферы.¹⁵

Приведем сравнение с московской биржей, несмотря на всю его условность. Ведущий сектор акций на Мосбирже,¹⁶ как и в экономике в целом, – это нефть и газ – 45,2%, кроме того еще 17,5% приходится на горную и металлургическую промышленность, т.е. российская экономика – и по акционерному капиталу также ярко выраженная «сырьевая». Напротив, информационные технологии занимают лишь 5,6%, а потребительский сектор – 4,3%.¹⁷ Поэтому следует не только ставить задачу опережающего развития новых, как их называют – передовых, видов производств, но и более сложную, но необходимую задачу уменьшения доли самой промышленности в российской экономике. Такое развитие не только обязательно с точки зрения решения задач повышения уровня жизни населения и повышения благополучия граждан, но и для соответствующего места России в мировой экономике.¹⁸ Необходимо решать и задачу соответствующей переориентации внешней торговли России хотя бы в среднесрочной перспективе.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК КАПИТАЛА НА ПРИМЕРЕ ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИК

Рассмотрим на примере того же международного фондового индекса (Morgan Stanley Capital International All Country World Index, MSCI ACWI Index), рассчитываемого на основе¹⁹ отдельных индексов по каждой из двух групп стран, долю стран на международном рынке капитала.

Анализируя глобальный индекс для развитых стран и глобальный индекс для стран с развивающимися рынками, необходимо учитывать, что на акции развивающихся рынков приходится только 9,96% всей капитализации, а на акции развитых рынков соответственно – 90,04%.

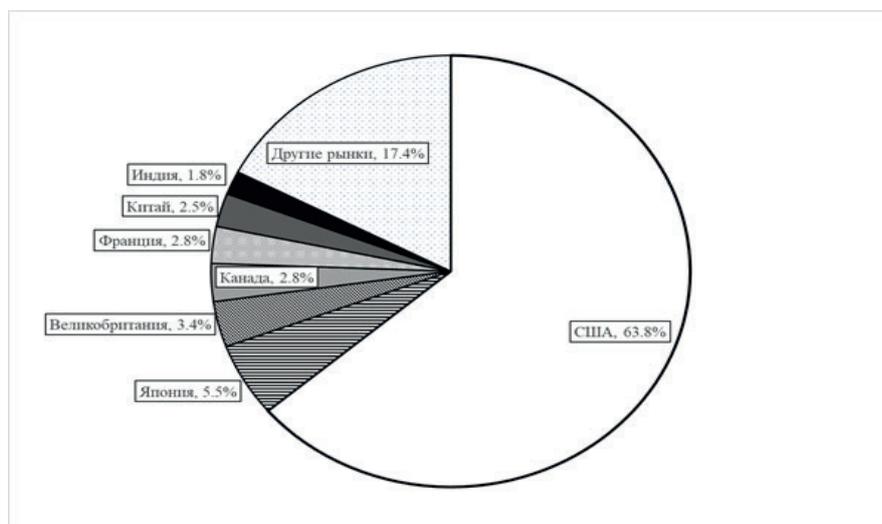

Рис. 1 – Доля стран в капитализации по индексу MSCI ACWI

Fig. 1 – The share of countries in capitalization according to the MSCI ACWI index

Источник: составлено автором по: www.msci.com

Индекс MSCI ACWI отражает представительство компаний только с крупной и средней капитализацией и показывает глобальный набор возможностей для инвестирования в акционерный капитал, охватывая около 85% такого набора возможностей.

Самые широкие возможности, как видно из рисунка 1, предоставляют США, которые доминируют на рынке, имея долю, приближающуюся к двум третям всего объема – 64%. Япония занимает второе место, и этот результат японской экономики впечатляет, так как он подтверждается и другим индексом, а также отражает преимущества этого островного государства перед другими индустриальными странами: Великобританией, Канадой и Францией. Япония лидирует среди этих четырех стран и по показателям внешней торговли,²⁰ занимая пятое место в мире, уступая лишь Франции по объему импорта – 2,2% (2023), но превосходя по объему экспорта – на 3,1% (2023) и внешнеторгового оборота в целом: почти на 5 млрд долл. (на 0,34%).²¹ На рисунке 1 представлены Индия и Китай, которые отстают от всех пяти крупнейших развитых экономик и довольно близки друг к другу по доле в капитализации по индексу MSCI ACWI, но резко различаются по внешней торговле. Если по импорту товаров в 2023 г. обе страны входят в топ-10, занимая соответственно 7 и 2 место в мировой торговле, то по экспорту товаров они резко различаются. Китай продолжает оставаться крупнейшим в мире экспортёром своих товаров,²² превосходя по объёму экспорт второго крупнейшего экспортёра США на 54,9% (1 126,5 млрд долл.), а Индия занимает только 15-е место, лишь на 11,5 млрд долл., или на 2,7% опережая Россию.²³

Учет в представленном индексе сведений ещё и о малых предприятиях/малой капитализации (Markets Small Cap) приводит к небольшим изменениям. Самое относительно большое среди представленных стран падение доли у США (на 1,2 процентных пункта) и снижению доли при учете малых предприятий еще только у двух стран, но совсем незначительно: у Китая и Франции (на -0,1 п.п). У остальных стран доля повышается, особенно заметно у Японии (на 0,6 пп) и группы стран «другие рынки» (0,5 п.п). Таким образом, добавление в индекс MSCI ACWI данных о малой капитализации не меняет страновой структуры по доле стран в глобальной капитализации, но показывает различающиеся соотношения трех сегментов экономики Индии (+0,2) и Китая (-0,1). Эти различия вызваны в том числе разной ролью государственной собственности в экономиках этих стран. При этом в политике государственных субсидий в Китае отсутствует, как отмечает ВТО, прозрачность, что препятствует всесторонней и обоснованной оценке ее глобальных последствий.²⁴

Дополним анализ основных изменений в позиции ведущих экономик (стран и групп стран) на мировом рынке глобальной рыночной капитализации акций оценкой на основе данных Ассоциация индустрии ценных бумаг и финансовых рынков (SIFMA²⁵) – рисунки 2 и 3.

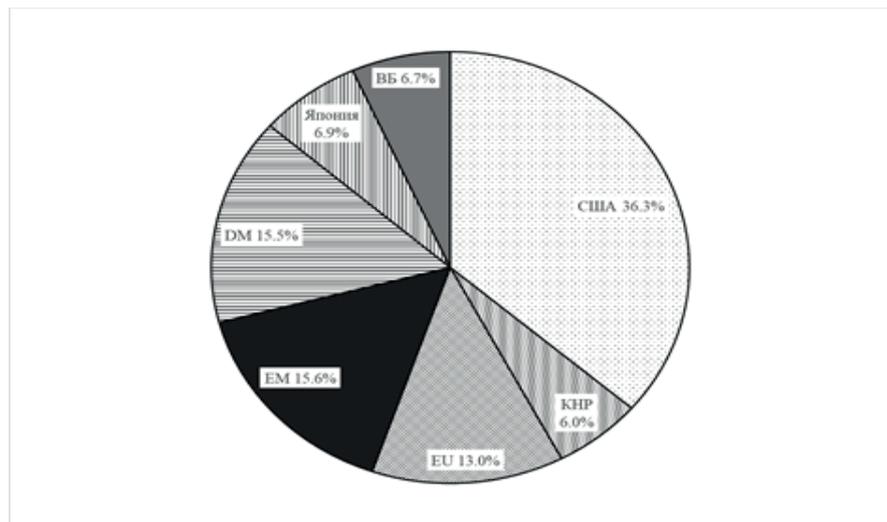

Рис. 2. Доля стран в глобальной рыночной капитализации акций в 2013 г.

Fig. 2. Countries' share of Global Equity Market Cap in 2013

Примечания: DM – развитые рынки, EM – развивающиеся рынки, EU – Европейский союз, ВБ – Великобритания; данные по DM и EM – исключая страны, представленные на рисунке.

Источник: Составлено и рассчитано автором по: 2013 Capital Markets Fact Book. Statistics. SIFMA, 2013. P. 6.

Сравним изменения в структуре за последние 10 лет (см. рисунки 2 и 3). В анализ также включены данные за 2022 г., так как в 2023 г. произошли значительные изменения по ряду позиций.

Глобальная рыночная капитализация в 2013 г. составляла 66,2 трлн долл. США и в 2023 г. возросла до 115,0 трлн долл. США, увеличившись за этот период на 73,7%, в то время как мировая экономика (мировой объем ВВП) выросла за этот период только на 35,6%, т.е. мировой ВВП рос более чем в 2 раза медленнее.²⁶

Доминирующей страной на мировом рынке капитализации акций остается американская экономика с долей 36,3% в 2013 г. и 42,6% в 2023 г. Столь заметный рост доли американского рынка капитала свидетельствует не только о позициях этой страны в мировых экономических, включая внешнеторговые, отношениях, но и одну из причин устойчивости роли американской валюты в мировой внешней торговле.

Второе место с высокой долей на мировом рынке занимали в 2013 г. развивающиеся экономики – 15,6%, чья доля незначительно опережала показатель развитых экономик – 15,5%. На четвертом месте находился ЕС с долей, более чем вдвое превышающей долю Китая.

Неблагоприятным для быстроразвивающихся экономик стал 2022 г., к которому Китай уже вышел на второе место (11,3%), а доля остальных стран этой группы вплотную (10,8) приблизилась к доле ЕС (10,9).²⁷ 2022 год оценивается экспертами в целом как неблагоприятный, в том числе для капитализации мирового рынка акций, которая снизилась на 16,2% в годовом исчислении из-за падения глобального выпуска акций на 61,2% в годовом исчислении.²⁸ Особенно сильно это отразилось на развивающихся экономиках.

Данные за 2023 г. показывают улучшение ситуации: цены на акции на глобальных рынках выросли по данным МВФ примерно на 20%,²⁹ благодаря оживлению, которое связано с ожиданиями наступления последнего этапа снижения инфляции. В этой связи ожидают и смягчения денежно-кредитной политики.

2023 год показал усиление доминирования на глобальном рынке акций экономики США (см. рисунок 3).

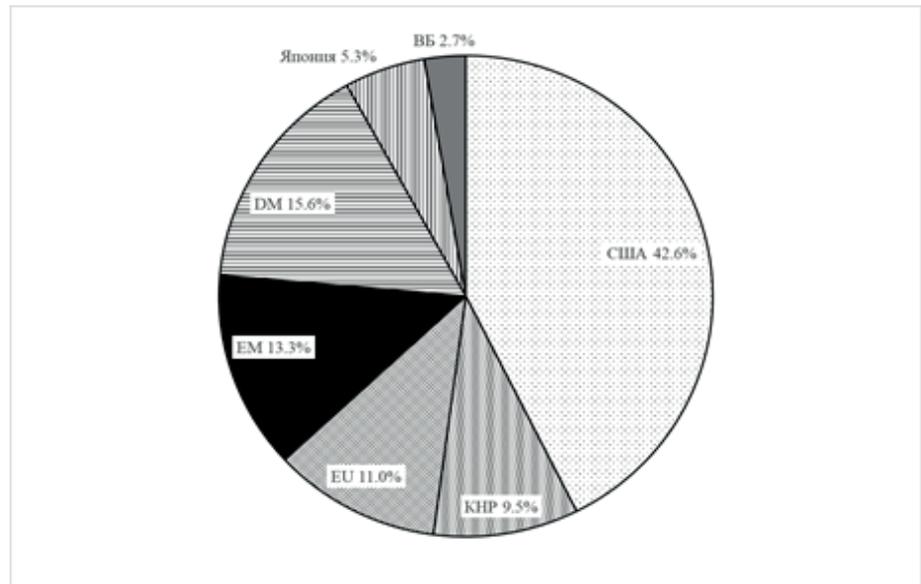

Рис. 3. Доля стран в глобальной рыночной капитализации акций
 Fig.3. Countries' share of Global Equity Market Cap в 2023 году

Составлено и рассчитано автором по: 2024 Capital Markets Fact Book. Statistics. SIFMA, 2024. P. 6.

Знаковым изменением можно также считать усиление группы стран с развитой экономикой (помимо США и ЕС) и явное ослабление группы стран с развивающейся экономикой, а также неустойчивость китайской экономики, которая по рыночной капитализации акций скатилась на пятое место.³⁰ В определённой мере эта динамика за 10 лет и особенно за 2022-2023 гг. свидетельствует, как представляется, о ближайшей перспективе развития анализируемых экономик. Кроме того, вместе с индексом MSCI ACWI она показывает, что сравнительные преимущества быстроразвивающихся экономик в глобальной экономике нельзя оценивать только по высоким темпам роста ВВП в ряде из них – необходимо также учитывать вероятность устранения внутренних дисбалансов для гарантии устойчивого роста. Экономика Китая, как отмечают эксперты МВФ, просто слишком велика, чтобы «генерировать большой рост за счет экспорта».³¹

Необходимо отметить, что в постпандемический период разрыв между индексами развитых и развивающихся экономик по кумулятивной эффективности индекса (валовая доходность в долл. США) возрастал, и самое заметное ускорение отрыва произошло у развитых стран за последний год.³² Индекс достиг 490,72, в то время как у развивающихся экономик только 194,76.³³ Развитым странам удалось превысить максимальный уровень, которого индекс достиг в 2021 г., в то время как

страны с развивающейся экономикой пока не смогли преодолеть свой максимум, достигнутый в конце 2020 г.³⁴

Серия мировых фондовых индексов «FTSEurofirst³⁵ Index Series» также показывает увеличивающийся разрыв между развитыми и развивающимися экономиками. Как индекс акций, котирующихся на Лондонской фондовой и других мировых биржах, FTSEurofirst охватывает в своей серии 100 крупнейших компаний, 250 и 300 компаний (акции средней капитализации), соответственно FTSE 100, FTSE 250 и FTSE 300. Одним из недостатков этой серии является географическая концентрация индексов, поэтому они считаются скорее важными ориентирами в своих регионах. Имеются и различия в оценке стран: так, по MSCI Корея считается развивающейся страной, а по FTSE повышена до статуса развитого рынка; такое же расхождение в оценке Польши. Различия в учете китайских акций в этих индексах связаны с большей закрытостью внутреннего рынка в Китае, и определённые виды/серии акций доступны только китайским инвесторам. Поэтому MSCI в отличие от FTSE в свои индексы включает только акции, которые могут покупать иностранные инвесторы, отсюда по Китаю различия больше, чем по развитым странам. Так, вес США по двум индексам различается на 2,2 процентных пункта, для Великобритании – на 0,31 п.п., для Франции – всего лишь на 0,19 п.п., для Японии – на 0,82 п.п., а для Китая – на 3,26 процентных пункта (2023).³⁶ Различия также связаны с разной долей отсечения компаний малой капитализации: MSCI не включает 15% «нижних» компаний, а FTSE только 10%. Сравнение индексов MSCI и FTSE по показателю развитых рынков (FTSE Developed World и MSCI World) с июня 2018 г. по июнь 2023 г. даёт на графике совершенно одинаковую амплитуду колебаний и очень незначительные различия, которые почти незаметны.³⁷ Оба индекса совпадают и в выделении крупнейших стран и крупнейших компаний, но в выделении доли самых крупных секторов экономики есть расхождения, так как индексы охватывают разные сегменты рынка. Различия между индексами по развивающимся рынкам (Emerging Markets) более заметны,³⁸ особенно в постпандемический период, хотя амплитуды колебаний также совпадают. Увеличение расхождений после конца 2021 г. подтверждает вывод о растущем отставании развивающихся стран.

И. Демир провёл анализ причинно-следственной связи между капитализацией фондового рынка и экономическим ростом за период 2003-2022 гг. на примере 36 стран. Результат по странам с высоким уровнем дохода показал тесное взаимовлияние: экономический рост стимулирует развитие фондового рынка, а активный фондовый рынок стимулирует экономическую активность.³⁹ Можно предположить, что это результат зрелой финансовой системы, когда предприятия и инвесторы лучше интегрированы в экосистему финансового рынка. В странах со средним уровнем дохода обнаружен только явный однонаправленный эффект: развитие фондового рынка влияет на экономический рост в краткосрочной перспективе.

Обратная связь влияния роста на развитие фондового рынка заметно слабее, что может быть связано с менее развитыми финансовыми рынками и более низким уровнем участия инвесторов. По мнению автора, это не только показывает важную роль фондовых рынков в экономическом развитии, но и свидетельствует о необходимости, чтобы policy-makers развивающихся экономик, к которым относится и Россия, сосредоточили свои усилия на укреплении инфраструктуры фондового рынка и создании среды, благоприятной для формирования капитала и инвестиций.

Во многих развивающихся странах, в первую очередь в Китае, большую роль на рынке акций играют государственные институты, роль которых в привлекательности инвестиций для частных вкладчиков может оцениваться весьма неоднозначно, а ограничительная политика сдерживать свободный поток инвестиций.

Весьма опасен, прежде всего своей неясностью, процесс накопления акций, который в реальности может происходить совершенно незаметно. Особенно стоит выделить случаи, когда количество акций ниже порога отчетности, предусмотренного государственным законодательством о ценных бумагах. Такая покупка акций в отличие от крупных сделок по приобретению компаний/предприятий, которые могут и, скорее всего, будут тщательно проверяться, может благодаря этому подводному камню стать более распространенным явлением.

Поэтому приобретение правительством (государственными институтами) доли в национальных промышленных компаниях-лидерах стало распространяющимся методом в развитых высокотехнологичных экономиках по защите национальных ключевых предприятий для предотвращения иностранных поглощений. В Германии была обоснована промышленная стратегия приобретения доли в компаниях ключевых технологических областей для поворота к более защитной промышленной политике. Это объяснялось опасениями Германии по поводу усиливающегося приобретения иностранными, особенно китайскими, компаниями немецких ноу-хау, что, по мнению министерства экономики, разрушает производственную базу, на которой в основном построено процветание Германии. Разумеется, меры такой политики должны быть сбалансированы, чтобы избежать протекционизма и ограничения возможностей отечественного предпринимательства привлекать иностранный инвестиционный капитал.

Крупные экономики мира имеют специальные процедуры проверки иностранных инвестиций прежде всего в виде институциональных механизмов проверки и определенных режимов. Таким примером может быть Комитет по иностранным инвестициям в США (Committee on Foreign Investment in the United States, CFIUS), целью которого является оценка влияния сделок иностранных субъектов в сфере инвестиций и недвижимости на национальную безопасность США.⁴⁰ Режим подобных институций ориентирован в основном на крупные сделки, поэтому покупка акций, как правило, не находится в поле их зрения. Американские эксперты

считают, что регулирование ценных бумаг как на рынках США, так и на других должно быть обновлено, чтобы отразить трансформационные изменения в новых технологиях. Считается, что CFIUS прямо и косвенно нейтрализует угрозы финансовой стабильности, затрагивающие интересы национальной безопасности. В XXI в. в первую очередь это связано с контекстом гегемонистского соперничества США⁴¹ и Китая, хотя оно более рельефно проявляется во внешнеэкономической деятельности/торговле, чем в денежно-кредитной сфере, где Китай всё ещё не может быть соперником США.

Государство в свою очередь может применять покупку акций как меру предотвращения потери индустриального и технологического превосходства национальной компаний⁴² для защиты экономической мощи этой компании и благодаря ей – национального хозяйства. Например, известный случай – приобретение государством доли в финском национальном лидере – компании Nokia, которое было осуществлено через суверенный инвестиционный фонд KEVA.⁴³ Рассмотрим подробнее состав и значение этих фондов как быстроразвивающегося феномена XXI века, играющего всё большую инвестиционную активность.

СУВЕРЕННЫЕ ФОНДЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Рассмотрим суверенные фонды благосостояния с точки зрения их значения как крупных инвесторов на фондовых рынках. Государства используют средства фондов для решения смешанных задач, но их самая четкая классификация дается по целям их деятельности, что позволяет выделить пять основных видов.⁴⁴

Суверенные фонды благосостояния (sovereign wealth fund, далее – SWF) или суверенные инвестиционные фонды как государственный институт инвестирует в реальные и финансовые активы (акции, облигации, недвижимость, драгоценные металлы) или в другие инвестиционные институты (хедж-фонды).⁴⁵ Быстрый рост фондов начался в XXI веке: если в 2000 г. их мировой объем составлял 1,2 трлн долл., то к 2024 г. увеличился до 12 трлн долл.⁴⁶ Заметную роль они сыграли в мировом финансовом кризисе 2007-2008 гг., пытаясь сдержать финансовый ущерб. SWF носят стабилизационный характер и пытаются смягчить негативное влияние экономических циклов и резких изменений конъюнктуры. Многие фонды, создаваемые за счет использования невозобновляемых природных ресурсов,⁴⁷ имеют значительные ограничения в расходовании и даже носят название фондов будущих поколений, поэтому они менее однородны, чем другие финансовые институты. Банкротство SWF, как правило, связано с политическими причинами, поэтому это явление чаще наблюдалось в развивающихся странах, например, Латинской Америки. Это подробно показано в работе А.О. Овчарова, который приводит значительную ретроспективу банковских, валютных и долговых кризисов за 1950-2019 гг. По его расчетам финансовые кризисы в Латинской Америке за охваченный анализом период 1970-2019 гг. составили 21,5% от всех мировых финансовых кри-

зисов.⁴⁸ При этом из анализа кризисов периода пандемии COVID-19 сделан вывод, что Латинская Америка в настоящее время достаточно стрессоустойчивая.⁴⁹ По отношению к отдельным странам определенная стрессоустойчивость Аргентины подтверждается и в работе Яковлевых.⁵⁰

По объему активов в первую «десятку» (10) крупнейших SWF входят 3 фонда нефтедобывающих государств, 3 фонда Китая,⁵¹ 2 фонда Японии, возглавлявшая до 2023 г. список Норвегия (глобальный пенсионный фонд) и Европейский центральный банк-Евросистема⁵² (с 1999 г.). Если в начале XX в. только 3 фонда – норвежский и 2 китайских фонда имели капитал более 1 трлн долл., то в 2023 г. среди 97 фондов с капиталом более 100 млрд долл. уже 7 фондов имели капитал, превышающий 1 трлн долл., при этом крупнейший фонд – Народный банк Китая⁵³ имеет капитал, превышающий 3 трлн долл. (3,431).⁵⁴ SWF рассматриваются и анализируются часто вместе с другими международными финансовыми институтами – государственными пенсионными фондами и центральными банками, отражающими состояние финансовых рынков и объединяемых понятием «суверенных инвесторов». При этом если в 2021–2023 гг. объем средств центральных банков стагнировал, а у пенсионных фондов этот рост прекратился, то у SWF объем медленно рос, исключая 2022 г., – на 20,4% в 2023 г. по сравнению с 2020 г.⁵⁵

Среди крупнейших суверенных фондов присутствуют российские фонды: Фонд национального благосостояния России и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ). Максимального объема Фонд благосостояния достиг в 2021 г. – 190,51 млрд долл., или 14 016,99 млрд руб. (на 01.09.), что составляло 10,3% от ВВП, но затем началось заметное снижение объемов Фонда – до 146,96 млрд долл., или 12 601,67 млрд руб., 6,6% от ВВП (на 01.07.2024).⁵⁶ В отличие от Фонда национального благосостояния России РФПИ за время существования (с 2011 г.) инвестировал более 2,2 трлн рублей, из них только 13,6% собственных средств, что резко отличает его от инвестиционных фондов других стран и от практики международных организаций, например, Международной финансовой корпорации, участие которой составляет до 20% стоимости проекта.⁵⁷

Среди крупнейших суверенных фондов благосостояния есть образовательные по своему назначению фонды. Обратимся к примеру двух таких фондов в одном американском штате. The Permanent School Fund (PSF) создан Конституцией Техаса в 1845 г. как бессрочный фонд для поддержки государственных школ Техаса, существует за счет доходов от земель P.S., переданных фонду, включая аренду поверхности и права на полезные ископаемые. Первоначально был создан для инвестирования и поддержки государственных школ, в начале 2000-х годов право использовать определенные доходы для совершения покупок недвижимости в пользу Фонда было значительно расширено и теперь включает другие инвестиции в реальные активы. Фонд накопил свыше 53 млрд долл. капитала и ежегодно распределяет около 2,2 млрд долл. среди государственных школ штата.⁵⁸

Существует во многом аналогичный суверенный фонд для поддержки высшего образования в том же штате Техас⁵⁹ – The Permanent University Fund (PUF), владеющий 2,1 млн акрами земли, сдаваемой в аренду нефтегазовым компаниям, чьи скважины приносят доход, поступающий в PUF, а также в аренду для выпаса скота, ветряных электростанций и других видов деятельности, приносящих доход. Россия, по нашему мнению, могла бы создать аналогичный суверенный фонд, в том числе совместно с Казахстаном, направляя в него часть средств от добычи полезных ископаемых. Фонд должен был бы инвестировать средства в образовательную систему стран ЕАЭС и Центральной Азии, чьи потоки трудовых мигрантов заняты в российской экономике. Такая политика мягкой силы могла бы принести значительно большие дивиденды в будущем по сравнению с объемом инвестиций за счет роста качества человеческого капитала на этом пространстве и росте образовательно-квалификационного потенциала иммигрантов в Россию.

Контролируемые иностранными правительствами суверенные фонды благосостояния являются крупными инвесторами на фондовом рынке и обладают способностью контролировать большие объемы экономической деятельности. Государственные инвестиционные фонды уже покупают акции публичных компаний. «СИС инвестирует в широкий спектр финансовых продуктов по всему миру, включая публичные акции, фиксированный доход, альтернативные активы и денежные средства и другие. Публичный акционерный капитал означает инвестиции в акционерный капитал листинговых компаний».⁶⁰

Многие страны в целях обеспечения защиты национальных интересов предусматривают в своем законодательстве возможность проведения проверок и пересмотров условий договоров, если есть основания полагать наличие угрозы для национальной безопасности. Наиболее часто страны применяют оговорки к инвестициям со стороны предприятий, находящихся под иностранным контролем.⁶¹

Поэтому ответ на часто звучащий в отечественной периодике вопрос: являются ли региональные рынки международного капитала альтернативой концепции глобального финансового регулирования, может быть только отрицательный. В этом на самом деле не заинтересованы ни участники региональных рынков, ни институты субъектов, действующих на этих рынках, ни стремление к устойчивости как на локальном, так и глобальном уровнях. Региональные рынки капитала не только вполне могут развиваться в условиях глобального регулирования, но и не стремятся выйти за рамки установленных норм и правил глобального рынка, которые способствуют не повторению мировых финансовых кризисов XXI века.

НОРМЫ И ПРАВИЛА ВТО НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ

Глобальный рынок товаров и услуг, регулируемый нормами ВТО/ГАТТ, также претерпел значительные изменения. На саммите G20 в Буэнос-Айресе (2018) прозвучал призыв к модернизации ВТО, а на саммите G20 в Осаке (2019) было заявлено о приверженности продвижению реформы ВТО. После этого группа G7 в

Биаррице (2019) выступила за «глубокое реформирование ВТО ради улучшения защиты интеллектуальной собственности и урегулирования споров, более быстрого урегулирования разногласий и искоренения нечестных торговых практик».⁶² Проблемы, решение которых требует реформа всей Организации, связывают, с одной стороны, с тем фактом, что правилам ВТО не удалось успеть трансформироваться в соответствии с радикальными изменениями в балансе сил в мировой экономике. С другой стороны, в самой экономике быстро развивались виды продукции, торговля которыми не регламентирована правилами и нормами Организации.⁶³ После саммита в Биаррице Группа ежегодно формулирует новые задачи и подчеркивает свою позицию по их решению в публикациях итогов саммитов «G7 Trade Ministers' Statement». Так, для 2020 г. была поставлена задача достичь соглашения по упрощению регламентных барьеров и модернизации международной налоговой системы в рамках ОЭСР.⁶⁴ Вместе с тем, G7 всегда подчеркивает, что свободная торговля и принципы, установленные ВТО, остаются составными элементами глобального экономического процветания.

В рамках саммитов G7 Италия высказывается о необходимости изменить неадекватные правила ВТО из-за важных технологических инноваций, что требует готовности к диалогу и компромиссам; Германия ставит вопрос о необходимости платформы, где можно было бы разрешать споры и решать мировые проблемы на более широкой и общей основе; Великобритания в качестве председателя встречи G7 (2021) предложила модернизацию правил ВТО по вопросам расширения цифровой торговли, изменения системы урегулирования торговых споров, решения проблемы несправедливых субсидий в сельском хозяйстве и промышленности.

В целом G7 заявляет о необходимости адаптации правил Организации к новым реалиям и **технологическим инновациям**, так как это лучший способ гарантировать, что она продолжит играть свою важную роль в содействии торговому и экономическому росту и гарантирует условия равенства для всех (выделено автором – А.Т.).⁶⁵

В обсуждениях реформы ВТО довольно часто говорится о необходимости приоритета инклюзивности и справедливости в процессе принятия решений. Представляется, что тезис о приоритете инклюзивности и справедливости при принятии решений не совсем верен, так как в деятельности ВТО справедливость определяется принципом консенсуса по всем решениям, но этот принцип как раз и тормозит деятельность организации в принятии большинства решений. Наряду с этим предлагается такой альтернативный механизм, как многосторонние соглашения, в рамках которых подгруппа стран может объединиться и обсудить конкретные вопросы без единодушного одобрения всех членов.⁶⁶ Не будет ли это усилением фрагментарности ещё и внутри ВТО в этом и без того фрагментарном мире? Реальные противоречия внутри самой Организации связаны не столько с требованием развивающихся стран в получении свободного доступа на рынки развитых государств, сколько с самой принадлежностью к группе развивающихся, дающей

ряд преимуществ. Поэтому многие развитые страны считают необходимым пересмотр статуса отдельных стран, прежде всего Китая.⁶⁷ Европейские страны, как и США, считают, что китайское государство осуществляет несправедливое субсидирование своей отрасли электромобилей. Поэтому в октябре 2024 г. ЕС проголосовал за подписание закона о введении пошлин до 45% на китайские электромобили сроком на пять лет.⁶⁸

Ряд исследователей критикует позицию США по принципу френдшоринга, т.е. ведение торговли со странами, разделяющими общие с США ценности, ссылаясь на Дж. Йеллен.⁶⁹ Но в этом случае автор смещает акценты предлагаемого френдшоринга как выстраивания цепочек производства и торговли ключевыми, а не всеми, товарами, во-первых, и, во-вторых, не упоминает более широкую вторую позицию, так как в случае френдшоринга речь идет не только о ценностях, но и о странах, вероятность риска конфликтности с которыми минимальна. Поэтому говорить о прямом нарушении базового принципа международной торговли – взаимного предоставления режима наибольшего благоприятствования довольно сомнительно.

Помимо США ведущими игроками в ВТО считаются Китай, ЕС, Индия, Бразилия. Начало всякой реформы ВТО предполагает прежде всего соответствующее согласие между ними. Поэтому БРИКС мог бы играть значительную роль в реформировании при условии общего видения направлений реформы и скоординированного подхода, но это представляется пока маловероятным.⁷⁰

Рассматривая необходимость реформы ВТО через призму растущего влияния быстроразвивающихся экономик, многие исследования ставят в один ряд Китай, Индию и Бразилию, подчёркивая, что эти три страны «стали основными игроками в международной торговле».⁷¹ С этим трудно согласиться, так как место этих стран во внешней торговле настолько различно, что они не должны стоять в одном ряду. В экспорте товаров Индия занимает лишь 15-е место в мире, а Бразилия не входит в первую двадцатку, соотношение в объеме экспорта (все данные за 2023) этих стран таково: 100 : 14 : 11, если объем экспорта Китая принять за единицу.

ВТО была создана в том числе и для того, чтобы решать все вопросы путем переговоров, избегая торговых войн. Попытки американской администрации Д. Трампа показали, что выиграть торговую войну США не только не смогли, но и потерпели очевидное поражение. Достаточно привести пример о перемещении производства для избежания пошлин США китайскими фирмами во Вьетнам. В результате единственными реальными победителями торговой войны стали страны, куда китайские фирмы переместили производство, в том числе Вьетнам. По данным Kearney, с 2018 по 2022 год китайские инвестиции во Вьетнам примерно удвоились, а экспорт во Вьетнам вырос на 75%, а импорт США из Вьетнама почти утроился. Этот сдвиг, который экономисты Д. Чор и Л. Альфаро называют «великим перераспределением»,⁷² по-прежнему оставляет США зависимыми от Китая.

Лидеры G7 считают необходимым в рамках ВТО предоставление дифференцированного режима развивающимся странам.⁷³ При этом они выделяют важность поддержки цепочек создания стоимости удобрений и борьбу с всеобъемлющей нерыночной политикой и практикой, приводящим к глобальным побочным эффектам, искажениям рынка – таким как тлетворные (harmful) субсидии.

Самыми реалистичными и в то же время актуальными представляются два предложения/инициативы направлений реформирования ВТО, внесенные Оттавской группой.⁷⁴ Это: приведение правил ВТО в соответствие с современной глобальной экономикой и усиление роли ВТО в мониторинге торговли, включая совершенствование контрольных и совещательных функций ВТО. Сможет ли Россия остаться конструктивным участником переговоров? При этом не стоит забывать, что современные экономики больше похожи на паутину, где разрыв одного звена редко бывает достаточным, чтобы поставить под угрозу всю структуру.

ВЫВОДЫ

Динамика глобальной рыночной капитализации за последние 10 лет, начиная с 2013 г., показала, что темпы её роста значительно опережали темпы роста мирового ВВП, а доминирующей страной на мировом рынке капитализации акций остается американская экономика, увеличившая долю до 42,6% в 2023 г. К знаковым изменениям на международных рынках капитала можно также отнести усиление позиции группы стран с развитой экономикой и уменьшение доли развивающихся экономик, а также Китая. В странах с развивающейся экономикой в отличие от высокоразвитых стран почти отсутствует эффект влияния экономического роста на развитие фондового рынка, без чего они не смогут гарантировать устойчивость роста.

Анализ зарубежной практики суверенных фондов благосостояния позволил прийти к выводу о целесообразности создания российского суверенного фонда в области образования за счет средств от добычи полезных ископаемых, который инвестировал бы средства в образовательную систему стран ЕАЭС, включая Россию, и Центральной Азии, чьи потоки заняты в российской экономике. Такая политика мягкой силы в отношении потенциальных трудовых мигрантов могла бы принести значительно большие дивиденды в будущем за счет роста образовательного-квалификационного потенциала иммигрантов в Россию.

Во многих странах существуют специальные процедуры проверки иностранных инвестиций, которые наиболее распространены в виде институциональных механизмов проверки и определенных режимов. В этой связи представляется необходимым усилить подобные процедуры в нашей стране, создав специальный институциональный орган проверки и оценки внешних инвестиций, так как пока «внешняя инвестиционная политика России ... представляет собой набор разрозненных мер».⁷⁵

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Система Бреттон-Вудса, главным архитектором которой был Дж. М. Кейнс, закончилась в результате односторонней отмены правительством Никсона прямой международной конвертируемости доллара США в золото («шок Никсона» 1971 года).

² Разрабатывается МВФ только для развитых стран, а совместно с ВБ – для развивающихся стран.

³ Мандат МВФ на методы надзора.

⁴ Фонд указывает, что состав этих стран будет периодически пересматриваться по мере развития в той или иной стране финансового сектора.

⁵ Специальный административный район КНР.

⁶ Хотя осуществляются и ретроспективные расчеты (тестирование).

⁷ Индекс MSCI Emerging Market включает Россию, её партнеров по БРИКС Южную Африку и Индию, но при этом более половины рынка – это рынки Китая (33%), Кореи (12%) и Тайваня (11%).

⁸ Подробная методология расчёта индексов дается в: MSCI Index Calculation Methodology. Index Calculation Methodology for the MSCI Equity Indexes. August 2024. URL: <https://www.msci.com/index-methodology>

⁹ Для каждой группы строится свой индекс, который затем агрегируется в общий.

¹⁰ Учитываются ключевые факторы риска и доходности в портфелях акций.

¹¹ Индексы незначительно отличаются по количеству учитываемых стран с развивающейся экономикой (23 в 2015 г. и 24 в 2024 г.), но это не влияет на общую тенденцию выбора инвестирования в определённый сектор экономики.

¹² URL: <https://www.msci.com/documents/10199/4211cc4b-453d-4b0a-a6a7-51d36472a703>.

¹³ В 2015 г. индекс охватывал только 85% возможностей инвестирования.

¹⁴ MSCI ACWI IMI Sector Indexes. URL: <https://www.msci.com/research-and-insights/visualizing-investment-data/regional-breakdown-of-market-sectors-over-time>.

¹⁵ Прохоров А.П. Перспективы реализации национальных проектов Российской Федерации на период 2025-2030 годов с учетом новой модели экономического развития // Мир новой экономики. 2024. Т. 18, № 1. С. 18-26. DOI 10.26794/2220-6469-2024-18-1-18-26. С. 20.

¹⁶ URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/rossiiskii-rynok-aktsii-10-sektrov-v-detaliakh>

¹⁷ Автор понимает всю условность сравнения Мосбиржи с рынком 47 стран, включая Россию, но оно дает верное общее представление о структуре российского фондового капитала.

¹⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

¹⁹ URL: <https://www.msci.com/documents/10199/8d97d244-4685-4200-a24c-3e2942e-3adeb> = <https://www.msci.com/documents/10199/a71b65b5-d0ea-4b5c-a709-24b1213bc3c5>

²⁰ Данные по экспорту и импорту товаров в текущих долл. США (BoP, current US\$)

²¹ Рассчитано по: URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=BX.GSR.MRCH.CD&country=>

²² Хотя экспорт упал почти на 6% в 2023 по сравнению с 2022 (рассчитано по данным ВТО ...

²³ Рассчитано по: там же

²⁴ WT/TPR/S/458•China. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/TPR/S458.pdf&Open=True>

²⁵ Securities Industry and Financial Markets Association.

²⁶ Рассчитано по: URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/WLD/Year/LTST/TradeFlow/EXPIMP>

²⁷ 2023 Capital Markets Fact Book. Statistics. SIFMA, 2023. 117 p. P. 7.

²⁸ The SIFMA Capital Markets Fact Book, 2023. URL: <https://www.sifma.org/resources/research/fact-book/>

²⁹ International Monetary Fund. 2024. Global Financial Stability Report: The Last Mile: Financial Vulnerabilities and Risks. Washington, DC, April. P. xi.

³⁰ Как отмечает ВТО, приток иностранных инвестиций в Китай сократился в 2023 г. по сравнению с 2022 г. (на 13,8%). (Обзор торговой политики Китая. WT/TPR/S/458 • China).

³¹ Gourinchas P.-O. [et al.]. Trade Balances in China and the US Are Largely Driven by Domestic Macro Forces. IMF BLOG. International trade. P. 7. URL: https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2024/09/12/trade-balances-in-china-and-the-us-are-largely-driven-by-domestic-macro-forces?utm_medium%E2%80%A6%201/11.

³² Сравнение по году с 31.08 по 31.08.

³³ URL: <https://www.msci.com/documents/10199/8d97d244-4685-4200-a24c-3e2942e3adebfile:///D:/Downloads/MSCI%20ACWI%20Index%20-%20msci-acwi.pdf>

³⁴ Стоит также отметить, что показатели годовой эффективности были отрицательными у обеих групп стран в одни и те же годы: 2011, 2015, 2018 и 2022, но у развивающихся экономик в 2013, 2014 и 2021, хотя и незначительные – около минус 2%.

³⁵ Financial Times Stock Exchange

³⁶ Рассчитано по: MSCI Vs FTSE: Which is the best index provider? URL: usttf.com/en/news/etf/msci-vs-ftse-which-etf-provider-is-the-best-index-provider.html.

³⁷ Там же.

³⁸ Это очевидно по отнесению Кореи к разным группам стран в этих индексах.

³⁹ Demir Ishak. Investor types in the SME markets. Jan 2024. URL: <https://focus.world-exchanges.org/articles/investor-types-sme-markets>.

⁴⁰ Межведомственный комитет, уполномоченный правительством проверять определенные сделки, связанные с иностранными инвестициями в США и сделки с недвижимостью, совершаемые иностранцами

⁴¹ Ряд общественных сил страны выступает за строгое ограничение или полный запрет китайских инвестиций в США.

⁴² Чаще транснациональной по масштабу деятельности.

⁴³ Kuntien Eläkevakuutus, пенсионное страхование (Pension Protection Fund).

⁴⁴ Das U.S., Mazarei A., Stuart A. Chapter 5 Sovereign Wealth Funds and the Santiago Principles. In: Economics of Sovereign Wealth Funds. USA: International Monetary Fund. 2010. Retrieved Sep 21, 2024. 328 p. P. 60. URL: <https://doi.org/10.5089/9781589069275.071>.

⁴⁵ Авторы монографии считают, что эти фонды создаются «государством для достижения макроэкономических целей» – Суверенные фонды: теория, эволюция, зарубежный опыт: монография / Под общ. ред. М.М. Шадурской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 126 с. с. 19.

⁴⁶ В 2007 г. на мировой рынок SWF вышли фонды Китая.

⁴⁷ Существуют SWF с несырьевыми источниками образования, более всего в Китае.

⁴⁸ Овчаров А. Финансовые кризисы и финансовое заражение в Латинской Америке. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 2, стр. 104-113. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-104-113>. с. 106.

⁴⁹ Овчаров А. Финансовые кризисы ..., с. 112.

⁵⁰ Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Аргентина на траектории смены моделей развития: вызовы, ответы, риски // *Латинская Америка*. 2024. № 3. – С. 6-24. DOI 10.31857/S0044748X24030014.

⁵¹ Liu Zongyuan Zoe. *Sovereign Funds. How the Communist Party of China Finances Its Global Ambitions*. Cambridge, Massachusetts & London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2023. 270 p. ISBN 9780674271913.

⁵² ECB (Eurosystem) как валютный орган еврозоны.

⁵³ управляет официальными валютными резервами и золотыми резервами страны, но считается суверенным фондом благосостояния.

⁵⁴ URL: <https://globalswf.com/ranking>.

⁵⁵ Рассчитано по: 2024 Annual Report. SOIs Powering Through Crises. URL: <https://globalswf.com/reports/2024annual>.

⁵⁶ URL: https://minfin.gov.ru/en/document?id_4=104686-volume_of_the_national_wealth_fund

⁵⁷ Международная финансовая корпорация // *Новая Российская энциклопедия: в 12 томах / редколл.: В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов (главный редактор). Том X (2)*. Москва: Издательский Дом “Инфра-М”, 2012. – С. 154-155.

⁵⁸ Investing for the benefit of Texas public schools. URL: <https://texaspsf.org/>

⁵⁹ Подчеркнем, что оба фонда американского штата, несмотря на свою кажущуюся локальность, входят по состоянию на 2023 г. в 90 крупнейших суверенных фондов мира.

⁶⁰ Portfolio Structure, CHINA INV. CORP. P. 83. URL: http://www.china-inv.cn/chinainven/Investments/Portfolio_Management.shtml. [<https://perma.cc/NL7D-NGRM>]

⁶¹ Левашенко А.Д., Ермохин И.С., Лебедева С.К. Присоединение России к декларации ОЭСР о международных инвестициях и многонациональных предприятиях 1976 г.: новые возможности для продвижения национальных интересов // *Управленческое консультирование*. 2018. – № 1(109). – С. 70-77. – DOI 10.22394/1726-1139-2018-1-70-77. С. 75

⁶² 2019 G7 Biarritz Summit Final Compliance Report. URL: <https://www.agenziaiova.com/ru/news/g7-dalla-calabria-un-messaggio-di-apertura-al-commercio-globale-ma-serve-unariforma-di-omc-per-la-concorrenza/>

⁶³ Наиболее сложный и одновременно срочный вопрос - установление правил в области так называемой «электронной коммерции».

⁶⁴ Во время пандемии COVID-19 страны G7 призвали к сотрудничеству между всеми членами ВТО для укрепления глобальных цепочек поставок и содействия потоку основных медицинских товаров.

⁶⁵ G7: Calabria sends message of openness to global trade, but WTO reform needed for competition. URL: <https://www.agenzianova.com/ru/news/g7-dalla-calabria-un-messaggio-di-apertura-al-commercio-globale-ma-serve-una-riforma-di-omc-per-la-concorrenza/>.

⁶⁶ Yiyuan Zh. WTO Reform to Address the Exhaustion of Member States' Benefits. Proceedings of the 2nd International Conference on Financial Technology and Business Analysis. P. 255-263. DOI: 10.54254/2754-1169/97/20231478. P. 262.

⁶⁷ 14-я экономика мира - Республика Корея также относится в ВТО к развивающимся странам.

⁶⁸ URL: <https://www.economist.com/the-world-in-brief>.

⁶⁹ Портанский А.П. ВТО: накопившиеся проблемы и перспективы после МК-13 // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2, № 1(5). С. 70-82. DOI 10.17323/2949-5776-2024-2-1-70-82. С. 75.

⁷⁰ Хотя бы учитывая разногласия России и Индии по мораторию на таможенные пошлины на электронные передачи.

⁷¹ Yiyuan Zh. WTO Reform to Address the Exhaustion of Member States' Benefits. Proceedings of the 2nd International Conference on Financial Technology and Business Analysis. P. 255-263. DOI: 10.54254/2754-1169/97/20231478. P. 257.

⁷² Davis B. Trump Lost the Trade War to China. America Needs a New Strategy. New York Times. Oct. 3, 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/10/03/opinion/trump-trade-war-china.html>

⁷³ G7 Calls for WTO Reform. ABS News Service. URL: <https://worldtradesScanner.com/G7%20Calls%20for%20WTO%20Reform.htm> e/17.06.2024

⁷⁴ С года создания - 2018 Ottawa Group на каждой Министерской конференции ВТО вносит новые инициативы.

⁷⁵ Ключко О.А. Новые подходы к регулированию прямых иностранных инвестиций: инициативы крупнейших стран мира и уроки для России // Современная мировая экономика. 2023. Том 1. №3 (3). С. 113-128. С. 126

БИБЛИОГРАФИЯ:

2024 Annual Report. SOIs Powering Through Crises. URL: <https://globalswf.com/reports/2024annual>.

Global SWF LLC. URL: <https://global-swf.s3.amazonaws.com/file-uploads/xQampm5YX-a4Nx9IPrZCHqitEroWiLwrKKE6YZNOi.pdf>

2023 Capital Markets Fact Book. Statistics. SIFMA, 2023. 117 p.

2013 Capital Markets Fact Book. Statistics. SIFMA, 2013.

2024 Capital Markets Fact Book. Statistics. SIFMA, 2024. 119 p.

Das U.S., Mazarei A., Stuart A. Chapter 5 Sovereign Wealth Funds and the Santiago Principles. In: Economics of Sovereign Wealth Funds. USA: International Monetary Fund. 2010. Retrieved Sep 21, 2024. 328 p. P. 60. URL: <https://doi.org/10.5089/9781589069275.071>.

Demir Ishak. Investor types in the SME markets. Jan 2024. URL: <https://focus.world-exchanges.org/articles/investor-types-sme-markets>.

Gourinchas P.-O. [et al.]. Trade Balances in China and the US Are Largely Driven by Domestic Macro Forces. IMF BLOG. International trade. P. 7. URL: https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2024/09/12/trade-balances-in-china-and-the-us-are-largely-driven-by-domestic-macro-forces?utm_medium%3Demail

International Monetary Fund. 2024. Global Financial Stability Report: The Last Mile: Financial Vulnerabilities and Risks. Washington, DC: International Monetary Fund. 124 p.

Liu Zongyuan Zoe. Sovereign Funds. How the Communist Party of China Finances Its Global Ambitions. Cambridge, Massachusetts & London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2023. 270 p. ISBN 9780674271913.

MSCI Index Calculation Methodology. Index Calculation Methodology for the MSCI Equity Indexes. August 2024. URL: <https://www.msci.com/index-methodology>.

Portfolio Structure, CHINA INV. CORP. URL: http://www.china-inv.cn/chinainven/Investments/Portfolio_Management.shtml. URL: <https://perma.cc/NL7D-NGRM>

The SIFMA Capital Markets Fact Book, 2023. URL: <https://www.sifma.org/resources/research/fact-book/>

Trade policy review. Report by the Secretariat. China. WT/TPR/S/458 • China URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/TPR/S458.pdf&Open=True>.

Yiyuan Zh. WTO Reform to Address the Exhaustion of Member States' Benefits. Proceedings of the 2nd International Conference on Financial Technology and Business Analysis. P. 255-263. DOI: 10.54254/2754-1169/97/20231478.

Клочко О.А. Новые подходы к регулированию прямых иностранных инвестиций: инициативы крупнейших стран мира и уроки для России. 0 Современная мировая экономика. 2023. Том 1. №3 (3). С. 113-128. @@ Klochko O.A. Novye podhody k regulirovaniyu pryamyh inostrannyh investitsij: iniciativy krupnejshih stran mira i uroki dlya Rossii // Sovremennaya mirovaya ekonomika. 2023. Tom 1. №3 (3). S. 113-128.

Левашенко А.Д., Ермохин И.С., Лебедева С.К. Присоединение России к декларации ОЭСР о международных инвестициях и многонациональных предприятиях 1976 г.: новые возможности для продвижения национальных интересов. // Управленческое консультирование. 2018. № 1(109). С. 70-77. @@ Levashenko A.D., Ermohin I.S., Lebedeva S.K. Prisoedinenie Rossii k deklaracii OESR o mezhdunarodnyh investitsiyah i mnogonacional'nyh predpriyatiyah 1976 g.: novye vozmozhnosti dlya prodvizheniya nacional'nyh interesov // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2018. № 1(109). S. 70-77. DOI 10.22394/1726-1139-2018-1-70-77

Международная финансовая корпорация // Новая Российская энциклопедия: в 12 томах / редкол.: В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов (главный редактор). Том X (2). Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2012. С. 154-155. @@ Mezhdunarodnaya finansovaya korporaciya // Novaya Rossijskaya enciklopediya: v 12 tomah / redkoll.: V. I. Danilov-Danil'yan, A. D. Nekipelov (glavnyj redaktor). Tom X (2). Moskva: Izdatel'skij Dom «Infra-M», 2012. S. 154-155.

Овчаров А. Финансовые кризисы и финансовое заражение в Латинской Америке. 0 Мировая экономика и международные отношения, 2023, т. 67, № 2, стр. 104-113. @@ Ovcharov A. Finansovye krizisy i finansovoe zarazhenie v Latinskoj Amerike. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2023. T. 67, № 2. S. 104-113. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-104-113>.

Портанский А.П. ВТО: накопившиеся проблемы и перспективы после МК-13. 0 Современная мировая экономика. 2024. Т. 2, № 1(5). С. 70-82. @@ Portanskij A.P. VTO: nakopivshiesya problemy i perspektivy posle MK-13. Sovremennaya mirovaya ekonomika. 2024. T. 2, № 1(5). S. 70-82. DOI 10.17323/2949-5776-2024-2-1-70-82.

Прохоров А.П. Перспективы реализации национальных проектов Российской Федерации на период 2025-2030 годов с учетом новой модели экономического развития. 0 Мир новой экономики. 2024. Т. 18, № 1. С. 18-26. @@ Prohorov A.P. Perspektivy realizacii nacional'nyh proektov Rossijskoj Federacii na period 2025-2030 godov s uchetom novej modeli ekonomicheskogo razvitiya. Mir novoj ekonomiki. 2024. T. 18, № 1. S. 18-26. DOI 10.26794/2220-6469-2024-18-1-18-26.

Суверенные фонды: теория, эволюция, зарубежный опыт: монография / Под общ. ред. М.М. Шадурской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 126 с. @@ Suverennye fondy: teoriya, evolyuciya, zarubezhnyj opyt: monografiya / Pod obshch. red. M.M. SHadurskoj. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2023. 126 s.

Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Аргентина на траектории смены моделей развития: вызовы, ответы, риски. 0 Латинская Америка. 2024. № 3. С. 6-24. @@ YAKovlev P.P., YAKovleva N.M. Argentina na traektorii smeny modelej razvitiya: vyzovy, otvety, riski. Latinskaya Amerika. 2024. № 3. S. 6-24. DOI 10.31857/S0044748X24030014.

ТНК на мировом рынке аграрных биотехнологий

УДК:339.92; ББК:65.298.12; Jel:F02
DOI: 10.24412/2072-8042-2025-1-49-65

Константин Александрович КУГУЧИН,
МГИМО МИД России
(119454 Москва, проспект Вернадского, 76) пре-
подаватель кафедры регионального
управления и национальной политики
Одинцовского филиала,
внештатный преподаватель
кафедры международных экономических
отношений и внешнеэкономических связей
им. Н.Н.Ливенцева,
E-mail: k.kuguchin@odin.mgimo.ru

Аннотация

Цели и задачи данного исследования базируются на интересе к изучению развития биотехнологий в сельском хозяйстве в мире и связанной с этим ролью частного корпоративного сектора и государства. Автор предпринимает попытку выявить роль крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) в этом процессе и оценить их деятельность в разрезе одновременно частных и государственных интересов. При этом делается акцент на анализе авторитетных отраслевых источников с целью выявления наиболее современных тенденций с последующим сравнением и синтетическим обобщением полученных данных.

Ключевые слова: биотехнологии, ТНК, генный инжиниринг, генетически модифицированный, генетическое редактирование, ГМО, сельское хозяйство, продовольственная безопасность.

MNCs on the Global Agricultural Biotechnology Market

Konstantin Aleksandrovich KUGUCHIN,
MGIMO-University (Vernadskogo prospekt, 76, Moscow, 119454), Lecturer
at the Department of Regional Management and National Policy of the Odintsovo branch, Guest
Lecturer at the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations
named after N.N. Liventsev, E-mail: k.kuguchin@odin.mgimo.ru

Abstract

The goals and objectives of this research are justified by the interest in studying the development of agricultural biotechnology in the world and the related roles of the private corporate sector and the state. The author attempts to identify the role of the largest multinational corporations (MNCs) and assess their activities in terms of both private and public interests. At the same time, particular attention is paid to the analysis of authoritative industry sources with a view to identifying the latest trends with subsequent comparison and synthetic generalization of the data obtained.

Keywords: biotechnology, genetic engineering, genetically modified, genetically edited, GE, GMO, agriculture, food security.

Биотехнологии в той или иной форме на сегодняшний день стали неотъемлемой частью современного сельскохозяйственного производства. Международные корпорации, такие как Monsanto (Bayer), Syngenta (Национальная химическая корпорация Китая – Sinochem), Corteva Agriscience (бывшая DowDuPont, наиболее известное подразделение – Pioneer Hi-Bred International), BASF, KWS и Limagrain (Vilmorin & Cie), играют ключевую роль в развитии этого сектора. Они инвестируют значительные ресурсы в исследования и разработки, а также внедряют инновационные технологии на глобальном уровне. Роль государства же в этой области носит скорее поддерживающий и регулирующий характер.

С позиции научной классификации компании из приведенного списка принято считать транснациональными (ТНК). Они осуществляют свои научные разработки и бизнес-процессы на глобальном уровне, управляют активами в различных странах и стремятся минимизировать зависимость от какой-либо одной юрисдикции. В частности, данные компании:

- Имеют децентрализованное (или условно децентрализованное) управление и научно-исследовательскую базу. Исследовательские центры и производственные мощности этих корпораций часто расположены в разных странах, что позволяет им использовать лучшие мировые ресурсы и научный капитал.

- Следуют глобальным стратегиям. Они разрабатывают свои научные и технологические решения с расчётом на глобальный рынок, внедряя продукты и технологии во многих странах мира.

- Адаптируются к различным рынкам. В числе прочего, данные компании стремятся адаптировать свою продукцию к специфическим климатическим и агрономическим условиям каждой страны, а также требованиям рынка, где они ведут деятельность. Это позволяет им предлагать различные сорта растений или технологии в зависимости от региональных потребностей.

- Могут осуществлять условно независимую деятельность в разных странах. Подразделения (отдельные юридические лица) таких корпораций могут сотрудничать на отдельных рынках, несмотря на конкуренцию на глобальном уровне. Например, крупный участник рынка США AgReliant является совместным проектом компаний KWS и Limagrain [25].

В то же время интеграционные процессы, которые можно наблюдать в рамках бизнеса некоторых из данных корпораций, содержат признаки их пограничного положения между ТНК и мультинациональными компаниями. К таковым можно отнести, например, стремление к централизации управления с оптимизацией его уровней, условная «привязка» управляющего холдинга к определенной юрисдикции, совместное обсуждение стратегии и планов на глобальном уровне с вовлечением представительств (или условно независимых компаний) из разных стран, осуществление деятельности с акцентом на отдельные рынки при прямой или косвенной поддержке государств, соответствующих месту регистрации управляющей

компании холдинга или стране происхождения компании, и т.д. И это является скорее негативным фактом с позиции международной безопасности (как минимум, продовольственной), т.к. для отдельных стран и рынков формируются риски по причине вероятной централизованности интересов таких корпораций на фоне высокой степени отраслевой консолидации. В таких условиях само восприятие этих компаний как транснациональных, а не мультинациональных, могло бы находиться в их стратегических и финансовых интересах.

Инвестиции ТНК способствуют созданию новых генетически модифицированных организмов (ГМО), биопестицидов и биоудобрений, которые, как считается, могут повысить эффективность отрасли. Существуют примеры участия ТНК в развитии сельской инфраструктуры и организации обучающих программ для фермеров, что способствует повышению их квалификации и эффективности работы. Благодаря своему международному присутствию, ТНК способны быстро распространять новые технологии по всему миру. Это позволяет производителям из разных стран получать доступ к передовым биотехнологическим решениям. В то же время, т.к. данные разработки передаются преимущественно на «пользовательском» уровне, в этом случае нельзя говорить о полноценном международном технологическом трансфере.

Рынок биотехнологических разработок для сельского хозяйства изначально был и остается в значительной мере консолидирован. Участие ТНК в слияниях и поглощениях еще больше усиливает их позиции в отрасли и, в числе прочего, позволяет объединять ресурсы для более эффективного развития биотехнологий. Примером может служить слияние Monsanto и Bayer в 2018 г., создавшее крупнейшую агрохимическую компанию в мире [13].

У этого процесса есть и очевидное отрицательное последствие. Так, концентрация биотехнологических ресурсов в руках нескольких крупных ТНК может приводить к монополизации рынка. Это может создать зависимость фермеров в конкретном регионе от единственного поставщика семян и технологий, что потенциально способствует ухудшению их экономического положения. В этих условиях обостряется обсуждение вопросов, связанных с долгосрочными последствиями использования технологий генного инжиниринга на фоне концентрации прибыли от таких технологий в интересах нескольких игроков. Кроме того, могут существовать ограничения в доступе к новым технологиям отдельных групп населения по стоимостным и иным причинам. Это потенциально усиливает социально-экономическое неравенство, т.к., независимо от эффективности самого биотехнологического решения, работа с ним проводится на базе высокого стандарта организации производственного процесса и снабжения ресурсами.

Однако наиболее серьезные последствия создаются в условиях, с одной стороны, развитого законодательства в области охраны прав интеллектуальной собственности, а с другой – нежелания крупных коммерческих концернов передавать

технологии другим сторонам. Таким образом, упомянутая выше зависимость производителей становится фактом в общемировом масштабе, зачастую вне зависимости от уровня экономического развития региона. При привязке международной корпорации-поставщика технологии к конкретному государству этот процесс может ассоциироваться с продвижением не только корпоративных, но и государственных интересов в иных юрисдикциях.

В качестве иллюстрации последнего можно привести пример Нигерии – крупнейшей страны африканского континента по параметрам размера экономики и численности населения (здесь проживает около 50% населения Западной Африки).

При более чем 80% доходов страны, идущих от экспорта нефтегазового сектора, примерно 25% ВВП Нигерии обеспечивается за счет сельского хозяйства. В этой сфере занято приблизительно 70% населения страны [14]. Принимая это во внимание, так же, как и потери страны на энергетическом рынке во время пандемии COVID-19, стратегическая значимость сельскохозяйственной отрасли только усилилась. Но, несмотря на длительные попытки нигерийского правительства усилить локальный АПК, страна по ряду причин остается нетто-импортером сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

Тем не менее, правительство Нигерии официально поддерживает развитие биотехнологий, рассматривая их в качестве инструмента обеспечения продовольственной безопасности, и создавало соответствующую регуляторную инфраструктуру. Так, еще в 1987 г. Федеральное министерство науки и технологии Нигерии (FMST) создало Национальный центр генетических ресурсов и биотехнологий (NACGRAB), который занялся исследованиями в области генетики и отраслевого применения биотехнологий. В 2001 г. для разработки и обеспечения функционирования регулирующих механизмов в этой сфере было создано Национальное агентство по развитию биотехнологий (NABDA). Впоследствии (в 2015 г.) его полномочия были переданы новому ведомству – Национальному агентству по управлению биобезопасностью (NBMA), созданному на базе одноименного закона. Последний подразумевает превентивный подход и необходимость сертификации и обязательной маркировки при импорте продукции на основе биотехнологий [26]. Другими фундаментальными нормативными документами стали Национальное регулирование по биобезопасности 2017 г. [27] и Национальная система анализа рисков в области биобезопасности 2018 г. [28] Примерно с 2018 по 2021 гг. (с учетом периода фактического внедрения) Нигерия стала первой страной в Африке, разрешившей практическое внедрение генетической модификации в сельском хозяйстве, начавшееся с устойчивых к вредителям хлопка и коровьего гороха, а уже в 2024 г. – кукурузы (TELA¹) [21][22][23]. На сегодняшний день в Нигерии одобрено (всего – для ввоза на различные цели и/или выращивания) свыше 30 генетически модифицированных объектов в растениеводстве [20], включая также сою и пшеницу, но некоторые из них находятся на стадии тестирования.

Практически все внедряемые генетически модифицированные (ГМ) культуры в стране разработаны и предлагаются для коммерциализации прямо или косвенно (в частности, через Африканский фонд сельскохозяйственных технологий (ААТФ)) крупнейшими ТНК. Например, упомянутый выше проект кукурузы ТЕЛА курируется компаниями Monsanto (Bayer). Во многих отношениях Нигерия является типичным примером в области современного развития биотехнологий в других крупных африканских странах. В частности, ААТФ, финансируемый в основном ТНК (Syngenta, PepsiCo) и американскими (Агентство США по международному развитию – USAID, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Фонд Рокфеллера, Фонд Говарда Г. Баффета) и британским (UK Aid) фондами, работает в 23 африканских странах с привлечением 451 поставщика семян и агродиллеров, которые, в свою очередь, работают с миллионами местных фермеров [4].

Такая ситуация вызывает беспокойство в определенной части общества. В частности, указывается на формальное отсутствие учета мнения фермеров и потребителей конечной продукции при рассмотрении NBMA вопросов о ГМО. Как утверждает, данное агентство, призванное осуществлять независимую регулируемую функцию в стране, в реальности занимается продвижением (внешних) биотехнологий. В 2018 г. директор NBMA предложил решение в виде маркировки ГМ продукции на рынке, что дало бы возможность выбора потребителям. Однако это не может быть действенной мерой в стране, где значительная часть продукции не может быть маркирована физически в виду специфики формата продажи [10]. Последнее является фактом для многих региональных рынков, включая различные страны Африки и Азии.

Таким образом, можно констатировать, что Нигерия последовательно создавала условия для доступа ГМ продукции на свой рынок. С одной стороны, такой доступ обеспечивается на уровне поставок ресурсов (семян, средств защиты растений (СЗР), технологий) крупнейших биотехнологических корпораций. Это находится в русле интересов последних, но вряд ли является ключевым результатом действий правительства страны. Нигерия, при всей значимости сельскохозяйственного сектора для ее экономики, ограничена в ресурсах в расчете на душу населения настолько, что нельзя говорить о решении проблемы продовольственной безопасности за счет роста производительности АПК страны. Поэтому еще одним долгосрочным результатом нужно признать обеспечение возможности импорта в Нигерию ГМ продукции из ключевых стран ее экспорта. При этом ключевыми операторами такой торговли с иностранной стороны традиционно также являются (другие) крупные мультинациональные корпорации.

Так, по данным ФАО, если суммарный импорт сои и кукурузы в Нигерию за 20 лет – до 2013 г., включительно, находился на среднем уровне менее 7 тыс. т в год (от 0 до 40 тыс. т), то уже с 2014 по 2022 г. он в среднем превысил 307 тыс. т в год (от 187 до 708 тыс. т в неравномерной динамике) при достаточно равномерном ро-

сте численности населения (2,4-2,8% в год) [16][17]. Большая часть объемов сои и кукурузы в Нигерию в этот период поставлялась из Аргентины и США (основная юрисдикция ряда ключевых корпоративных поставщиков биотехнологических решений) [18]. Это было бы невозможно без должной подготовки регуляторной почвы в стране для ввоза ГМ продукции. И если, как было отмечено, рассматривать этот процесс, например, в региональном африканском контексте, то он выглядит как реализация коммерческих стратегий крупнейших биотехнологических компаний при поддержке государств-поставщиков продукции и ресурсов.

Таблица 1

Количество одобренных на различные цели генетически модифицированных вариантов кукурузы, сои и хлопка по некоторым странам и компаниям в настоящее время²

Bayer + BASF			Всего	Bayer	Corteva	Syngenta	BASF	Bayer + Corteva	Bayer + Syngenta	Другие
1	Кукуруза	США	50	22	12	8		1		6
1		Канада	73	28	21	18		2	1	2
1		Бразилия	77	23	21	29		2		1
		Аргентина	70	24	18	26		2		
1		ЕС	97	39	23	20		11	3	
1		Китай	24	8	4	7				4
		Индия								
1		Австралия	32	16	7	8				
		ЮАР	49	16	13	18		2		
1		Нигерия	19	13	3	2				
		Соя	США	26	14	6		5		
	Канада		26	11	8		5			2
	Бразилия		22	8	6	1	4			3
	Аргентина		25	9	5	1	5			5
	ЕС		24	13	7		4			
	Китай		17	8	4		4			1
	Индия		5	3			2			
	Австралия		21	9	6		5			1
	ЮАР		16	7	5		4			
	Нигерия		11	8	1		2			

Bayer + BASF		Всего	Bayer	Corteva	Syngenta	BASF	Bayer + Corteva	Bayer + Syngenta	Другие
	США	33	22	5	2	3			1
	Канада	27	19	3	2	3			
1	Бразилия	26	18	5		2			
1	Аргентина	12	9		1	1			
	ЕС	16	11	1		3	1		
	Китай	11	6		1	2			2
	Индия	6	2						4
	Австралия	28	21	2	2	3			
	ЮАР	11	10			1			
	Нигерия	1	1						

Источник: Составлено автором на основе анализа совмещенных данных ISAAA Inc. [19], официальной корпоративной информации и других отраслевых источников.

В таблице 1 представлены сводные данные по количеству одобренных вариантов ГМ кукурузы, сои и хлопка в отдельных регионах мира до сегодняшнего дня. Во всех них, кроме ЕС³, в той или иной степени разрешено производство и коммерческий оборот ГМ растениеводческой продукции. В таблице представлены данные по всем видам одобрения без спецификации конкретного из них: для использования в кормовых или пищевых целях в первоначальном или переработанном виде, либо для выращивания с целью внутреннего потребления или экспорта. Наличие такого одобрения означает, как минимум, возможность импорта соответствующей продукции на внутренний рынок, но необязательно дает право выращивания такой культуры в стране. Последнее хорошо видно на примере ЕС.

Если брать основные рынки на примере указанных стран, то от 80 до 100% ГМ типов кукурузы, сои и хлопка разработано в той или иной форме всего четырьмя корпорациями в их сегодняшней структуре – Bayer, Corteva, Syngenta и BASF. Из них в большинстве случаев основную долю занимают разработки Bayer (ранее – Monsanto). Здесь мы учитываем все связанные с этими корпорациями компании и совместные предприятия с их участием. Как уже было отмечено, крупнейшие корпорации часто вступают в совместные проекты и коммерциализируют общие разработки.

В то же время, анализ показывает, что в ряде стран участниками рынка являются и другие, зачастую местные, компании. Помимо североамериканских и европейских организаций, выделяются аргентинская Bioceres и связанные с ней ком-

пании, а также ряд частных и государственных организаций в Индии (например, одно из направлений концерна Tata) и Китае (включая местную Академию сельскохозяйственных наук). В последнем случае это является частью транспарентной стратегии импортозамещения технологий. Также интересен кейс нидерландской компании Renessen, которая является совместным предприятием Monsanto и одной из крупнейших американских глобальных сельскохозяйственных корпораций – Cargill. Последняя является одним из наиболее значимых в мире трейдеров и переработчиков сельскохозяйственной продукции.

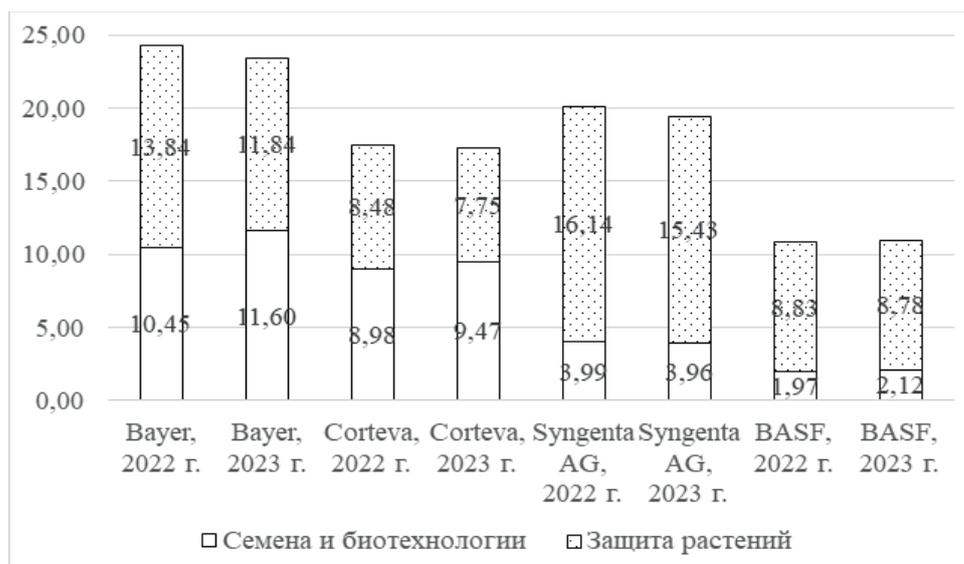

Рис. 1. Продажи крупнейших сельскохозяйственных биотехнологических компаний по сегментам в 2022 и 2023 гг., млрд долл. США⁴

Fig. 1. Sales of the largest agricultural biotech companies by segment in 2022 and 2023, USD billion

Источник: составлено автором по данным официальной отчетности компаний [8] [9] [11][15][30].

На рисунке 1 представлены данные по продажам приведенных выше компаний в ключевых сегментах. Если дополнить данные компании Syngenta AG⁵ продажами приобретенной Syngenta Group в 2020 г. ADAMA⁶ и Syngenta Group China⁷, то это будет самая крупная компания данного сектора по обороту в мире. По данным объединенной группы ее выручка составила 33,4 и 32,2 млрд долл. США в 2022 и 2023 гг., соответственно.⁸ Но в эту цифру входят продажи значительной части бизнеса Syngenta Group China, включающей, помимо семян и защиты растений, прочие направления – цифровые сервисы, зерновой бизнес и питание растений.

При этом только цифровые сервисы принесли в выручке компании 3,1 и 3,9 млрд долл. в 2022 и 2023 гг., соответственно [5][31][32]. Таким образом, можно предположить, что реальный размер глобального бизнеса Syngenta непосредственно в области продажи средств защиты растений и семян условно сопоставим с аналогичным бизнесом Bayer. В то же время, как было видно по таблице 1, Bayer, в силу ряда факторов, включая, вероятно, историческое позиционирование на рынке США, пока имела более сильные позиции в мире в области регистрации ГМ сортов ключевых культур.

По структуре продаж приведенных компаний хорошо видна синергия между поставками семян и СЗР. Три лидера – Bayer, Corteva и Syngenta (в расширенном составе) приближены к балансу данных направлений. Как ранее показал анализ, поставки, в частности, семян ГМ растений исторически неразрывно связаны с поставками соответствующих СЗР. По приведенным отчетам данных компаний видно, что продажи гербицидов в среднем занимают около половины их бизнесов по направлению защиты растений. А компания Bayer, комментируя снижение продаж в 2023 г., прямо указала, что ключевым фактором для этого стало снижение цен на глифосатные продукты⁹. Кроме того, одним из ключевых вопросов бизнеса, выносимых руководством на обсуждение, является большое число судебных исков против корпорации и ее дочерней компании – Monsanto на основании предполагаемого вреда от глифосата и РСВ¹⁰. По данным компании на 31.12.2023 сумма поданных против нее в США исков по глифосату составила 6,3 млрд долл., при том что позже были поданы иски и в Канаде [12].

С точки зрения географического распределения продаж, по приведенным выше источникам видно, что основным рынком для данных корпораций, кроме Syngenta (у которой более сильные позиции в Латинской Америке и Азии), является Северная Америка. На данный регион приходится в среднем 40-50% бизнеса. Вторым по величине рынком, как правило, является Латинская Америка, в первую очередь, в связи с большим уровнем использования СЗР. Последнее соответствует проанализированному ранее данным FAO. Однако бизнес всех биотехнологических корпораций представляет пример широчайшей географической диверсификации, и они фактически осуществляют коммерческую деятельность в десятках стран через сотни своих компаний во всех регионах мира.

Анализ приведенной выше корпоративной отчетности и других отраслевых источников позволяет судить о структуре акционерного капитала данных компаний (в их полном составе бизнеса). Для всех них, за исключением Syngenta, в настоящее время контролируемой китайской государственной корпорацией, характерна ключевая роль американских, канадских и европейских (со значительным перевесом немецких и английских) акционеров. Там же за редким исключением расположены ключевые административные, производственные и исследовательские активы данных корпораций в области сельскохозяйственных биотехнологий. Эти

факты поддерживают гипотезу о весьма условном позиционировании обсуждаемых корпораций в качестве ТНК, не «привязанных» к конкретным юрисдикциям и действующим децентрализованно в отдельных странах. В условиях фактически сложившейся олигополистической структуры глобального рынка сельскохозяйственных биотехнологий это создает определенные стратегические риски для (прежде всего, остальных) государств-потребителей продукции и сервиса данных компаний.

С учетом сложившейся товарной и географической структуры мирового рынка сельскохозяйственного сырья и приведенного анализа можно подтвердить, что развитие биотехнологий фактически являлось и остается одним из серьезных факторов формирования соответствующих торговых потоков. Наличие в отдельных странах-потребителях разрешений на ввоз сельскохозяйственной продукции на основе биотехнологий является ключом к этим рынкам для основных стран-поставщиков. Это хорошо видно на примере Нигерии выше. И у таких поставок есть очевидная страновая привязка, даже если не через самих поставщиков (трейдеров), которые зачастую имеют мультинациональный статус, то по месту происхождения продукции. В частности, если говорить о США, то действия различных участников рынка ложатся в единую стратегическую канву, состоящую, как минимум, из:

- 1) поддержки отдельных отраслей и их экспорта со стороны государства и крупных финансовых фондов,
- 2) работы биотехнологических корпораций, поставляющих зарубежным покупателям семена, производственные технологии и СЗР на основе долгосрочных контрактов (что в принципе на практике означает для фермера отсутствие альтернативы выхода из производства продукции на основе биотехнологий),
- 3) экспорта сельскохозяйственной продукции страны на основе биотехнологий в те же и другие страны, часто посредством деятельности американских торговых корпораций.

При этом одним из важных элементов государственного регулирования, который находится в интересах поставщиков биотехнологий, является законодательство о защите прав интеллектуальной собственности. Оно имеет определенные отличия по странам, но в итоге может использоваться на глобальном уровне корпоративными интересантами, добивающимися оптимальной схемы работы с ним. Такое законодательство позволяет биотехнологическим компаниям капитализировать и монетизировать стоимость своих разработок, фактически не передавая соответствующие технологии на рынки, куда осуществляются их поставки. В частности, для Китая это стало сигналом о возможной потере технологического суверенитета и побудило его развивать собственную технологическую базу, лимитируя возможности для иностранных поставщиков технологий. И именно возмож-

ность нарушения американского технологического суверенитета и коммерческих интересов можно рассматривать в качестве причины отказа США от ратификации Конвенции о биологическом разнообразии ООН. Ведь последняя, в числе прочего, подразумевает разработку каждой страной-подписантом национальной стратегии в области биоразнообразия и расширение системы защищенных территорий. В числе прочих опасений в США, ключевым из них, хотя и опровергаемым экспертами в области права, стал риск необходимости американских биотехнологических корпораций делиться своей интеллектуальной собственностью с другими странами [24]. Так, как отмечалось ранее, исходя из своего названия, Нагойский протокол регулирует доступ к генетическим ресурсам и совместное использование на справедливой и равной основе выгод от их применения [3], что является одной из целей Конвенции.

Таблица 2

Расходы и активность в НИОКР мировых лидеров в генетике растениеводства в 2022 г.

	Syngenta	Bayer	Corteva	BASF	Limagrain	KWS	GDM	Rijk Zwaan
Базовая юрисдикция	Китай, Швейцария	ЕС	США	ЕС	ЕС	ЕС	Аргентина	ЕС
Расходы на НИОКР, млрд долл. США	~1,4	2,7	1,2	1	0,3	0,3	0,2	0,2
Расходы на НИОКР, % от выручки	4%	10%	7%	~11%	~15%	~16%	24%	30%
Количество активных патентов, шт.	10 000	16 928	~16 500	6 862	-	~650	-	940
Штат, чел.	57 000	-	21 000	-	9 335	~5 000	1 800	3 900
Сотрудники НИОКР	6 000	7 000	5 000	-	~2 300	~1 850	1 152	-

Источник: Исследование консалтинговой компании «Яков и Партнеры»¹¹ [2].

В таблице 2 представлены данные по расходам на НИОКР крупнейших биотехнологических корпораций, ведущих деятельность в АПК. Корпоративная отчетность этих компаний показывает, что оборот самой маленькой из них – Rijk Zwaan превышает 0,6 млрд долл. [29]. И в целом существует гипотеза, что значимым игроком в этом бизнесе можно считать компанию с оборотом от 0,1 млрд долл. с расширенным доступом к международным рынкам сбыта. Только в таких условиях можно обеспечить передовой уровень научных исследований с доведением разработки до продуктовой стадии, доступ к многолетней и максимально большой экспериментальной базе по селекции и технологически и коммерчески необходимый промышленный масштаб производства семян. Важно отметить, что, по опыту технологии генной модификации, разработка ведется не только в области биотехнологии, но и по сопровождающему семенам агрохимическому продукту. По данным исследования на примере крупнейших корпораций, это может стоить около 0,3 млрд долл. и занимать 12 лет – от начальной стадии разработки до первой продажи. При этом стоимость и сроки с годами только увеличиваются [6]. А разработка непосредственно семенного продукта (в случае линии генетической модификации) в среднем составляет 0,12-0,14 млрд долл. и занимает 15-20 лет [7]. Как видно из приведенных данных, требуются затраты на НИОКР, подчас сопоставимые с размером рынков отдельных крупных государств. Например, по отдельным оценкам, рынок селекционных семян в России составляет 150-200 млрд руб. [1], или 1,5-2,1 млрд долл. (существуют и менее консервативные оценки). При этом ежегодная выручка отдельных компаний-мировых лидеров может превышать эту цифру на порядок. Но биотехнологические компании не могут остановиться на коммерциализации какого-то одного продукта (или группы продуктов) и должны поддерживать активность разработки в связи с 1) вероятностью потери эффективности семян в связи с естественным процессом приспособления (например, вредителей) и 2) существующей на рынке конкуренцией.

В этих условиях технологии являются ценным капиталом биотехнологических корпораций и/или государства. В то же время, как было отмечено выше, они подлежат законодательной защите от несанкционированной передачи третьим сторонам. Так, например, в 2011 г. в США была обнародована информация о судебном процессе против гражданина Китая, который, работая в корпорациях Dow AgroSciences (в настоящее время – Corteva) и Cargill, передавал информацию об их биотехнологических разработках в Китай [33].

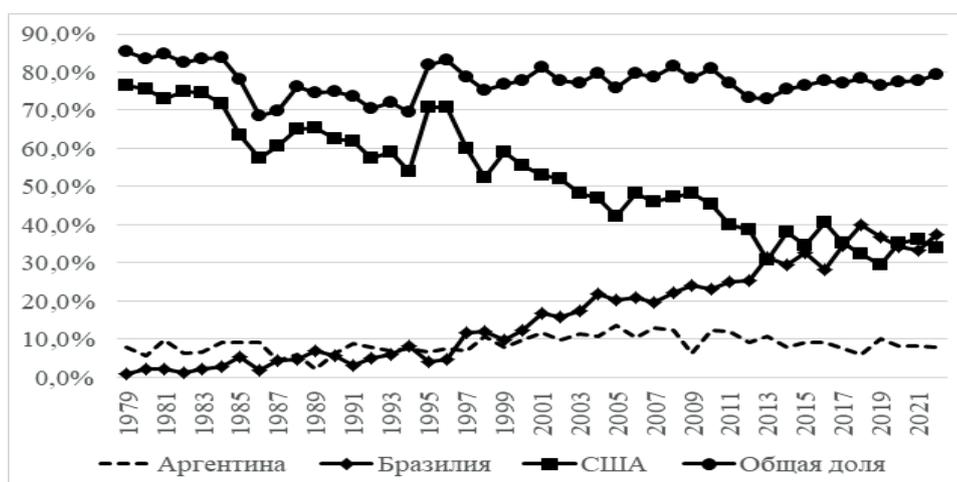

Рис. 2. Динамика доли США, Бразилии и Аргентины в мировом экспорте сои и кукурузы в денежном выражении в 1979-2022 гг.

Fig. 2. Dynamics of the share of the USA, Brazil and Argentina in world exports of soybeans and corn in monetary terms in 1979-2022.

Источник: составлено автором по данным FAO [18].

Рассмотрение ролей основных мировых поставщиков сои и кукурузы в глобальной торговле этими видами сырья в исторической динамике демонстрирует неожиданные результаты (см. рисунок 2). Фактически доля США в мировой торговле сократилась больше, чем вдвое. Причем это падение началось несколько раньше, чем внедрение ГМ сортов сои и кукурузы, и происходило в стране одновременно по обеим культурам. Объяснением может быть возрастающий внутренний спрос, компенсировавший рост производства на фоне условно стабильного уровня экспорта из США при росте позиций их основных конкурентов. Так, по данным USDA, в этот период значительно выросло потребление кукурузы для производства топливного этанола – с менее чем 1% в 1980 г. до 44% в 2022 г. во внутреннем потреблении, что соответствует использованию на кормовые цели [33]. Экспорт сои США в этот же период вырос в 2,6 раза при увеличении внутренней переработки в 2,4 раза, что стало осуществимо благодаря росту производства данного вида масличного сырья. Но в объемном выражении внутреннее потребление все равно превышало экспорт в 1,5 и 1,4 раза в 1980 и 2022 гг., соответственно, что снизило эффект наращивания вывоза из страны.

При этом, так же, как и по кукурузе, экспорт из конкурирующих стран, в частности из Латинской Америки, рос быстрее. Доля Аргентины в мировой торговле кукурузой и соей, несмотря на значительный рост ее экспортного потенциала, менялась условно незначительно. Но Бразилия очевидно стала той страной, которая

забрала на себя потерянные позиции США на мировом рынке. Аналогичные результаты дает анализ данных ФАО в разрезе ключевых регионов-импортеров сои и кукурузы, включая отдельно Азию и Африку.

С одной стороны, результат этого анализа говорит об отсутствии явного влияния биотехнологий на динамику, приведенную на рисунке 2. Но, с другой перспективы, в частности по кукурузе, требуется учесть совместно два фактора: 1) стагнацию в секторе биоэтанола в США, которая выразилась в стабилизации потребления кукурузы для его производства после 2010 г. и 2) необходимость увеличения экспорта на фоне растущего внутреннего производства и конкуренции на мировом рынке. Поэтому описанные выше комплексные действия с участием крупных корпораций являются объяснимыми с точки зрения стратегических интересов США и вряд ли могут быть отнесены лишь к сфере коммерческих интересов отдельных компаний. При этом, если рассматривать сферу биотехнологических разработок в отдельности, то технологический контроль на внешних рынках может позволить в определенной степени говорить и о контроле сельскохозяйственного производства в других странах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Устойчивая к засухе и вредителям.
- ² Актуально на октябрь 2024 г.
- ³ Исключение составляют незначительные и ежегодно сокращающиеся посевы кукурузы в Испании и Португалии, продукты которых используются только локально в кормовых и технических целях.
- ⁴ Данные по Bayer и BASF переведены из Евро в доллар США по курсу в соответствии с данными компании – 1,05 и 1,08 долл./Евро в 2022 и 2023 гг., соответственно; данные по Syngenta Group – без учета продаж ADAMA (защита растений) и Syngenta Group China и без вычета внутригрупповых операций (0,17 и 0,20 млрд. долл. в 2022 и 2023 гг., соответственно); данные по Bayer Group – Bayer Crop Solutions без учета продаж в прочие сегменты (2,03 и 1,57 млрд. долл. в 2022 и 2023 гг., соответственно).
- ⁵ Исторически существовавший бизнес в этой сфере с головными офисами в Швейцарии (защита растений) и США (семена и биотехнологии).
- ⁶ Глобальный поставщик средств защиты растений с головной компанией в Израиле.
- ⁷ Диверсифицированный бизнес в агросекторе Китая.
- ⁸ Включая 8,6 и 9,6 млрд. долл. – Syngenta Group China в 2022 и 2023 гг., соответственно, без учета корректировок на внутригрупповые продажи.
- ⁹ Связанные с применением гербицида «глифосат».
- ¹⁰ Полихлорированные дифенилы.
- ¹¹ Бывшее российское представительство компании «McKinsey & Company».

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Карabut Т. Минсельхоз намерен заместить импорт семян и сельхозтехники // Российская Газета. – 2023. – 9 июля. @@ Karabut T. Minsel'hoz nameren zamestit' import semyan i sel'hoztehniki // Rossijskaya Gazeta. – 2023. – 9 iyul. URL: <https://rg.ru/2023/07/09/zernopodmecheno.html> (дата обращения: 20.11.2024).

2. Клецко А., Ветошкин С. Исследование «Суверенная генетика для российского АПК: где найти сотни тысяч человеко-лет PhD и терабайты экспертизы?» // Яков и Партнеры. – 2024. – Июль. @@ Kleczko A., Vetoshkin S. Issledovanie «Suverennaya genetika dlya rossijskogo APK: gde najti sotni ty'syach cheloveko-let PhD i terabajty e'kspertizy?» // Yakov i Partnery. – 2024. – Iyul. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/a-sovereign-capability-in-genetics-for-russian-agriculture/> (дата обращения: 20.11.2024).

3. Организация Объединенных Наций. Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии : вступила в силу 29 декабря 1993 г. // Секретариат Конвенции о биологическом разнообразии : сайт. – Монреаль, 2011. @@ Organizaciya Ob`edinenny'x Nacij. Nagojskij protokol regulirovaniya dostupa k geneticheskim resursam i sovmestnogo ispol'zovaniya na spravedlivoj i ravnoj osnove vy`god ot ix primeneniya k Konvencii o biologicheskom raznoobrazii : vstupila v silu 29 dekabrya 1993 g. // Sekretariat Konvencii o biologicheskom raznoobrazii : sajт. – Monreal', 2011. URL: <https://www.cbd.int/abs/doc/protocol/nagoya-protocol-ru.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

4. AATF : сайт / Our achievements. – Nairobi. – URL: <https://www.aatf-africa.org/> (дата обращения: 20.11.2024).

5. Adama Agricultural Solutions Ltd. Periodic Report for The Year 2023. // Tel Aviv Stock Exchange : сайт. – Tel Aviv, 2024. – 25 мар. – URL: <https://mayafiles.tase.co.il/rpdf/1582001-1583000/P1582215-00.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

6. AgbioInvestor. Time and Cost of New Agrochemical Product Discovery, Development and Registration. A Study on Behalf of Crop Life International. // AgbioInvestor : сайт. – Pathhead, 2024. – URL: <https://agbioinvestor.com/wp-content/uploads/2024/02/AgbioInvestor-CropLife-The-Cost-of-New-Agrochemical-Product-Discovery-Development-and-Registration.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

7. AgbioInvestor. Time and Cost to Develop a New GM Trait. A Study on Behalf of CropLife International / AgbioInvestor // CropLife International : сайт. – Brussels, 2022. – URL: <https://croplife.org/wp-content/uploads/2022/05/AgbioInvestor-Trait-RD-Branded-Report-Final-20220512.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

8. BASF. BASF Report 2022. // BASF : сайт. – Leverkusen, 2023. – 24 фев. – URL: https://report.basf.com/2022/en/_assets/downloads/entire-basf-ar22.pdf (дата обращения: 20.11.2024).

9. BASF. BASF Report 2023. // BASF : сайт. – Leverkusen, 2024. – 23 фев. – URL: https://report.basf.com/2023/en/_assets/downloads/entire-basf-ar23.pdf?h=tl5JyxIJ (дата обращения: 20.11.2024).

10. Basse N. GMOs in Nigeria – do the masses have a choice? / Nnimmo Basse. // The International Journal for Rural Development RURAL 21. – 2018. – Vol. 51. – P. 28-29. – URL: https://www.rural21.com/fileadmin/downloads/2018/en-02/rural2018_02-S28-29.pdf (дата обращения: 20.11.2024).

11. Bayer. Bayer Annual Report 2023. // Bayer : сайт. – Leverkusen, 2024. – 5 мар. – URL: <https://www.bayer.com/sites/default/files/2024-03/bayer-annual-report-2023.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

12. Bayer. Bayer Annual Report 2023. // Bayer : сайт. – Leverkusen, 2024. – 5 мар. – P. 3, 113-114. – URL: <https://www.bayer.com/sites/default/files/2024-03/bayer-annual-report-2023.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).
13. Bayer. Bayer closes Monsanto acquisition. // Bayer : сайт. – Leverkusen, 2018. – 7 июн. – URL: <https://clck.ru/3EhtRb> (дата обращения: 20.11.2024).
14. Boluwade E., Uche N. Agricultural Biotechnology Annual. Nigeria / Ebenezer Boluwade, Nzeka Uche. // GAIN Report. U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. – Lagos, 2021. – № NI2020-0005. – P. 2. – URL: <https://fas.usda.gov/data/nigeria-agricultural-biotechnology-annual-4> (дата обращения: 20.11.2024).
15. Corteva Agriscience. News Release 4Q 2023. // Corteva Agriscience : сайт. – Indianapolis, 2024. – 31 янв. – URL: <https://investors.corteva.com/static-files/5a5896f5-32d1-407f-9dcb-f60e9f5e4d22> (дата обращения: 20.11.2024).
16. FAOSTAT. Annual population // FAO : сайт. – Rome. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/OA> (дата обращения: 20.11.2024).
17. FAOSTAT. Crops and livestock products // FAO : сайт. – Rome. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TCL> (дата обращения: 20.11.2024).
18. FAOSTAT. Detailed trade matrix // FAO : сайт. – Rome. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TM> (дата обращения: 20.11.2024).
19. ISAAA Inc. Countries with GM Crop Approvals // ISAAA Inc. : сайт. – Metro Manila. – URL: <https://www.isaaa.org/gmaprovaldatabase/countrylist/default.asp> (дата обращения: 20.11.2024).
20. ISAAA Inc. GM crop events approved in Nigeria // ISAAA Inc. : сайт. – Metro Manila. – URL: <https://www.isaaa.org/gmaprovaldatabase/approvedeventsin/default.asp?CountryID=NG> (дата обращения: 20.11.2024).
21. Isaac N. Nigeria Champions Biotech Revolution, As GMOs Spearhead Food Security, National Growth. Science Nigeria / Nkechi Isaac. // Science Nigeria. – 2024. – 12 фев. – URL: <https://sciencenigeria.com/nigeria-champions-biotech-revolution-as-gmos-spearhead-food-security-national-growth/> (дата обращения: 20.11.2024).
22. Isaac N. Nigeria commercializes Bt cotton, its first GMO crop / Nkechi Isaac. // Alliance for science. – 2018. – 30 июл. – URL: <https://allianceforscience.org/blog/2018/07/nigeria-commercializes-bt-cotton-first-gmo-crop/> (дата обращения: 20.11.2024).
23. Isaac N. Nigeria makes history with GMO cowpea rollout / Nkechi Isaac. // Alliance for science. – 2021. – 30 июн. – URL: <https://allianceforscience.org/blog/2021/06/nigeria-makes-history-with-gmo-cowpea-rollout/> (дата обращения: 20.11.2024).
24. Jones B. Why the US won't join the single most important treaty to protect nature / Benji Jones. // Vox. – 2021. – 20 мая. – URL: <https://www.vox.com/22434172/us-cbd-treaty-biological-diversity-nature-conservation> (дата обращения: 20.11.2024).
25. Limagrain Field Seeds : сайт / AgReliant. – Saint-Beauzire. – URL: <https://www.limagrainfieldseeds.com/ag-reliant.php> (дата обращения: 20.11.2024).
26. National Biosafety Management Agency (NBMA) of the Federal Republic of Nigeria. National Biosafety Management Agency Act, 2015 : принят Национальной Ассамблеей Федеральной Республики Нигерия 14 апреля 2015 г. // National Biosafety Management Agency (NBMA) of the Federal Republic of Nigeria : сайт. – Abuja. – URL: https://nbma.gov.ng/wp-content/uploads/2021/04/National_Biosafety_Management_Agency__Act_2015-signed.pdf (дата обращения: 20.11.2024).
27. National Biosafety Management Agency (NBMA) of the Federal Republic of Nigeria. National Biosafety (Implementation, etc.) Regulations (2017) : подписано Министром окружа-

ющей среды 9 марта 2017 г. // National Biosafety Management Agency (NBMA) of the Federal Republic of Nigeria : сайт. – Abuja. – URL: <https://nbma.gov.ng/wp-content/uploads/2021/06/National-Biosafety-Regulations-2017-final-signed.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

28. National Biosafety Management Agency (NBMA) of the Federal Republic of Nigeria. National Biosafety Risk Analysis Framework (2018) : одобрено Директором Национального агентства по биобезопасности Нигерии в августе 2018 г. // National Biosafety Management Agency (NBMA) of the Federal Republic of Nigeria : сайт. – Abuja. – URL: <https://nbma.gov.ng/wp-content/uploads/2021/04/NIGERIA-NATIONAL-BIOSAFETY-RISK-ANALYSIS-FRAMEWORK.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

29. Rijk Zwaan. Rijk Zwaan's financial results: reaching more people with a broader portfolio healthy products. // Rijk Zwaan : сайт. – De Lier, 2023. – 8 ноя. – URL: <https://rijkszwaan.com/en/news/rijk-zwaans-financial-results-2022-2023> (дата обращения: 20.11.2024).

30. Syngenta AG. Financial Report 2023. // Syngenta AG : сайт. – Basel, 2024. – 29 мар. – URL: <https://www.syngenta.com/sites/syngenta/files/bond-investor-information/financial-results/financial-report-2023.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

31. Syngenta Group China : сайт / About us. – Shanghai. – URL: <https://syngentagroup.cn/about/index.html> (дата обращения: 20.11.2024).

32. Syngenta Group. Syngenta Group reports \$32.2 billion sales and \$4.6 billion EBITDA in 2023. // Syngenta Group : сайт. – Basel, 2024. – 29 мар. – URL: https://www.syngentagroup.com/sites/default/files/2024-04/240329_Syngenta%20Group%20FY_Q4_2023_EN.pdf (дата обращения: 20.11.2024).

33. U.S. Department of Agriculture. Feed Grains Sector at a Glance // Economic Research Service. U.S. Department of Agriculture : сайт. – Washington DC, 2023. – 21 дек. – URL: <https://www.ers.usda.gov/topics/crops/corn-and-other-feed-grains/feed-grains-sector-at-a-glance/#:~:text=Corn%20also%20has%20food%2C%20seed,of%20total%20domestic%20corn%20use.> (дата обращения: 20.11.2024).

34. U.S. Department of Justice. Chinese National Sentenced to 87 Months in Prison for Economic Espionage and Theft of Trade Secrets. First Prosecution in Indiana for Foreign Economic Espionage. Press Release. // Office of Public Affairs. U.S. Department of Justice : сайт. – Washington DC, 2011. – 21 дек. – URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/chinese-national-sentenced-87-months-prison-economic-espionage-and-theft-trade-secrets> (дата обращения: 20.11.2024).

35. Cramer-Flood Ethan Worldwide Retail Ecommerce Forecast 2024. Steadiness and Stability Replaces High Highs and Low Lows. URL: <https://www.emarketer.com/content/worldwide-retail-ecommerce-forecast-2024/> Report by Feb 27, 2024

36. 51 eCommerce Statistics In 2024 (Global and U.S. Data). URL: <https://www.sellerscommerce.com/blog/ecommerce-statistics/>

37. Delivengo: Shipping methods for WooCommerce By delivengo. URL: <https://wordpress.org/plugins/delivengo/>

38. The European Ecommerce Report 2022. URL: <https://www.mollie.com/papers/european-ecommerce-report>

39. Ikenson Dan. The E-Commerce Revolution Is Transforming Global Trade And Benefiting The U.S. Economy. URL: <https://www.forbes.com/sites/danikenson/2022/06/13/the-e-com>

Стратегические фонды развития в современной глобальной экономике

*Денис Анатольевич МОИСЕЙЧЕВ,
Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А),
кафедра международной торговли и внешней
торговли РФ – аспирант,
e-mail: denis.moiseychev@gmail.com*

УДК:330.322; ББК: 65.268; Jel:E22
DOI: 10.24412/2072-8042-2025-1-66-81

Аннотация

В статье проведен анализ причин популярности стратегических фондов развития как относительно нового класса суверенных инвесторов, определены основные требования к их структуре и деятельности для получения максимальной отдачи от их создания, а также исследованы механизмы взаимодействия таких фондов с другими типами инвесторов в реализации одной из их ключевых задач – привлечении иностранных инвестиций. Сегодня стратегические фонды развития играют ключевую роль в создании конкурентной и динамичной экономики, при этом они обеспечивают достойную доходность на инвестированный капитал. Российский фонд прямых инвестиций является примером успешно функционирующего стратегического фонда развития. Во многом благодаря его работе удалось заложить прочный фундамент для двусторонних экономических связей с суверенными инвесторами с Ближнего Востока и Азии, которые продолжают развиваться несмотря на текущую геополитическую напряженность.

Ключевые слова: суверенные фонды благосостояния, стратегические фонды развития, двухсторонние инвестиционные фонды, прямые иностранные инвестиции.

Strategic Development Funds in the Modern Global Economy

*Denis Anatol'evich MOISEYCHEV,
Russian Foreign Trade Academy (119285, Moscow, 6A Vorobiyovskoye Highway),
Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation –
Postgraduate student, e-mail: denis.moiseychev@gmail.com*

Abstract

The article investigates the reasons for the popularity of strategic development funds as a relatively new class of sovereign investors, identifies the basic requirements for their structure and activities to obtain maximum returns from their creation, and also examines the mechanisms of interaction of such funds with other types of investors in the implementation of one of their key goals – attracting foreign investment. Today, strategic development funds play a key role in creating a competitive and dynamic economy, while they provide decent returns on invested

capital. The Russian Direct Investment Fund is an example of a successfully functioning strategic development fund. Thanks largely to its work it was possible to lay a solid foundation for bilateral economic ties with sovereign investors from the Middle East and Asia, which continue to develop despite the current geopolitical tensions.

Keywords: sovereign wealth funds, strategic development funds, bilateral investment funds, foreign direct investment.

Развивающиеся страны все чаще прибегают к модели стратегических фондов развития (SDF) как инструменту для решения задач промышленного и экономического развития, привлечения прямых и венчурных инвестиций, инвестиций в развитие инфраструктуры и другие критически важные проекты. Эти фонды обеспечивают доступ к долгосрочным источникам капитала для компаний и отраслей, которые иначе сталкиваются с недостатком финансирования из-за неприемлемых для частных инвесторов страновых рисков или слишком длинных инвестиционных горизонтов. Через свою деятельность SDF способствуют созданию новых рабочих мест, росту конкурентоспособности и компетенций местных компаний, расширению объемов производства товаров и оказания услуг, продвижению инноваций и формированию более эффективных финансовых рынков. Кроме того, SDF не только получают доход от собственных инвестиций, но и стимулируют привлечение денег от зарубежных и локальных инвесторов, повышают эффективность инвестиционной деятельности государства и способствуют формированию качественных рынков капитала.

За счет статуса государственных инвесторов SDF смягчают политические и коммерческие риски проектов, что делает их незаменимыми посредниками для зарубежных и частных инвесторов в долгосрочных проектах. Кроме этого, SDF могут способствовать расширению межгосударственного сотрудничества.

МЕСТО СТРАТЕГИЧЕСКИХ ФОНДОВ РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ СУВЕРЕННЫХ ФОНДОВ

Суверенные фонды благосостояния – это специальные инвестиционные структуры, созданные для управления государственными активами в соответствии с определенным инвестиционным мандатом. По состоянию на конец 2023 года мировые суверенные фонды аккумулировали под своим управлением более 11 трлн долларов США в активах [2]. Хотя эта сумма не кажется огромной по сравнению с активами других групп институциональных инвесторов (например, пенсионных фондов – 57 трлн долларов США, взаимных фондов – 55 трлн долларов США, страховых компаний – 33 трлн долларов США), суверенные фонды благосостояния гораздо более активные инвесторы по количеству и объему новых инвестиций в непубличные активы.

В мире насчитывается 161 суверенный фонд из 90 стран. В пятерку крупнейших стран по капиталу, управляемому их суверенными фондами, входят Китай (2,3 трлн долларов США), ОАЭ (2,0 трлн долларов США), Норвегия (1,4 трлн долларов США), Сингапур (1,1 трлн долларов США) и Саудовская Аравия (0,8 трлн долларов США). Концентрация капитала достаточно высокая: на 5 крупнейших стран приходится 68% всех активов суверенных фондов. По прогнозам Global SWF, общий объем активов суверенных инвесторов к 2030 году увеличится до 18 трлн долларов США, демонстрируя ежегодный темп роста 7%, а общее число таких фондов достигнет 200 [2].

Инвестиционный капитал суверенных фондов благосостояния формируется из профицита платежного баланса страны, поступлений от приватизации государственного имущества, профицита бюджета и/или поступлений от экспорта сырьевых товаров. В зависимости от источников средств и стоящих перед ними целями, суверенные фонды применяют разные инвестиционные подходы. Международный валютный фонд разделяет SWF на пять основных типов [3]:

1) **стабилизационные фонды** защищают государственные бюджеты от колебаний цен на сырьевые товары. Их называют «фондами на черный день», поскольку они созданы в качестве буферного механизма, который позволяет покрывать бюджетный дефицит в периоды неопределенности либо экономических спадов. По природе они придерживаются консервативной стратегии и обычно размещают 90% своего капитала в публичных инструментах, таких как акции и облигации. К фондам данного типа относятся SOFAZ в Азербайджане, Фонд Пула в Ботсване и ESSF в Чили;

2) **сберегательные фонды** стремятся «конвертировать» невозобновляемые активы, такие как углеводороды, металлы и иные природные ресурсы, в диверсифицированный портфель активов, с целью смягчить последствия так называемой «голландской болезни». Известные как «фонды будущих поколений», они могут позволить себе более рискованные инвестиции и в среднем 20-25% своего портфеля направляют в непубличные инвестиции. Под управлением фондов этого типа находится около 6,9 трлн долларов США, и они являются одними из крупнейших инвесторов в недвижимость, инфраструктуру и прямые инвестиции. Примеры включают ADIA в Абу-Даби, NBIM в Норвегии и GIC в Сингапуре;

3) **резервные инвестиционные корпорации** инвестируют избыточные валютные резервы в более рискованные активы, чтобы повысить их доходность;

4) **государственные пенсионные фонды** управляют будущими пенсионными обязательствами государств посредством инвестирования имеющихся резервов на локальных и мировых рынках. Значимость и активность пенсионных фондов возросла в последние годы до такой степени, что на сегодняшний день они во многом схожи по поведению с остальными типами суверенных фондов, несмотря на очевидные различия в целях и степени ответственности. Примеры включают государственные пенсионные фонды Канады (CPP), Японии (GPIF) и Нидерландов (APG);

5) **стратегические фонды развития (SDF)** финансируют социально значимые экономические проекты и продвигают долгосрочную промышленную политику. Данная категория стала наиболее популярной среди вновь создаваемых суверенных фондов в последние 15 лет, поскольку при правильной организации SDF могут выступить эффективным средством для стимулирования местной экономики и рынков, катализатором привлечения прямых иностранных инвестиций и одновременно приносить высокие инвестиционные доходы.

Через выбор активов суверенные инвесторы преследуют три основные задачи: рост капитала, стабилизация экономических циклов и/или экономическое развитие. SDF стремятся реализовать как минимум две задачи – получение финансовой отдачи от государственных инвестиций и развитие экономики своей страны. С этой целью SDF получили наиболее широкий инвестиционный мандат, по сравнению с другими фондами, и преимущественно инвестируют в альтернативные классы активов, такие как инфраструктура, прямые и венчурные инвестиции, а также имеют возможность применять различные формы партнерств и моделей со-инвестирования, что позволяет им вовлекать капитал от частных инвесторов и других суверенных инвесторов.

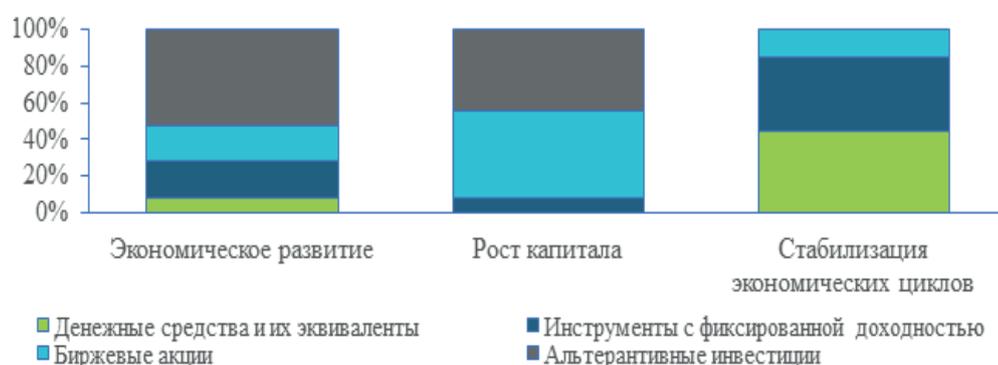

Рис. 1. Структура активов в портфеле различных типов инвесторов

Fig. 1. The structure of assets in the portfolio of various types of investors

Источник: PwC [4]

Отличительные характеристики стратегических фондов развития

По данным Международного валютного фонда, SDF – это создаваемые по инициативе и за счет государств коммерческие инвестиционные фонды, которые сочетают цели финансовой доходности и экономического развития [1]. SDF обладают следующими ключевыми характеристиками [8]:

❑ финансирование деятельности SDF происходит за счет финансовых средств правительств, международных или региональных финансовых учреждений;

❑ SDF инвестируют преимущественно в непубличные активы, предоставляют долгосрочные инвестиции в виде акционерного капитала, но могут также инвестировать в конвертируемые и долговые инструменты;

❑ SDF активно привлекают частный капитал и капитал других суверенных фондов, инвестируя как через совместные фонды и инвестиционные платформы, так в отдельные проекты;

❑ SDF одновременно преследует финансовые и экономические цели (принцип «двойного мандата»), стремясь максимизировать не только прибыль от инвестиций, но и решить иные государственные задачи, в том числе обеспечение долгосрочного экономического роста и развития отдельных секторов экономики;

❑ SDF обладают необходимой внутренней инвестиционной экспертизой и для своих финансовых спонсоров и со-инвесторов выступают в качестве проводников-экспертов, при этом могут обращаться за экспертизой и доступом к сделкам к частным инвесторам, применяя различные модели со-инвестирования и партнерств;

❑ SDF создаются по модели инвестиционных фондов или корпораций, обеспечивая таким образом эффективное управление государственными финансовыми ресурсами и прозрачность своей деятельности.

Хотя разновидности SDF существовали уже в конце XX века, только в XXI веке SDF стали признанными инструментами стимулирования экономического развития. По оценкам Всемирного банка, с 2000 года в мире было создано более 30 различных SDF. Стремительный рост их популярности обусловлен следующими факторами:

❑ дефицитом источников «длинных» денег после финансового кризиса 2008 года, который вызвал массовый отток долгосрочного капитала с развивающихся рынков;

❑ необходимостью поддержки внутреннего рынка капитала, включая участие в инвестиционных проектах, которые не могут быть реализованы за счет частного капитала из-за высоких рисков либо отсутствия соответствующей экспертизы;

❑ потребностью в создании и развитии инновационных компаний, которые не имеют доступа к финансированию в странах с недостаточно развитыми внутренними рынками капитала, особенно венчурного;

❑ растущей уверенностью в способности SDF успешно решать поставленные перед ними задачи в рамках «двойного мандата».

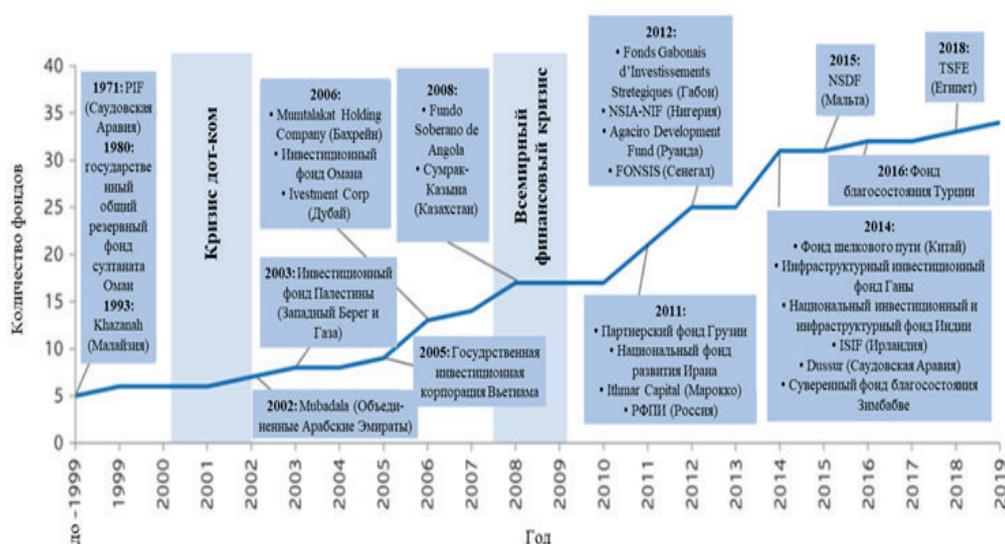

Рис. 2. Эволюция создания SDF
 Fig. 2. Evolution of SDF creation
 Источник: Всемирный Банк [4]

SDF преимущественно создают развивающиеся страны, поскольку в западных развитых странах правительства придерживаются либеральных экономических концепций и не вмешиваются в экономику без крайней необходимости. Страны, которые следуют идеям более глубокого государственного участия, такие как Китай, Сингапур и Малайзия, напротив, активно используют государственные инвестиции для реализации долгосрочных программ экономического развития, и SDF являются важными инструментами такой политики.

Разница между SDF и иными типами суверенных инвесторов отражает различия между стратегиями «роста капитала» и «создания стоимости». Стратегия роста капитала, или портфельная стратегия, заключается в том, что инвестор владеет множеством небольших долей в диверсифицированном портфеле активов, характеризующихся различной степенью риска и ожидаемой доходностью. Этот тип стратегии основан на убеждении, что владение ликвидными активами с высоким уровнем диверсификации обеспечит финансовые результаты, соответствующие прогнозируемым ожиданиям при контролируемом уровне риска. Стабилизационные и сберегательные фонды, резервные инвестиционные корпорации и большинство пенсионных фондов инвестируют таким образом, выделяя очень скромную аллокацию на прямые и альтернативные инвестиции.

Эффективные SDF, напротив, занимают роль «создателей стоимости». А деп-тами данной стратегии могут служить фонды прямых и венчурных инвестиций, девелоперы инфраструктурных проектов и объектов недвижимости. Такие инвесторы владеют значительными или стратегическими долями в своих портфельных компаниях. Используя внутренние возможности, компетенции, связи и прочие ресурсы, инвесторы данного типа помогают своим портфельным компаниям стать лидерами на рынках, обеспечив получение высокой прибыли на вложенные средства. «Создатели стоимости» активно участвуют в операционной деятельности портфельных компаний, номинируя своих представителей в совет директоров, а также имеют право вето либо непосредственно определяют ключевые стратегические решения, что позволяет повысить качество управления и обеспечить управленческий надзор за менеджментом. По сравнению с традиционным портфельным подходом стратегия «создания стоимости» требует больших вложений в меньшее количество проектов при значительно большем уровне вовлечения инвесторов в период владения активами, что позволяет достигать более высоких доходов, чем при инвестициях в публичные активы.

Наиболее успешные SDF также стремятся к созданию стоимости для своих портфельных компаний. Однако, в отличие от фондов прямых инвестиций и традиционных долгосрочных инвесторов, руководствуются не только целью получения максимальной прибыли от инвестиций, но и внесением вклада в экономическое развитие страны или региона. В этом заключается принцип «двойного мандата»: во-первых, заработать доходность, соответствующую разумным рыночным ожиданиям с учетом принятого риска, а во-вторых, способствовать достижению стратегических целей национальной политики по экономическому развитию, например, создание рабочих мест, повышение уровня благосостояния и производительности труда, обеспечение долгосрочного роста налоговых поступлений, развитие торговых и технологических отношений с другими странами.

Кроме этого, их присутствие в качестве со-инвесторов либо якорных инвесторов в проектах обеспечивает скрытое страхование от политических и нормативных рисков, что особенно актуально для реализации инфраструктурных проектов и проектов государственно-частного партнерства, которые, как правило, более подвержены суверенному риску.

При этом цели по достижению инвестиционной доходности и национальных приоритетов развития не исключают и не противоречат друг другу. В частности, по состоянию на 31 марта 2022 года сингапурская компания Temasek обеспечила своим акционерам средний за 20 лет годовой доход в размере 11%¹. Mubadala Investment Company, суверенный фонд Абу-Даби, продемонстрировал с 2018 года среднюю пятилетнюю доходность в размере 8,5%². Данные примеры подтверждают, что такие фонды способны обеспечить высокий возврат на вложенный капитал, несмотря на то что их основной мандат – развитие экономики и промышленности.

Именно благодаря этому правительства по всему миру продолжают создавать новые SDF: в 2024 году ожидается старт операционной деятельности первых национальных фондов в таких странах, как Филиппины (Maharlika), Гонконг (HKIC), Пакистан (PSWF), республика Косово (SFRK) и Мозамбик (FSM); в то время как Ирландия, Португалия, Италия, Саравак (Малайзия) и Дубай планируют запустить новые фонды.

УСЛОВИЯ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ФОНДОВ РАЗВИТИЯ

Одним из ключевых условий для эффективной работы SDF является способность принимать самостоятельные и независимые инвестиционные решения без влияния либо указания от правительств. Хотя государство и является основным спонсором SDF, структура и модель управления фондов должна быть выстроена на принципах, характерных для классических фондов прямых инвестиций, с автономностью в принятии решений, отлаженным инвестиционным процессом и рыночной системой мотивации инвестиционных команд, что позволяет им расширять спектр потенциальных инвестиционных возможностей и фокусироваться на инвестициях только в экономически жизнеспособные проекты.

Наиболее успешные SDF привлекают сильные управленческие команды, которые привносят передовой отраслевой и инвестиционный опыт в структурирование и финансирование инвестиционных проектов, и на равных конкурируют за лучшие инвестиционные проекты с другими типами инвесторов. Это позволяет им добиваться высоких финансовых результатов, контролировать риски, и делает их привлекательными для потенциальных со-инвесторов.

Важной способностью SDF является получение прямого доступа к информации о рынках и всех доступных инвестиционных возможностях, что обеспечивается через выстраивание доверительных отношений с партнерами по проектам и прочими участниками рынка, правительственными институтами, финансовыми посредниками и консультантами на рыночных условиях. Такие фонды активно инвестируют в развитие рынка через спонсирование профильных конференций, круглых столов и научных исследований, а также стремятся устанавливать высокие стандарты профессиональной деятельности для себя и своих контрагентов. Такого рода деятельность обеспечивает постоянный рост компетенций, расширяет воронку поступающих на рассмотрение проектов, а также способствует развитию как рынков капитала, так и отдельных отраслей.

Таким образом, эффективный SDF (1) привлекает значительные средства в дополнение к имеющемуся капиталу на частных рынках, (2) достигает заявленной/ожидаемой финансовой доходности, (3) выполняет поставленные политические задачи и привлекает в дополнение к собственному частный капитал или инвестиции других суверенных и частных инвесторов, (4) эффективно и прозрачно управ-

ляет сложной системой государственных и частных отношений, составляющих основу работы SDF, и (5) делает это с ограниченным политическим вмешательством.

Важно отметить, что несмотря на значимые преимущества, которые несут в себе SDF, они не всегда являются панацеей для устранения всех структурных пробелов в экономике. В частности, SDF не способны устранить имеющиеся структурные ограничения на рынке или заменить собой неэффективное управление государственными финансами. Также отсутствие четких целей перед SDF или выстроенной системы отчетности может, наоборот, привести к усложнению государственного контроля за государственными расходами и даже финансовым рискам. Чтобы этого избежать и дать возможность SDF реализовывать свои цели в долгосрочной перспективе, следует принять ко вниманию следующие аспекты [8]:

- **Легитимность.** Государство должно быть максимально четким и открытым при определении мандата SDF, в том числе через информирование общества, политических групп и деловых кругов об их целях и задачах. Кроме того, в рамках своей операционной деятельности SDF должны придерживаться высоких стандартов прозрачности и раскрытия информации о своей деятельности, а также предоставлять детальный отчет о результатах заинтересованным государственным органам.

- **Адаптивность.** Национальные цели могут меняться на протяжении жизненного цикла SDF, что при недостаточной первоначальной проработке может усложнить их дальнейшую работу, управление и способность к изменению. Пандемия COVID-19 – хороший пример непредсказуемых изменений, из-за которых многим SDF пришлось резко изменить свои стратегии, мобилизовав необходимые ресурсы для поддержания критически важных отраслей экономики.

- **Способность привлекать капитал.** Поскольку SDF созданы в том числе для привлечения в сделки внешнего капитала, государство должно учитывать предпочтения потенциальных инвесторов как с точки зрения структуры SDF, так и его мандата. В частности, мандат SDF может позволять брать на себя непропорциональные риски для привлечения частных капиталов, либо, наоборот, обеспечивать в рамках структуры сделок требование по возвратности капитала за счет ограничения верхнего уровня доходности, что может быть важно для сглаживания результатов в долгосрочной перспективе и соответствия риск-профилю других суверенных инвесторов.

- **Соответствие рыночным требованиям.** Двойственность мандата SDF накладывает дополнительные требования на их деятельность, что требует находить баланс между обеими составляющими. В частности, чрезмерное следование целям экономической политики при одновременном снижении доходности проектов может отпугнуть со-инвесторов. И наоборот, стремление достичь только финансовой доходности может ограничить потенциальный положительный эффект для

экономики и отрезать от доступа к капиталу проекты, которые могли бы принести мультипликативный эффект для других отраслей, в частности инвестиции в инфраструктуру.

- **Эффективность и соблюдение двойного мандата.** Чтобы обеспечить эффективность SDF и соответствие их двойному мандату, правительство должно организовать внутреннее управление фондом таким образом, чтобы иметь контроль над стратегическим направлением деятельности фонда, при этом операционный контроль полностью передать профессиональной команде управляющих фондом, чтобы при правильной организации системы мотивации она могла наилучшим образом добиться поставленных результатов.

Таким образом, достижение наилучших результатов SDF зависит от многих факторов, главными из которых являются продуманные управленческие и правовые модели их функционирования, четкие цели и KPI, а также выстроенная система раскрытия информации и отчетности, что позволяет иметь возможность беспристрастно оценить и контролировать результаты работы SDF в соответствии с поставленными стратегическими задачами.

МОДЕЛИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В НЕПУБЛИЧНЫЕ СДЕЛКИ

В последние 10 лет суверенные фонды по всему миру начали менять структуру своих инвестиционных портфелей в сторону увеличения доли альтернативных классов активов, таких как прямые, венчурные и инфраструктурные инвестиции. Данная тенденция объясняется ростом объема средств под управлением, что не позволяет их инвестировать в публичные рынки без оказания давления на уровень цен, желанием получить повышенную доходность на вложенный капитал, а также ростом фондов SDF типа.

Инвестиции в непубличные активы требуют особой квалификации и опыта. Именно поэтому большинство суверенных инвесторов приходят к активным альтернативным инвестициям постепенно, начиная с вложений в традиционные фонды прямых инвестиций в роли ограниченных партнеров (LP). При такой структуре вся ответственность за финансовый результат лежит на управляющем партнере (GP), который получает комиссию за управление и часть дохода в случае успешного выхода.

С течением времени суверенные инвесторы приходят к пониманию, что такой метод инвестирования не является оптимальным по причине разных ожиданий по риску/доходности и горизонту инвестирования, высоких комиссий за управление, а также отсутствия возможности влиять на инвестиционные решения. Это ведет к увеличению количества сделок, осуществляемых такими фондами напрямую либо совместно с другими инвесторами.

Модели совместного инвестирования получают все большее распространение, и по состоянию на 2018 год менее 20% сделок осуществлялось суверенными инве-

сторонами в одиночку. Это связано как с желанием разделить риски, так и особенностью получения доступа к сделкам, и с так называемой «рыночной валидацией», когда участие других признанных инвесторов в сделке повышает ее уровень надежности в глазах членов инвестиционных комитетов.

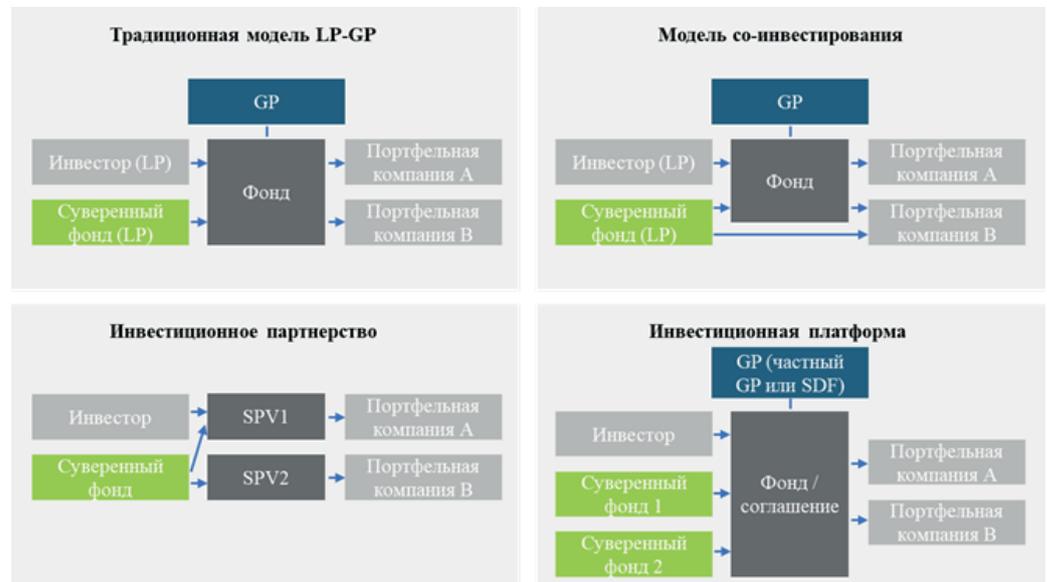

Рис. 3. Основные модели совместного участия в сделках
 Fig. 3. The main models of joint participation in transactions
 Источник: BCG [4]

Со-инвестирование – это тип сделок, при которых суверенные инвесторы финансируют отдельные проекты параллельно с фондом прямых инвестиций, в котором они выступают в качестве LP. Этот метод инвестирования дает фондам большую гибкость в построении своего портфеля, расширяет спектр доступных инвестиционных возможностей, снижает общий уровень комиссий и расходов по сделкам и обеспечивает рост внутренней экспертизы инвестиционных команд. Следуя данной модели, суверенные инвесторы вкладывают в некоторое количество частных фондов, которые позволяют им одновременно с инвестицией фонда вкладывать дополнительные средства в проекты напрямую.

Инвестиционные партнерства представляют собой сделки, реализуемые сразу несколькими инвесторами в рамках единого консорциума. Как правило, инвестиции в таких сделках структурируются с использованием специальных проектных компаний (SPV), а между участниками консорциума заключается соглашение

акционеров. При этом сами сделки носят разовый характер, и под следующий проект может формироваться новый консорциум.

Инвестирование с другими суверенными фондами также является одним из распространенных вариантов совместного инвестирования, и в отличие от моделей со-инвестирования с традиционными фондами, такие модели имеют тенденцию развиваться на основе долгосрочных отношений, а не отдельных сделок. Это происходит потому, что суверенные фонды с большей вероятностью соответствуют друг другу с точки зрения инвестиционного горизонта, убеждений, толерантности к риску и ожиданиям по профилю риска/доходности. Дополнительным плюсом является то, что при правильной организации такие модели позволяют избежать классической агентской проблемы и экономически эффективны за счет меньших комиссий за управление. Кроме того, такая модель инвестирования дает больший контроль за инвестиционным процессом, в том числе за счет возможности выбора сделок, совместного участия в анализе и структурировании, а также позволяет определять оптимальную стратегию выхода.

В рамках совместных инвестиционных моделей между суверенными фондами получили распространение так называемые *инвестиционные платформы*. Они представляют собой юридически оформленные объединения капиталов нескольких суверенных инвесторов, иногда с участием стратегических инвесторов либо частных фондов, которые позволяют через совместные фонды или иные договорные механизмы осуществлять инвестиции в рамках единого инвестиционного мандата. Платформы напоминают традиционные отношения LP-GP тем, что они подразумевают значительное делегирование полномочий одному из участников, в роли которого зачастую выступают стратегические фонды развития. Однако суверенные инвесторы в таких структурах не являются исключительно пассивными наблюдателями, как в традиционной модели LP-GP, а выступают якорными инвесторами, что подразумевает возможность их участия в формировании общей стратегии, а также позволяет в определенных ситуациях принимать решение о том, идти или не идти в конкретную сделку.

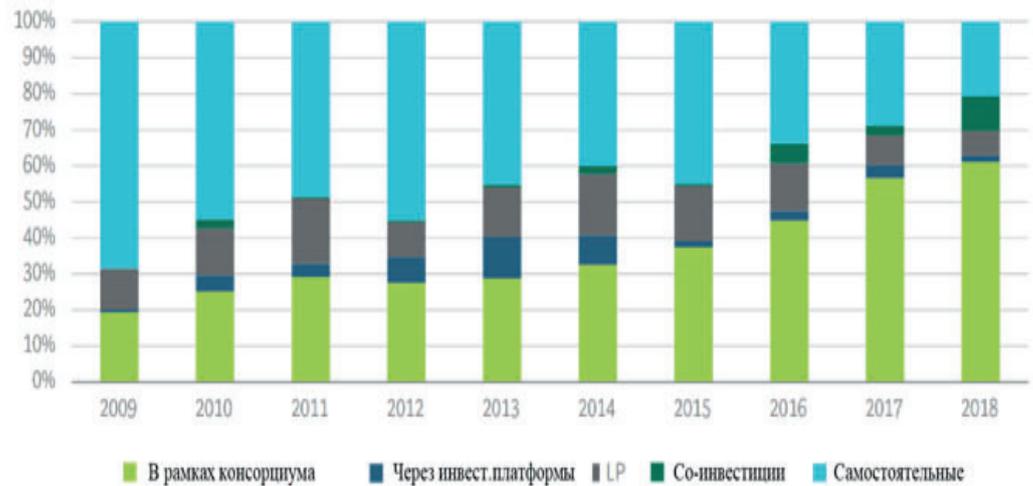

Рис. 4. Изменение структуры непубличных инвестиций суверенных инвесторов в течение времени

Fig. 4. Changes in the structure of non-public investments of sovereign investors over time

Источник: Sovereign Investment Lab, Bocconi University [4]

Инвестиционные платформы также можно разделить на три типа. Платформой первого типа являются платформы привлечения иностранных инвестиций, в которых один или несколько суверенных инвесторов через закрытый инвестиционный инструмент (фонд либо соглашение) инвестируют в конкретную страну. Примерами таких платформ является совместное предприятие Китайской инвестиционной корпорации (СІС) и французского банка BNP Paribas с французской частной инвестиционной компанией Eurazeo в качестве управляющего активами, а также Фонд промышленного сотрудничества Китая и США, созданный с привлечением Goldman Sachs в качестве GP и СІС в качестве якорного инвестора.

Второй тип платформ – это секторальные инвестиционные платформы, в которых один или несколько суверенных фондов объединяют капиталы для инвестирования в конкретный сектор, часто вместе с GP, обладающим специальными знаниями и опытом. Ярким примером является Vision Fund, собравший капитал в 100 млрд долларов США для инвестиций в крупнейшие проекты в сфере информационных технологий и новой экономики. Он привлек в качестве якорного инвестора PIF (государственный инвестиционный фонд Саудовской Аравии), обязавшегося проинвестировать в течение пяти лет до 45 миллиардов долларов, и управляется японским технологическим инвестором Softbank.

Третий тип инвестиционных платформ – это инвестиционный фонд G2G, или двухсторонние инвестиционные фонды, когда два или более суверенных фонда либо государственных организаций создают инвестиционный механизм для содействия инвестициям и развития двусторонних торговых связей. В эту категорию попадают многие межгосударственные инициативы Российского фонда прямых инвестиций (например, Российско-Китайский инвестиционный фонд), совместный фонд итальянской Cdp Equity с суверенным фондом Катара (QIA) и Кувейта (KIA).

ПРИМЕР РФПИ КАК РОЛЕВОЙ МОДЕЛИ ФОНДА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) можно считать одним из пионеров нового поколения SDF фондов. РФПИ был создан в 2011 году решением правительства России как инвестиционный фонд с капиталом в 10 млрд долл. С тех пор РФПИ выступает в качестве основного партнера и «точки входа» для доступа иностранных инвесторов к сделкам в России. Основные цели создания фонда – это привлечение иностранных инвестиций, внедрение лучших мировых технологий, а также модернизация российской экономики.

Фонд участвует в сделках в качестве якоря или со-инвестора, существенно снижая риски для иностранных партнеров. В рамках своего мандата РФПИ может вкладывать в сделку до 50% от ее объема, но привлечение иностранного капитала является ключевым условием одобрения инвестиций: целевой показатель соотношения прямых иностранных инвестиций к инвестициям РФПИ составляет 9 к 1. В связи с введением санкций против РФПИ, в декабре 2022 мандат был расширен, позволяя делать сделки также с ведущими российскими корпорациями и финансовыми институтами, в случае удовлетворения ими критериев квалификации по сумме активов либо финансовым показателям.

Благодаря такому подходу РФПИ смог сыграть важную роль в развитии инвестиционного сотрудничества между Россией и остальным миром. С 2012 года РФПИ разработал соглашения о сотрудничестве в различных секторах с более чем 20 партнерами-инвесторами из 15 стран, в первую очередь, Ближнего Востока и Азии, привлекая на сегодняшний день более 40 млрд долл. в фонды совместных инвестиций. Примерами являются партнерство с Mubadala (7 млрд долларов США, в том числе 2 млрд долларов США на прямые инвестиции и 5 млрд долларов США на инфраструктурные инвестиции), Российско-Китайский инвестиционный фонд (капитал 2 млрд долларов США), Российско-Японский инвестиционный фонд (капитал 1 млрд долларов США), инвестиционное партнерство с PIF (10 млрд долларов США), а также обязательства в рамках автоматических инвестиционных платформ с KIA (в размере 1 миллиарда долларов США) и QIA (в размере 2 миллиардов долларов США)[9].

Большинство инвестиций РФПИ осуществляет по смешанной модели, включающей как автоматических со-инвесторов и ключевых партнеров фонда, последовательно со-инвестирующих вместе с РФПИ, так и частные фонды и стратегических инвесторов, вкладывающихся только в конкретные сделки. За десять лет с момента основания, РФПИ совместно с со-инвесторами вложились в более чем 100 проектов, что обеспечило общую сумму инвестиций в экономику РФ более 2,2 трлн руб., в том числе 300 млн руб. государственные средства и 1,9 трлн руб. средства партнеров³. Всего, по данным РФПИ, фонд принял участие в 90% сделок прямых инвестиций и 60% венчурных инвестиций в России.

Подводя итог, важно отметить, что SDF становятся всё более значимым инструментом для государств, стремящихся привлечь иностранные инвестиции и стимулировать экономический рост. Выступая инвестиционными катализаторами, они оказывают необходимую финансовую поддержку перспективным проектам и компаниям, и создают благоприятные условия для привлечения иностранных и частных инвестиций в приоритетные для развития страны отрасли экономики. При их финансовом и экспертном участии реализуются крупные инфраструктурные и инновационные проекты, которые иначе могли бы не привлечь необходимого финансирования, развиваются финансовые рынки, расширяются экономические связи с другими странами. SDF способствуют повышению доверия со стороны международного бизнеса, демонстрируя устойчивость и готовность государства поддерживать экономически значимые инициативы. Таким образом, они играют ключевую роль в создании конкурентоспособной и динамичной экономики, что в долгосрочной перспективе способствует росту благосостояния страны, при этом обеспечивая достойную доходность на инвестированный капитал.

Этим объясняется рост их популярности как в мире, так и России. РФПИ стал общепризнанным примером успешно функционирующего стратегического фонда развития. Во многом именно благодаря его роли удалось заложить прочный фундамент для двухсторонних экономических связей с суверенными инвесторами с Ближнего Востока и Азии, которые продолжают развиваться несмотря на текущую геополитическую турбулентность.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ URL: <https://www.temasek.com.sg/en/news-and-resources/news-room/news/2023/temasek-review-2023-our-compass-in-a-complex-world>

² URL: <https://cdn-mubadala.azureedge.net/en/-/media/project/mubadala/mubadala-2022/home/pdf/mubadala-annual-review-2022-english.pdf>

³ URL: <https://www.rdif.ru/About/?ysclid=lrrxdlygy0162269017>

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Casady, Carter and Sharma, Rajiv and Monk, Ashby, The Keys to Sovereign Development Fund Success: Innovation, Collaboration & Commercial Focus (July 1, 2023). URL: <https://ssrn.com/abstract=4497428>
2. Clark, Peter and Monk, Ashby, Sovereign Development Funds: Designing High-Performance, Strategic Investment Institutions (September 30, 2015). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID2669816_code638380.pdf?abstractid=2667974&mirid=1
3. Divakaran, S., Halland, H., Lorenzato, G., Rose, P., & Sarmiento-Saher, S. 2022. Strategic Investment Funds: Establishment and Operations. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/37557>.
4. Global SWF, 2024 Annual report. URL: <https://globalswf.com/reports/2024annual>
5. López, Diego. (2023). SWF 3.0: How sovereign wealth funds navigated COVID-19 and changed forever. Journal of International Business Policy. 6. 1-16. 10.1057/s42214-023-00147-2. URL: https://drive.google.com/file/d/1FB55W6MPOAhN-D9GIAwhtqP98S_yP24r/view?usp=share_link
6. Sharma, Rajiv. 2017. Sovereign wealth funds investment in sustainable development sectors. In New York: United Nations High-Level Conference on Financing for Development and the Means of Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://docviewer.yandex.ru/?tm=1706121893&tld=ru&lang=en&name=Background-Paper_Sovereign-Wealth-Funds.pdf&text=Sovereign+wealth+funds+investment+in+sustainable+development+sectors.&url=https%3A//www.un.org/esa/ffd/high-level-conference-on-ffd-and-2030-agenda/wp-content/uploads/sites/4/2017/11/Background-Paper_Sovereign-Wealth-Funds.pdf&lr=213&mime=pdf&110n=ru&sign=fa325795e1b75b6634f66c63d14b7843&keyno=0
7. Sovereign Investors 2020. A growing force / J.C. Muysken, M. Thomas, C. Cornwee and other // Pwc publications // - 2020. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/%20sovereign-wealth-investment-funds/publications/assets/sovereign-investors-2020.pdf>
8. The Rise of Collaborative Investing: Sovereign Wealth Funds' New Strategies in Private Markets / B. Bortolotti, M. Massi, A. Scortecci, G. Loss, N. Trajkov // A joint SIL-BCG Report / Boston Consulting Group, inc. 2019. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/%20sovereign-wealth-investment-funds/publications/assets/sovereign-investors-2020.pdf>
9. Годовой отчет РФПИ за 2018 год @@ Godovoj otchet RFPI za 2018 god. URL: <https://www.rdif.ru/image/RDIF%2031495%20Annual%20Review%202018%20Russian%20web.pdf?ysclid=lrs4wq1ya6680897138>

Прогнозирование загруженности пунктов пропуска через границу Российской Федерации

Дмитрий Сергеевич ГОРДЕЕВ,
Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А),
научный сотрудник Института международ-
ной экономики и финансов,
e-mail: kolbasnoi@mail.ru

УДК:656; ББК:39; Jel:E27
DOI: 10.24412/2072-8042-2025-1-82-91

Татьяна Александровна БАКВЕНЬЕ,
Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А),
заместитель директора Института
международной экономики и финансов
e-mail: tatianabakwenye@yahoo.com

Аннотация

Прогнозирование загруженности пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации помогает снизить риски, связанные с избыточной или недостаточной их загрузкой. Для анализа сформирован модельный комплекс, а также алгоритм расчета загруженности пунктов пропуска. Данная система обеспечивает мониторинг и прогнозирование, нацеленные на оптимизацию пропускной способности пунктов пропуска на границе в условиях меняющейся внешнеэкономической ситуации. Это позволяет государственным органам принимать научно обоснованные решения о поддержке, реконструкции и развитии инфраструктуры на Государственной границе страны.

Ключевые слова: пункты пропуска, прогноз, мониторинг, пропускная способность, алгоритм, модельный комплекс, Государственная граница, внешняя торговля

Forecasting the Traffic at Border Checkpoints on the Border of the Russian Federation

Dmitriy Sergeevich GORDEEV,
Russian Foreign Trade Academy (119285, Moscow, Vorob'evskoe shosse, 6A), Senior Researcher,
Institute for International Economics and Finance, e-mail: kolbasnoi@mail.ru

Tatiana Aleksandrovna BAKWENYE,
Russian Foreign Trade Academy (119285, Moscow, Vorob'evskoe shosse, 6A), Deputy Head of the
Institute, Institute for International Economics and Finance, e-mail: tatianabakwenye@yahoo.com

Abstract

Forecasting the traffic at border checkpoints on the state border of the Russian Federation helps mitigate risks associated with both excessive and insufficient workload. A modeling framework and an algorithm for calculating checkpoint congestion have been developed for the anal-

ysis. The system enables monitoring and forecasting aimed at optimizing the capacity of border checkpoints under the changing international business environment. This allows government authorities to make science-based decisions regarding the maintenance, reconstruction, and development of infrastructure along the state border.

Keywords: checkpoints, forecast, monitoring, capacity, algorithm, modeling framework, state border, foreign trade.

Прогнозирование загруженности пунктов пропуска на Государственной границе Российской Федерации позволяет минимизировать риски, связанные как с их избыточной, так и с недостаточной загрузкой. Комплексный анализ текущего состояния и прогнозных показателей загруженности пограничных пунктов в зависимости от динамики внешнеторговых потоков и приоритетных направлений экономического развития Российской Федерации, а также с учетом изменений международной торговой конъюнктуры и антироссийских санкций, введенных недружественными странами, формирует основу для обоснованного принятия решений государственными органами. Эти решения касаются как поддержки, так и реконструкции, и дальнейшего развития инфраструктуры пограничных пунктов.

Географическое расположение пунктов пропуска оказывает существенное влияние на объемы и маршруты торговых потоков¹. Понимание того, под влиянием каких факторов и как реализуется маршрутизация торговых потоков, в том числе через пункты пропуска на Государственной границе, имеет ключевое значение для выстраивания эффективной политики, выявления и устранения инфраструктурных ограничений, что способствует оптимизации транспортных потоков².

Тем не менее, система государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации и ЕАЭС не предусматривает возможность сбора и формирования статистической информации о перемещении грузопотоков через пункты пропуска через Государственную границу Российской Федерации. Имеющаяся статистика внешней торговли содержит информацию о внешнеторговых операциях только на уровне таможенных постов без указания пунктов пропуска.

Для реализации задач по прогнозированию загруженности пунктов пропуска был разработан специализированный модельный комплекс. Он включает совокупность математических и эконометрических моделей и интегрированную систему алгоритмов для расчета показателей загруженности пограничных пунктов Российской Федерации. Этот комплекс предоставляет научно обоснованный инструмент для прогнозирования и мониторинга загруженности, что позволяет своевременно реагировать на изменения внешнеэкономической ситуации и оптимизировать пропускную способность границы в соответствии с актуальными потребностями.

Рассмотрим общую схему работы модельного комплекса.

Общий вид модельного комплекса может быть представлен в виде блок-схемы на рисунке 1.

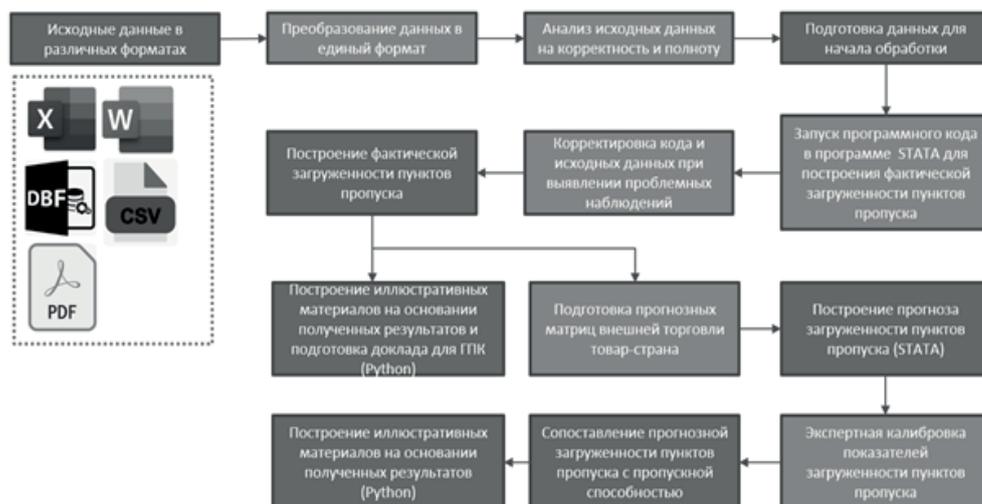

Рис. 1 – Блок-схема модельного комплекса для оценки и анализа прогнозируемой загрузки пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации

Fig. 1 The diagram of a model complex for assessing and analyzing the projected congestion at checkpoints across the State border of the Russian Federation.

Источник: составлено авторами

На данной схеме представлен процесс обработки и анализа данных для прогнозирования загрузки пунктов пропуска на Государственной границе Российской Федерации. Исходные данные поступают в различных форматах, включая Excel, Word, DBF, CSV и PDF, что требует их предварительного преобразования в единый, согласованный формат для дальнейшего анализа. После этого данные проходят проверку на корректность и полноту, чтобы исключить возможные ошибки и пробелы, которые могут повлиять на точность прогнозов.

1. Описание процедуры очистки исходных данных и подготовки для формирования прогноза загрузки пунктов пропуска

Одним из наиболее важных этапов перед построением прогноза загрузки пунктов пропуска является очистка и подготовка баз данных³. Для расчета фактической и прогнозной загрузки пунктов пропуска используются данные об импорте и экспорте грузов, международному транзиту, перемещении транспортных средств и физических лиц, предоставленные органами государственной власти.

Исходные статистические данные для проведения анализа представлены из различных источников и в различных форматах. Каждая переменная (идентификатор характеристики столбца) имеет название, которое служит для её идентификации. Однако помимо различных форматов, в зависимости от источника данных одна и та же переменная может иметь разные наименования несмотря на то, что она отражает идентичную характеристику внешнеторговой перевозки.

Для формирования единой базы данных, объединяющей разнородные и несогласованные источники, требуется выполнить комплекс мероприятий, направленных на стандартизацию, унификацию и интеграцию данных. В первую очередь необходимо собрать информацию из всех указанных баз, учитывая дополнительные источники данных, если они содержат информацию, релевантную для анализа.

Основным этапом работы становится унификация наименований переменных. Требуется разработать единый словарь переменных, в котором каждому понятию соответствует стандартизированное название. Такие преобразования позволяют устранить различия в названиях, включая случаи, когда переменные отличаются только регистром символов или дополнительными сокращениями. Это обеспечивает единообразие и понятность структуры данных для последующего анализа.

Данные из разных источников могут быть противоречивыми или дублировать друг друга. Для устранения таких несоответствий проводится сверка и верификация информации. В случае расхождений между базами данных приоритет отдается наиболее надежному источнику, например данным Федеральной таможенной службы России. Дубликаты записей удаляются, а несоответствия устраняются с использованием логических проверок, таких как сопоставление дат и пунктов пропуска.

Интеграция данных осуществляется путем объединения всех подготовленных источников в единую структуру. Такая база должна быть организована так, чтобы каждая запись представляла собой уникальную операцию транзита или перевозки, а переменные были приведены к унифицированным и стандартизированным форматам. Ключевые переменные, такие как идентификаторы грузов, транспортных средств или даты операций, используются для связи между различными источниками данных, обеспечивая их интеграцию.

После завершения процесса стандартизации и интеграции проводится верификация базы данных. Проверяется полнота, согласованность и корректность полученной информации. Любые пропуски, аномалии или несоответствия выявляются и устраняются.

Таким образом, созданная единая база данных становится согласованным и стандартизированным инструментом для дальнейшего анализа, обеспечивая высокую точность расчетов и прогнозов, а также прозрачность и воспроизводимость результатов исследования.

Итоговые базы данных по фактическому ввозу и вывозу грузов содержат в себе следующий набор переменных, характеризующих внешнеторговую перевозку:

- месяц импорта/экспорта груза;
- код таможенного поста, в котором была проведена таможенная очистка груза;
- страна отправления/назначения при ввозе и вывозе груза;
- код ТН-ВЭД груза (4 и 10 знаков);

маршрутов и распределения транспортных потоков в зависимости от характеристик таможенных операций.

Данные, анализируются с учетом уникальности кодов таможенных органов. Для уникальных кодов проводится проверка соответствия фактическим перемещениям, виду транспорта и функциональному назначению таможенных пунктов. Отметим, что часто в базе присутствуют коды, которые использовались ранее и остались по ошибке (в том числе заполнителя таможенной декларации). В случае неуникальных кодов используется аналогичное сопоставление, однако для устранения неоднозначностей применяется пропорциональное распределение данных на основе статистики, предоставленной государственными органами.

Ключевой этап процесса связан с распределением данных в зависимости от видов транспорта, использованных для перемещения грузов. Если в процессе наблюдения обнаруживаются расхождения, распределение транспортных потоков корректируется с использованием пропорциональных методов, основанных на вспомогательной статистике. Такой подход позволяет обеспечить согласованность и корректность данных, поступающих на дальнейшие этапы анализа.

На этапе восстановления маршрута перемещения груза внимание используется данным о внутреннем таможенном транзите. Это позволяет уточнить полную цепочку транспортировки. Результаты анализа представляются в виде таблицы, которая включает сведения о годах, кодах стран, видах транспорта и объемах перевозок. Данный формат обеспечивает структурированное представление данных и возможность их последующего детального анализа.

2. Проблемы прогнозирования в условиях неполноты данных

Для построения прогноза загруженности пунктов пропуска используется большой пласт описанных выше данных, тем не менее нельзя не отметить, что исходные данные зачастую имеют ошибки, которые потенциально приводят к значительным допущениям и неточности при построении прогноза.

Проблемы, возникающие при построении прогноза на основе данных, содержащих пропуски, ошибки, неточности или несогласованность между различными источниками, представляют собой значительный вызов для проведения качественного анализа и разработки прогноза. Эти трудности оказывают существенное влияние на точность и надежность прогнозов, требуя разработки и применения специальных подходов для их минимизации.

1. Неполнота данных

Одной из наиболее распространенных проблем является наличие пропущенных значений в базах данных. Пропуски снижают качество моделей, ограничивая применение многих эконометрических методов, требующих полной выборки. Восстановление недостающих данных методами интерполяции, экстраполяции или другими алгоритмами может привести к включению в рассмотрение наблюдений, не отражающих действительность, что увеличивает степень неопределенности в

прогнозах. Это, в свою очередь, снижает доверие к результатам и ограничивает их практическое применение.

2. Ошибки и неточности в данных

Ошибочные значения, включая выбросы и несоответствия, искажают интерпретацию основных тенденций. Например, некорректные данные об объемах торговли могут привести к неправильным выводам о динамике экспорта и импорта. Эконометрические модели, чувствительные к выбросам, могут выдавать неверные параметры, существенно влияя на прогнозные значения. Выявление и исправление таких ошибок представляет собой сложную задачу, особенно в условиях больших объемов данных.

3. Несогласованность данных между источниками

Несогласованность между данными, полученными из различных источников, является еще одной значимой проблемой. Конфликтующие значения ключевых показателей, таких как объемы внешней торговли, затрудняют выбор эталонных данных. Методологические различия, используемые разными источниками, дополнительно усложняют процесс унификации информации. Проблемы также возникают при агрегировании данных, особенно если они различаются по форматам, классификациям товаров или временным периодам.

Наличие ошибок и несоответствий в исходных данных приводит к накоплению искажений на каждом этапе моделирования, что значительно снижает качество прогнозов. Это делает результаты трудными для интерпретации и менее надежными для принятия стратегических решений.

Процесс проверки, исправления и согласования данных является чрезвычайно трудоемким. Он требует значительных временных и ресурсных затрат, что замедляет разработку прогностических моделей. Дополнительные сложности возникают в условиях отсутствия оперативного доступа к обновленным и точным данным, особенно в быстро меняющейся экономической среде.

Расхождения также наблюдаются и при сопоставлении статистических данных, которые предоставляются ведомствами и организациями. Названия пунктов пропуска могут быть написаны в разных форматах (любой отличающийся символ приводит к тому, что исполнение программного кода будет приостановлено), отличаться по написанию, что приводит к необходимости приведения всех баз данных к единому формату. Наблюдаются различия в классификаторах, которые характеризуют принадлежность пунктов пропуска к международному транспортному коридору.

Имеющиеся расхождения могут приводить к ошибкам и неточностям в прогнозах и фактических данных. Для решения этих проблем проводится глобальная работа по улучшению мер предупреждения ошибок, используется обширный методологический аппарат, который позволяет вылавливать и чистить исходные данные минимизируя ошибки и включает в себя большой пласт ручной работы

экспертов. Так, например, удалось улучшить качество формирования базы данных фактической загруженности, снизив долю неопределённых наблюдений с 1% до 0,2% (в физическом выражении).

Отметим, что в качестве превентивной меры, которая может быть предпринята для снижения ошибок и минимизации времени подготовки данных для дальнейшего прогнозирования: предлагается стандартизация форматов и поддержание единого устоявшегося формата для данных из разных источников. Такой подход позволит оптимизировать процессы обработки данных и формирование единой структуры, что, в конечном итоге, приведет к снижению числа ошибок на уровне предобработки и сокращению времени, необходимого, для подготовки данных к прогнозированию. Ярким примером таких несоответствий является различие в названиях переменных или предоставление данных, которые отражают одну и ту же сущность, но имеют разные источники предоставления. Данные предоставлялись несколько раз в течении года, в том числе в различных форматах (dbf, excel), однако несмотря на то, что данные должны отражать одни и те же потоки, зачастую отдельные наблюдения не бьются между собой, более того, данные из одного источника не содержат информации о стране назначения экспорта, в то время как данные из другого источника содержат, но не содержат данных по внешней границе ЕАЭС, что приводит к необходимости фактически полного переписывания программного кода совмещению отдельных кусков данных из разных источников, и в значительной мере усложняет работу по подготовке данных. Что еще более усложняется тем, что формат может быть разный и приходится заново писать код для его первичной обработки.

3. Методология формирования прогноза загруженности пунктов пропуска

Построение прогноза загруженности пунктов пропуска основывается на наиболее актуальных данных о фактической загруженности пунктов пропуска, на которые накладываются темпы роста в соответствии с прогнозом внешней торговли⁴ в разрезе страны назначения\отправления и вида товара.

Если раньше прогноз загруженности пунктов пропуска строился на основе социально-экономического прогноза Минэкономразвития⁵, который предлагал темпы роста лишь по агрегированным отраслям, то теперь формирование прогноза носит детальный характер, который учитывает как особенности отдельных товарных позиций, так и прогноз относительно развития торговли с отдельными странами.

Процесс построения прогноза основан на последовательном применении темпов роста к соответствующим торговым позициям, которые выделены в модели. Однако, поскольку прогнозирование внешнеторговых потоков и их распределения по пунктам пропуска базируется на различных источниках данных, часто возникают несоответствия, и некоторые позиции в этих базах данных могут не пересекаться.

В таких случаях применяется метод агрегации данных, при котором расчеты переходят от более детализированного уровня к менее детализированному. Например, если для торговли между Россией и Узбекистаном отсутствуют данные по условной 6-значной товарной позиции (например, XXXXXX), но такие данные имеются в статистике по пунктам пропуска, то темп роста для данной позиции рассчитывается на уровне 4-значного кода ТН ВЭД (XXXX) для данной пары стран. Этот алгоритм повторяется до тех пор, пока для каждой позиции не будет определён темп роста.

Качество исходных данных играет критически важную роль в этом процессе. В ряде случаев, как описано выше, в исходных данных отсутствуют значения в поле «страна назначения». В таких ситуациях приходится использовать средние темпы роста для соответствующего товара, что может значительно снижать точность прогнозных значений. Эти ошибки могли бы быть устранены при условии наличия полной статистики по странам назначения.

Стоит отдельно отметить, что статистика, используемая для формирования как фактического, так и прогнозного распределения товарных потоков через пункты пропуска, не включает сведения о торговле со странами ЕАЭС и о транспортировке товаров по трубопроводам. В результате такие позиции исключаются из прогнозной базы данных торговли.

Вместе с тем, в статистике Казахстана содержатся данные о числе транспортных средств, пересекающих границу Россия-Казахстан, что позволяет оценить загрузженность пунктов пропуска на этом участке границы. Для этого используется метод пропорциональной оценки, основанный на данных о средней загрузженности одного транспортного средства на конкретном пункте пропуска. На основе этой информации формируется оценка загрузженности, к которой затем пропорционально добавляются данные о фактическом экспорте-импорте для всех товарных позиций, кроме тех, что перевозятся по трубопроводам.

На следующем этапе прогнозируется загрузженность пунктов пропуска транспортными средствами. Этот прогноз строится на основе пропорционального роста, рассчитанного с учётом текущей загрузженности товаров через соответствующий пункт пропуска. Такой подход позволяет учесть динамику торговых потоков и обеспечить более точное распределение транспортной нагрузки.

В рамках текущего исследования инкорпорированы новые статистические данные, что позволило повысить качество распределения данных по пунктам пропуска. Это обеспечило более точное отражение реальных транспортных и торговых потоков, что особенно важно в условиях динамично изменяющейся внешнеэкономической среды.

Кроме того, модельный комплекс и методология прогнозирования продолжают совершенствоваться. Внедряются новые алгоритмы обработки данных и более эффективные подходы к учёту различий в исходных статистических базах. Этот про-

цесс направлен на повышение точности прогнозов и их адаптивности, что создаёт условия для формирования надежной аналитической платформы для поддержки решений в области управления транспортной инфраструктурой и внешнеторговыми потоками.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Подробнее см. Каукин, А. Идрисов, Г. Гравитационная модель внешней торговли России: случай большой по площади страны с протяженной границей. Экономическая политика, (4), 2013, сс.133-154

² Подробнее см. Каукин, А. Теоретические аспекты формирования пространственного распределения торговых потоков (пространственная гравитационная модель внешней торговли). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. - М. Институт им. Е.Т. Гайдара. 2013 г. URL: kaukin@iep.ru

³ В связи с конфиденциальностью данных указать источники и результаты статистического анализа представить не представляется возможным.

⁴ Для построения прогноза загруженности пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации используется долгосрочный прогноз внешней торговли, разработанный Всероссийской академией внешней торговли (ВАВТ) для Министерства экономического развития.

⁵ Прогноз социально-экономического развития Минэкономразвития России. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/

БИБЛИОГРАФИЯ:

Каукин, А. Идрисов, Г. Гравитационная модель внешней торговли России: случай большой по площади страны с протяженной границей. Экономическая политика, 2013, №4, сс.133-154 @@ Kaukin, A. Idrisov, G. Gravitacionnaya model` vneshnej trgovli Rossii: sluchaj bol`shoj po ploshhadi strany` s protyazhennoj granicej. E`konomicheskaya politika, 2013, №4, ss.133-154.

Каукин, А. 2013. Теоретические аспекты формирования пространственного распределения торговых потоков (пространственная гравитационная модель внешней торговли). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. - М. Институт им. Е.Т. Гайдара, 2013 г. @@ Kaukin, A. 2013. Teoreticheskie aspekty` formirovaniya prostranstvennogo raspredeleniya trgovy`x potokov (prostranstvennaya gravitacionnaya model` vneshnej trgovli). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata e`konomicheskix nauk. - M. Institut im. E.T. Gajdara, 2013 g. URL: kaukin@iep.ru

Прогноз социально-экономического развития Минэкономразвития России @@ Prognoz social`no-e`konomicheskogo razvitiya Mine`konomrazvitiya Rossii. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/

Импортозамещение в автомобильной промышленности: исторический обзор

Антон Владиславович ГАЛЕЕВ,
кандидат экономических наук, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(109028, Москва, Покровский б-р, 11),
старший преподаватель,
Email: agaleev@hse.ru

УДК:338.45:629.33; ББК:65.304; Jel:E23
DOI: 10.24412/2072-8042-2025-1-92-109

Екатерина Андреевна ГАЛЕЕВА,
Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А),
научный сотрудник, Институт экономической
политики имени Е.Т. Гайдара - аналитик,
Email: galeeva-ea@ranepa.ru

Аннотация

Данная работа посвящена анализу политики импортозамещения, ее эволюции и применению в различных странах с акцентом на автомобильную промышленность. Приведен исторический обзор концепции импортозамещения, ее развития и адаптации. Особое внимание уделено успешным кейсам Китая, Южной Кореи и Индии, а также историческому и современному опыту СССР и России в области автомобилестроения. В заключении представлены риски реализации политики импортозамещения. Работа акцентирует внимание на необходимости перехода от протекционизма к экспортно-ориентированной модели импортозамещения для достижения устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: импортозамещение, девелопментализм, протекционизм, автомобильная промышленность, исторический обзор.

Import Substitution in Automotive Industry: a Historical Review

Anton Vladislavovich GALEEV,
Candidate of Sciences in Economics, HSE University
(109028, Moscow, 11 Pokrovsky Bulvar), Senior Lecturer, Email: agaleev@hse.ru

Ekaterina Andreevna GALEEVA,
Russian Foreign Trade Academy (119285, Moscow, 6A Vorobiyovskoye Highway) -
Researcher; Gaidar Institute for Economic Policy - Analyst, Email: galeeva-ea@ranepa.ru

Abstract

This paper analyzes import substitution policies, their evolution, and implementation in various countries, with a focus on the automotive industry. The research provides a historical overview of the concept of import substitution, tracing its origins, development and adaptation. We provide an overview of successful cases in China, South Korea, and India, as well as the historical

and modern experiences of the USSR and Russia in the automotive sector. The paper concludes by outlining the risks associated with implementing import substitution policies. We emphasize the importance of transitioning from protectionist measures to an export-oriented model of import substitution to achieve sustainable economic growth.

Keywords: import substitution, developmentalism, protectionism, automotive industry, historical review.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения экономической активности вследствие вызовов начала 2020-х гг. привели к трансформации структуры российского автомобильного рынка. Пандемия COVID-19 и введение санкций со стороны недружественных стран после начала Специальной военной операции (СВО) негативно отразились на стороне предложения. Так, в марте 2022 г. США, Евросоюз и Япония запретили экспорт в Россию автомобилей, в октябре 2022 г. Норвегия, а в январе 2023 г. Евросоюз также ограничили ввоз из России транспортных средств. Кроме того, недружественные государства наложили эмбарго на материалы и комплектующие, используемые в автомобильной промышленности.

С одной стороны, анализируя динамику отечественного автомобильного парка с начала 2019 по начало 2024 г., можно выделить следующие тенденции (Автостат, 2024). Во-первых, парк автомобилей в России вырос на 6,5% (на 2,83 миллиона ед.). Во-вторых, количество старых автомобилей на дорогах значительно возросло: число автомобилей старше 10 лет увеличилось на 10,9% (на 6,68 миллиона ед.). В-третьих, число новых машин (возрастом до трех лет) сократилось на 2,8% в общей структуре отечественного автопарка (на 1,06 миллиона ед.). В-четвертых, доля отечественных автомобилей снизилась на 5%.

С другой стороны, анализ динамики продаж новых легковых автомобилей свидетельствует об аналогичных изменениях. Сравнительно стабильный уровень продаж новых автомобилей с 2014 г. показал резкое снижение с началом СВО в начале 2022 г. в связи с введением антироссийских санкций. Наиболее остро проблема зависимости отечественных предприятий автомобильной промышленности от иностранной продукции ощущалась в 2022 г.: так, в марте почти все автомобильные заводы в России приостановили свою работу в связи с санкционными ограничениями или нехваткой комплектующих в результате разрыва логистических цепочек, а общее количество произведенных автомобилей сократился на 67% по сравнению с 2021 г.¹ Однако к 2024 г. ситуация значительно улучшилась. Так, в июне 2024 г. продажи выросли на 15% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Причины подобного роста можно выделить как на микроуровне (уровне производителей и потребителей), так и на макроуровне (уровне государственного регулирования).

Анализ динамики на микроуровне позволяет выделить следующие причины стабилизации отечественного автомобильного рынка. Во-первых, китайские автопроизводители начали активно заполнять образовавшуюся нишу на российском рынке, что позволило нивелировать последствия шока предложения вследствие введения санкционных ограничений.² Во-вторых, снижение процентных ставок по автокредитам и гибкие условия рассрочки сделали новые автомобили более доступными для широкого круга покупателей.³ В-третьих, положительные тенденции на рынке поддерживаются активной маркетинговой деятельностью автодилеров и улучшением логистики.⁴

В то же время, реакцией Правительства РФ на санкционное давление стал ряд мер, направленных на стабилизацию рынка и поддержку отечественных производителей. Во-первых, постановление Правительства РФ №855 от 12 мая 2022 г. «Об утверждении применения обязательных требований в отношении отдельных колесных транспортных средств и проведения оценки их соответствия» позволило автопроизводителям, работающим на территории РФ, отказаться от использования современных (как правило импортируемых) компонентов и придерживаться упрощенных производственных стандартов.⁵ Во-вторых, федеральным законом от 28.06.2022 № 213-ФЗ был легализован параллельный импорт, позволяющий ввоз транспортных средств в обход разрешения правообладателя (владельца бренда). В-третьих, постановлением от 15.07.2022 № 1269 Правительство РФ упростило правила ввоза автомобилей в Россию, отменив обязательную сертификацию транспортного средства.

Несмотря на то что описанные меры позволили преодолеть дефицит на автомобильном рынке в краткосрочной перспективе, обеспечение стабильного роста автомобильного рынка в долгосрочной перспективе требует разработки фундаментального подхода в целом (Мельник Д.В., 2016) и к развитию автомобильной промышленности в частности. Так, среди целей, заявленных в Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 г., следует подчеркнуть «удовлетворение потребности российского рынка в высоколокализованной продукции», «обеспечение технологического суверенитета» и «обеспечение конкурентоспособности на мировом рынке с возможностью экспорта современных технологий».⁶ Одной из возможных мер, направленных на выполнение данных целей, может быть политика импортозамещения.

Целью данной работы является обзорный анализ исторических примеров проведения политики импортозамещения. Следует отметить приоритет и преимущества исторического подхода при разработке стратегий экономического развития: в отличие от компаративистских исследований и построения абстрактных теоретических моделей исторический анализ позволяет подчеркнуть уникальные исторические обстоятельства, оказавшие влияние на эффективность проводимой политики (Smith T., 1985).

Статья имеет следующую структуру: во втором разделе кратко раскрыто понятие политики импортозамещения, приводится контекст его формирования и эволюция, в третьем разделе представлен анализ исторического опыта стран, успешно проводивших политику импортозамещения в автомобильной промышленности (Китая, Кореи и Индии), в третьем – обзор отечественного опыта, в четвертом – анализ рисков, связанных с реализацией политики импортозамещения, и выводы.

ИСТОРИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Импортозамещение представляет собой одно из направлений политики протекционизма, которое впервые сформировалось в рамках меркантилистской доктрины (Johnson H.G., 1974). Следует отметить, что несмотря на традиционное противопоставление протекционизма и экономического либерализма, воплощенного в политике государственного невмешательства, наиболее развитые страны, которые принято ассоциировать с поддержкой принципа *laissez faire*, достигли ведущих позиций в мировой экономике, во многом благодаря реализации меркантилистских принципов. Так, США, Германия и Великобритания агрессивно использовали меры защиты отечественного производства в период активного экономического развития (Ahmad J., 1978; Ha-Joon C., 2012). Обоснование политики протекционизма присутствует и в академической науке; действительно, еще Адам Смит, один из первых защитников свободного рынка, отмечал необходимость применения протекционистской политики в целях национальной безопасности (Coulomb F., 1998). В этом смысле импортозамещение представляет лишь один из инструментов более широкого подхода к экономической политике. В литературе широко освещаются исторические примеры импортозамещения в периоды индустриализации, в том числе и в странах Старого Света (de Jonge J.A., 1971; Phillips R.C.M., Buyst E., 2020), и в Советском Союзе (Шестаков Д.Е., 2014; Гордеев А.А., 2014).

Тем не менее зарождение политики импортозамещения как отдельного рецепта экономического развития традиционно принято относить к периоду 1950-х гг. и политике стран Латинской Америки. Послевоенным экономикам были свойственны значительные структурные дисбалансы: большинство производственных мощностей были перенаправлены из потребительского сектора на обслуживание военно-промышленного комплекса и оборонных нужд (Crafts N., Toniolo G., 1996). Существенный дефицит потребительских товаров, в свою очередь, привел к неконтролируемому росту цен на продукты первой необходимости и общего уровня цен; аналогичный рост цен наблюдался и на рынке сырья (Bloch H., Sapsford D. 1991). Ответом на вызовы послевоенного времени стала доктрина девелопментализма, которая заключалась в наращивании промышленного потенциала, индустриализации и сокращении доли импорта в экономике (Prebish R., 1959).

Упрощенное современное понимание импортозамещения как экономической политики зачастую предполагает тезис о замещении всей импортной продукции

отечественной. Тем не менее разработчики доктрины девелопментализма (например Рауль Пребиш) подчеркивали новизну подхода и его отличия от существующих (Prebish R., 1950; Myrdal G., 1956). Так, во-первых, отмечается, что политика импортозамещения подразумевает изменение состава импортной продукции, а не сокращения общего объема. В частности, в послевоенный период это означало отказ от импорта потребительских товаров в пользу капитальных благ (Diaz-Alejandro C.F., 1965). Во-вторых, принципы девелопментализма отнюдь не накладывают дополнительные ограничения на экспорт, напротив, увеличение экспортных валютных поступлений позволит, в свою очередь, соответственно увеличивать объем импорта.

В результате применения идей девелопментализма и импортозамещения на практике ряд латиноамериканских стран действительно продемонстрировал существенный экономический рост. Во-первых, Бразилии во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. удалось зафиксировать значительный рост экономики. Действительно, правительство президента Жуселину Кубичеке (1956-1961) в рамках реализации «План де Метас» (План целей) особое внимание уделило развитию инфраструктурных и промышленных проектов (например, строительство новой столицы Бразилиа) (Tavares, M.D.C., 2016). Во-вторых, следует отметить и «Мексиканское чудо» 1940-х – 1970-х гг., которое ознаменовалось быстрым промышленным ростом и урбанизацией (Ramirez M.D., 1986). В-третьих, в Аргентине правительство Хуана Перона (1946–1955) делало упор на индустриализацию и социальное обеспечение при реализации стратегии экономического развития (Belini C., 2012).

Тем не менее, уже к середине 1960-х годов как в академических, так и политических кругах стали появляться мнения о том, что возможности импортозамещения уже (или будут в ближайшее время) исчерпаны, а темпы экономического роста должны существенно замедлиться; высказывались сомнения в успешности и универсальности девелопменталистской доктрины (Wallerstein I., 2005). Сравнительные эмпирические исследования не дали возможности однозначно оценить результаты применения политики импортозамещения. С одной стороны, в литературе отмечалось, что страны Латинской Америки достигли гораздо меньших результатов в реализации политики импортозамещения, чем могли бы достичь при рациональной политике, разумно сочетающей импортозамещение с промышленным экспортом (Prebish, 2016). С другой стороны, реализация политики импортозамещения в Пакистане (Power J.H., 1963), Малайзии (Huat C.B., 2005), Турции (Keyder C., Ghai D., 1995) привела скорее к негативным последствиям. Во-первых, защита отечественной промышленности в течение долгого периода не привела к существенному росту международной конкурентоспособности, а, наоборот, повлекла ослабление конкуренции и падение производительности на отечественных предприятиях. Во-вторых, бесконтрольное привлечение инвестиций привело к тому, что капитальные блага выделялись в том числе и для мелких нерентабель-

ных и неэффективных производств потребительского сектора. В целом, превратное понимание принципов импортозамещения и девелопментализма привело к неоптимальному распределению ресурсов и торможению экономического развития.

Пик кризиса популярности девелопментализма и политики импортозамещения пришелся на 1970-е гг. (Singer A., 2017), и уже к рубежу веков в вопросе экономического развития сформировался альтернативный консенсус, основанный на либеральной экономической доктрине (Ананьин О.И., Хаиткулов Р.Г., Шестаков Д.Е., 2010). Однако мировой финансовый кризис 2008 г. с одной стороны и неудовлетворительные результаты применения неолиберальной доктрины на практике – с другой привели к возрождению интереса к идеям девелопментализма даже в тех государствах, где изначально политика импортозамещения не привела к предполагаемым высоким темпам роста (например, в странах Латинской Америки) (Wylde C., 2012).

Таким образом, в современной литературе принято выделять и вторую глобальную волну политики импортозамещения (Кузьминов Я.И. и др., 2023). С одной стороны, конкретные меры экономической политики в рамках первой и второй волн импортозамещения крайне схожи и включают усиление контроля соблюдения торговых соглашений и предоставление дополнительной финансовой защиты отечественных компаний (в том числе введение налоговых льгот, вычетов и кредитов). С другой стороны, ключевым процессом в рамках второй волны стал «решоринг» (или «бэкшоринг») – процесс обратный «офшорингу», подразумевающий перемещение производства из стран с более низкими издержками обратно в отечественные территории (Кондратьев В.Б., 2017). Обобщая причины решоринга, можно заключить, что популярность политики в развивающихся странах была обусловлена существенными рисками, связанными с геополитической обстановкой, экономической безопасностью и общей тенденцией на увеличение барьеров во внешней торговле (Шаховская Л.С., Матковская Я.С., 2014). Следует также отметить, что курс на решоринг наблюдается и на сегодняшний день, в том числе в силу последствий пандемии COVID-19 (Симачев Ю., Федюнина А., Юревич М., 2023).

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ОПЫТ КИТАЯ, КОРЕИ И ИНДИИ

В рамках данной работы представлен обзор наиболее ярких кейсов из автомобильной промышленности: Китая, Кореи и Индии.

При проведении импортозамещения в автомобилестроении Китай предпринял следующие конкретные меры экономической политики (Jia-Zheng Y., Broggi S.B., 2023). Во-первых, создание совместных предприятий китайских компаний и иностранных автопроизводителей стало одной из ключевых стратегий импортозамещения в автомобильной промышленности. Подобные производства были организованы на условиях равного долевого участия сторон и освобождались от уплаты целого ряда налогов на срок до 5 лет (Парцвания В.Р., 2022). Это позволило

Китаю приобрести технологии и опыт, одновременно ограничив прямой импорт иностранных автомобилей. Яркими примерами являются партнерские отношения таких компаний, как FAW, Dongfeng и SAIC, с такими мировыми гигантами, как Volkswagen, General Motors и Toyota.

Во-вторых, правительство Китая установило жесткие требования по производству и использованию отечественных компонентов при сборке автомобилей. Это значительно способствовало развитию местной цепочки поставок и снижению зависимости от импортных запчастей.

В-третьих, были введены как высокие пошлины на импортируемые автомобили, достигавшие в отдельные периоды 250%, так и ежегодные квоты на их ввоз. В результате иномарки стали более дорогими и менее конкурентоспособными по сравнению с автомобилями отечественного производства, что создало благоприятную среду для роста местных производителей.

В-четвертых, в противовес высоким тарифам и импортным квотам, китайское правительство предоставляло существенные субсидии как отечественным автопроизводителям, что позволяло увеличивать производственные мощности и повышать эффективность производства, так и покупателям продукции китайского автопрома.

К настоящему времени политика импортозамещения в китайском автомобилестроении претерпела ряд некоторых изменений. Так, налоговые льготы и программы субсидирования покупателей подверглись значительному сокращению (импортные пошлины составляют не более 15%) или отменены вовсе. Преференции для совместных предприятий были последовательно отменены: для производителей электромобилей – с 2018 г., для производителей коммерческой техники – с 2020 г., для производителей легковых автомобилей – с 2022 г. (Парцвания В.Р., 2022).

В результате проводимой политики китайская автомобильная отрасль добилась следующих результатов. Во-первых, политика импортозамещения помогла китайским производителям автомобилей, таким как Geely, BYD и Changan, вырасти и стать конкурентоспособными игроками на мировом рынке. Во-вторых, сотрудничество с иностранными компаниями через совместные предприятия способствовало передаче технологий и опыта, ускоряя технологический прогресс китайской автомобильной промышленности. В-третьих, требования, предъявляемые к отечественным комплектующим, привели к развитию надежной внутренней цепочки поставок автомобильных запчастей, что еще больше способствовало росту отрасли.

В целом политика импортозамещения привела к значительному увеличению внутреннего производства и продаж автомобилей, что сделало Китай крупнейшим автомобильным рынком в мире (Liu W., Yeung H.W., 2008). На сегодняшний день актуальными целями китайского правительства являются лидерство в производ-

стве «транспортных средств на новой энергии» (электрических, беспилотных и других инновационных автомобилей) (Yeung G., 2019) и расширение присутствия на международных рынках, используя опыт и возможности, накопленные в эпоху импортозамещения.

Другим примером успешной реализации политики импортозамещения является автомобильная отрасль в Южной Корее. Для развития отечественной промышленности и экспортного потенциала корейское правительство использовало следующие инструменты экономической политики. Во-первых, были введены высокие тарифы и квотные ограничения на импорт, что позволило защитить отечественную промышленность от иностранной конкуренции (Green, 1992).

Во-вторых, правительство предоставляло существенную финансовую поддержку отечественным производителям, которая включала в себя кредиты под низкие проценты, налоговые льготы, субсидии и другие стимулы. Одними из главных реципиентов государственной поддержки стали чеболи – крупные финансово-промышленные конгломераты (например, Hyundai, Kia и Daewoo) (Hyun J.H., 2003).

В-третьих, государственные инвестиции в исследования и разработки оказали существенное положительное влияние на развитие автомобильного сектора. В то же время создание совместных предприятий с иностранными компаниями лидерами автомобильного рынка стало значительным стимулом для развития отечественных компаний, а в дальнейшем и для расширения собственных производственных возможностей за счет НИОКР (Lee J.I., Mah J.S., 2017).

В-четвертых, как и в случае Китая, корейское правительство обеспечило соблюдение требований, подразумевающих локальное производство автомобильных комплектующих, что поспособствовало развитию местных отраслей-поставщиков (Jetin B., 2018).

В-пятых, создание и развитие специализированных промышленных зон и кластеров с необходимой инфраструктурой для поддержки автомобилестроения, а также значительные инвестиции в логистику и транспортную инфраструктуру способствовали повышению эффективности управления цепочками поставок и снижению общего уровня издержек (Nag B., Banerjee S., Chatterjee R., 2007).

Другим важным направлением поддержки политики импортозамещения в автомобилестроении стало развитие человеческого капитала. Правительство приняло достаточно успешные инициативы по обучению и развитию квалифицированной рабочей силы, способной поддержать автомобильную промышленность, повышению качества технического образования и профессиональной подготовке инженеров (Amsden A.H., 2004).

Важно подчеркнуть, что как только южнокорейская автомобильная отрасль удовлетворила потребности внутреннего рынка, правительство переключило внимание на экспорт продукции, заключив торговые соглашения об открытии новых рынков для отечественных автомобилей, таким образом превратив Южную Корею в крупного игрока на мировом автомобильном рынке.

Несмотря на меньшее присутствие в России по сравнению с продукцией китайской и южнокорейской автомобильной промышленности, правительство Индии добилось значительных успехов в автомобилестроении благодаря политике импортозамещения. Начало активной экономической политики пришлось на период после обретения независимости в 1947 г. и подразумевало усиленный контроль за автомобилестроением (Jaganathan A., 2021). Так, к 1950-м гг. под запрет попали иностранные компании, как ввозившие собранные автомобили, так и импортировавшие компоненты и производившие сборку автомобилей непосредственно в Индии. Единственная разрешенная форма деятельности иностранных компаний подразумевала производство деталей и сборку автомобилей на индийской территории. Начиная с 1980-х гг., правительство взяло курс на постепенную либерализацию политики. Важным компонентом политики импортозамещения стало создание совместных предприятий индийских автопроизводителей и лидеров глобального рынка. Тем не менее в силе остались меры, способствующие росту вспомогательных отраслей, производящих автомобильные компоненты, что позволило наладить надежные цепочки поставок внутри страны и, соответственно, еще больше снизить зависимость от импорта. Ярким примером может служить Maruti Suzuki, совместное предприятие, которое включало Maruti Udyog Limited (индийскую государственную компанию) и японскую Suzuki Motor Corporation (Hamaguchi T., 1985).

В течение 1990-х гг. и далее, несмотря на проведение либеральных реформ, регулирование автомобилестроения оставалось актуальным. Лишь вступление в ВТО в начале 2000-х гг. привело к постепенному смягчению тарифов и импортных квот. Рубежным событием в развитии индийской автомобильной промышленности стало принятие Плана автомобильной миссии (Automotive Mission Plan, AMP) в 2006 г., который предполагал превращение Индии в глобальный центр автомобильной промышленности. Особое внимание было уделено увеличению добавленной стоимости в рамках отечественного производства, повышению конкурентоспособности и стимулированию инноваций. Политика впервые позволила иностранным компаниям в значительной степени расширить свое присутствие в Индии и упростила прямые иностранные инвестиции (Singh N., 2022). Программа AMP была продлена до 2026 г. и действует до сих пор. Актуальной целью индийского правительства стала разработка комплексной экосистемы для производства электромобилей [Arya N., 2019].

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ОПЫТ СССР И РФ

В начале XX в. в дореволюционный период автомобиль являлся предметом роскоши и был доступен только самым состоятельным слоям общества. Автомобильного производства в Российской империи не существовало, все машины им-

портировались из Европы и США, на 1917 г. в стране присутствовали автомобили более 46 иностранных компаний (например, Packard, White, FIAT, Renault) (Шпотов Б.М., 2008). Несмотря на то что царское правительство было заинтересовано и обсуждало возможность сборки автомобилей Ford на территории России, а также заключило соглашение о создании совместного предприятия с итальянской компанией FIAT (Егорцева Н.А., 2012), оно не успело создать достаточного задела для создания полноценного автомобильного производства, контракты на выпуск автомобилей не были выполнены в связи с произошедшей революцией.

Так, формирование отечественной автомобильной промышленности было отложено и в действительности берет свое начало в 1920-е гг. и связано с форсированной индустриализацией (Харламова Т.И., 2012). Советское правительство ясно осознавало важность развития новой отрасли, Ф.Э. Дзержинский был назначен ответственным за выполнение этой задачи в 1924 г. Уже в ноябре того же года на параде в честь Октябрьской революции Автомобильное Московское Общество (АМО) продемонстрировало первые десять грузовых автомобилей (Бондарев В.А., Шишка В.Г., 2012).

В период НЭПа правительство СССР активно пыталось привлечь иностранных инвесторов для развития автомобильной отрасли, однако представители западных компаний сочли подобные предприятия неоправданно рискованными. В отсутствие концессий СССР принял решение импортировать автомобили, важнейшей статьёй импорта стали трактора компаний Ford и International Harvester.

Однако неудовлетворительные результаты политики импорта и свертывание НЭПа стимулировали советскую экономику к созданию собственного автомобильного производства. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, ряд инженеров-тракторостроителей проходили стажировку в США на заводах Ford. Во-вторых, переезд бывших крестьян из деревни в город позволил насытить зарождающуюся автомобильную промышленность рабочей силой. Созданные при заводах техникумы позволили в достаточной мере реализовать потенциал человеческого капитала СССР. Тем не менее, цели по производству автомобилей в рамках первой пятилетки (1928-1932) выполнены не были: было произведено 23,9 тыс. ед. техники из 100 тыс. запланированных. Первоначальная попытка производить тракторы Ford без соответствующей лицензии и технического контроля на Сталинградском тракторном заводе не увенчалась успехом.

Однако уже в 1929 г. был заключен договор между Ford и правительством СССР на помощь в создании автомобильных заводов. Согласно соглашению, управление «Автострой» (подчиненное ВСНХ СССР) приобретало 72 тыс. ед. техники в разобранном состоянии и собирало их уже на заводах в Нижнем Новгороде и Москве под руководством инженеров Ford (Шпотов Б.М., 2008). Несмотря на первоначальные трудности и разрыв отношений с американской компанией в связи с новым курсом на самостоятельность и самообеспечение, импульс от описанных эконо-

мических мер оказался плодотворным: уже к концу второй пятилетки (1933–1937) выпуск автомобилей составил практически 200 тыс. ед.

Мобилизация ресурсов и резкое наращивание объемов производства потребовались от автомобильной промышленности в годы Великой Отечественной войны. Наряду с Горьковским автозаводом, важную роль в обеспечении оборонного заказа стали играть Миасский автомоторный завод, Челябинский кузнечнопрессовый завод им. Сталина (КПЗиС) и Шадринский автоагрегатный завод им. Сталина, образованные в результате эвакуации Московского автозавода (Пьянков С.А., 2018).

Послевоенный период предполагал значительную смену ориентиров для автомобильной промышленности. С одной стороны, анализируя опыт СССР, следует подчеркнуть, что экономическая независимость являлась одной из основных целей советского правительства. Зависимость от капиталистических держав, особенно в эпоху холодной войны, была просто недопустима. С другой стороны, если с начала образования советского государства автозаводы в первую очередь обслуживали промышленность (в том числе и оборонную), а основной продукцией являлись грузовики, то после 1945 г. были разработаны и произведены новые советские легковые автомобили (Егорцева Н.А., 2012). Так, с 1945 г. автозавод в Москве получил название «Московский завод малолитражных автомобилей», а его основной продукцией стал автомобиль «Москвич».

Тем не менее, ситуация в СССР значительно отличалась от ситуации в Европе. Большинство легковых автомобилей изготавливалось по индивидуальным заказам от государственных структур для высокопоставленных чиновников, более широкому кругу автомобиль был практически недоступен. В то время как на заводе Volkswagen в Вольфсбурге в среднем производилось от 900 тыс. до 1 миллиона ед. автомобилей в год, FIAT в Турине – 1,2 миллиона, Ford в Кёльне – 375-425 тыс., в 1965 году на всех автозаводах СССР было выпущено всего 200 тыс. легковых автомобилей (Егорцева Н.А., 2012). Неудовлетворительные результаты, которые в свою очередь отражались на всей экономике СССР, привели к тому, что в рамках восьмой пятилетки (1966–1970) были приняты цели по увеличению выпуска легковых автомобилей в 4 раза (700-800 тыс. ед. в год). Для выполнения плана предполагалось реконструировать и обновить действующие автозаводы, частично использовать мощности оборонных заводов, а также строительство новых предприятий. Несмотря на заявленную цель на независимость, к выполнению плана была привлечена компания FIAT. Так, в 1970 г. с конвейера Волжского автомобильного завода (АвтоВАЗа) в Тольятти сошли первые автомобили «Жигули». Однако случай FIAT скорее является исключением: изоляционистская политика делала невозможным импорт автомобилей не из стран СЭВ. Тем не менее, «Жигули» в моменте оказались конкурентоспособными и экспортировались в страны СЭВ.

Несмотря на развитие советского автомобилестроения и освоение производственного потенциала, централизованный характер экономики и отсутствие конкуренции затрудняло и замедляло инновационный процесс, многие модели ав-

томобилей оставались технологически устаревшими по сравнению с западными аналогами. Акцент на достижении количественных целей иногда ставил под угрозу контроль качества и инновации продуктов: советское автомобилестроение часто критиковали за неэффективные производственные процессы и низкое качество продукции.

Эти проблемы унаследовала автомобильная промышленность Российской Федерации после распада СССР в 1991 г. Распад Советского Союза привел к серьезным экономическим потрясениям, вызвавшим коллапс промышленного производства, включая автомобильный сектор. Задачей правительства в 1990-е годы стала стабилизация рынка, а не развитие промышленного потенциала. Либерализация торговых отношений сильно ударила по автомобильной промышленности: если в советское время отечественные автомобили пользовались высоким спросом в силу дефицита продукции и отсутствия альтернатив, то в 1990-е гг. иномарки вытеснили модели советских времен благодаря более высокому качеству и передовым технологиям (Pavlínek P., 2002).

Однако уже к концу 1990-х – началу 2000-х российская экономика начала стабилизироваться, и правительство сосредоточило усилия на возрождении отечественной промышленности. Ключевыми мерами экономической политики стали привлечение иностранных инвестиций и передача технологий через организацию совместных предприятий и локализацию производства. Яркими примерами стали совместные заводы с такими компаниями, как Ford, Renault, Skoda, Hyundai (Sintserov L., 2000).

Подобная политика продолжилась до 2010-х гг. Правительство России стремилось активно развивать внутреннее производство путем введения тарифов на импортируемые автомобили (включая высокие таможенные пошлины на ввоз готовой продукции, особенно поддержанной автотехники) и субсидирования отечественных производителей. Были поставлены цели по модернизации отрасли, повышению качества продукции и расширению доли рынка автомобилей отечественного производства. В то же время Россия стала важным направлением для прямых иностранных инвестиций в автомобильный сектор. Правительство сохраняло и расширяло политику локализации, включая налоговые льготы, снижение тарифов на импортные автомобильные детали и прямые инвестиции в инфраструктуру. В результате проводимой политики отечественные производители при поддержке зарубежных партнеров начали выпускать более конкурентоспособные и технологичные автомобили. Особое внимание было уделено повышению качества и надежности российских автомобилей до уровня международных стандартов. С другой стороны, немаловажным аспектом политики импортозамещения стало стимулирование спроса: льготное автокредитование, льготный автолизинг, «опережающие» госзакупки автотехники позволили улучшить конкурентоспособность отрасли.

Введение санкций в 2014 г. после крымского референдума дало новый импульс к политике самообеспеченности в различных секторах, включая автомобильную промышленность (Gurkov I., Morley M.J., 2021). Импортозамещение стало более выраженной политикой, государственная поддержка отечественных производителей усилилась. Правительство запустило несколько национальных проектов по укреплению промышленной самодостаточности. Тем не менее совместные предприятия с иностранными компаниями продолжили существовать через политику специальных инвестиционных контрактов, которые были заключены практически со всеми ключевыми игроками отрасли (например, «Мерседес-Бенц Рус», «Тойота Мотор», «Фольксваген Груп Рус», «Джи Эм – АвтоВАЗ» и др.). Стартовали и проекты, направленные на развитие НИОКР, увеличение производства электромобилей и разработку технологий автономного вождения. Несмотря на значительный прогресс, отрасль столкнулась с такими проблемами, как ограниченность технологических знаний, зависимость от импортных компонентов для высокотехнологичного производства и колебания потребительского спроса.

РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ

В заключении на основании представленного анализа можно выделить риски, характерные для реализации политики импортозамещения в автомобильной отрасли.

Во-первых, возникает проблема, связанная с завышенными ожиданиями от результатов экономической политики. Главный идеолог девелопментализма Р. Пребиш в 1960-е гг. отмечал, что многие страны Латинской Америки прибегали к политике импортозамещения как к инструменту преодоления вызовов в краткосрочной перспективе, а не стратегической инициативе в области экономического развития (Prebisch, 1961). Действительно, успешная реализация импортозамещения требует продолжительного периода последовательного проведения политики со стороны правительства, мгновенное формирование сравнительных преимуществ после начала проведения экономической политики практически невозможно.

Во-вторых, при разработке экономической политики следует учитывать, что емкость внутреннего рынка напрямую влияет на инвестиционную привлекательность страны и эффективность импортозамещения в целом. Чрезмерная защита производства без достижения экономии на масштабе поощряет создание небольших неэффективных фирм, существенно ослабляет стимулы к внедрению современных технологий и замедляет рост производительности.

В конце следует подчеркнуть тот факт, что импортозамещение не тождественно протекционизму. Так, на начальных этапах отечественные компании получают от государства защиту от конкуренции с иностранными производителями, однако протекционистские меры являются временным решением. После удовлетворения потребностей внутреннего рынка на смену протекционистским мерам приходит

экспортноориентированная модель, что предполагает конкурентоспособное состояние национальной промышленности и благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций. Без последующей ориентации на экспорт, не видя окончания действия протекционистских и иных мер поддержки, в условиях отсутствия конкуренции защищенные отечественные производства лишаются стимулов к модернизации производственных и бизнес-процессов, к повышению качества продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Интерфакс. Производство легковых автомобилей в России в 2022 году упало втрое, URL: <https://www.interfax.ru/business/884251> (Дата обращения 15.12.2024)

² Ведомости.Город. Доля китайских автомобилей на российском рынке достигла 68%, URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/garage/news/dolya-kitaiskih-avtomobilei> (Дата обращения: 15.12.2024)

³ Ведомости. Граждане взяли рекордный объем автокредитов в сентябре, URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/10/07/1066920-grazhdane-vzyali> (Дата обращения: 15.12.2024)

⁴ Logistics.ru Исследование: главные тренды авторынка в 2024 году, URL: <https://logistics.ru/avtomobili-i-zapchasti/issledovanie-glavnye-trendy-avtorynka-v-2024-godu> (Дата обращения: 15.12.2024)

⁵ Изначально срок действия постановления ограничивался 01 февраля 2023 года, но был затем продлён (см. изменения, внесенные Постановлением Правительства РФ от 31.01.2024 N 76)

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2022 N 4261-р (ред. от 21.10.2024) <Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года>, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436471/19d-da8b3222cb2be8a11287c131e6e158c7d005b/ (Дата обращения: 15.12.2024)

БИБЛИОГРАФИЯ:

- АВТОСТАТ (2024). Структура и прогноз парка легковых автомобилей в России. @AVTOSTAT (2024). Struktura i prognoz parka legkovykh avtomobiley v Rossii. URL: <https://www.autostat.ru/research/product/520/> (дата обращения: 15.12.2024)
- Ананьин О.И., Хаиткулов Р.Г., Шестаков Д.Е. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №12. С. 15–27. @Anan'in O.I., Khaitkulov R.G., Shestakov D.E. Vashingtonskiy konsensus: peyzazh posle bitv // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2010. №12. S. 15–27.
- Бондарев В.А., Шишка В.Г. Об одной дискуссии о развитии советского автомобилестроения в конце 1920-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. №1 (18). С. 194–200. @Bondarev V.A., Shishka V.G. Ob odnoy diskussii o razvitii sovetskogo avtomobilstroeniya v kontse 1920-kh gg. // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2012. №1 (18). S. 194–200.
- Гордеев А.А. Индустриализация в СССР в оценке западных экономистов и историков советского периода // Теоретическая экономика. 2014. №. 4 (22). С. 39–45. @Gordeev A.A. Industrializatsiya v SSSR v otsenke zapadnykh ekonomistov i istorikov sovetskogo perioda // Teoreticheskaya ekonomika. 2014. №. 4 (22). S. 39–45.
- Егорцева Н.А. Становление отечественного автомобилестроения, роль акционерного общества «Фиат» в решении автомобильной проблемы в СССР // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. №2. С. 103–106. @Egortseva N.A. Stanovlenie otechestvennogo avtomobilstroeniya, rol' aktsionernogo obshchestva «Fiat» v reshenii avtomobil'noy problemy v SSSR // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №2. S. 103–106.
- Кондратьев В.Б. Решоринг как форма реиндустриализации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. №9. С. 54–65. @Kondrat'ev V.B. Reshoring kak forma reindustrializatsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 61. №9. S. 54–65.
- Кузьминов Я.И. и др. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. @Kuz'minov Ya.I. i dr. Importozameshchenie v rossiyskoy ekonomike: vchera i zavtra. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2023.
- Мельник Д.В. Модернизация экономики России: в поисках субъекта // Россия и современный мир. 2016. №3 (92). С. 40–55. @Mel'nik D.V. Modernizatsiya ekonomiki Rossii: v poiskakh sub»ekta // Rossiya i sovremennyy mir. 2016. №3 (92). S. 40–55.
- Парцвания В.Р. «Ловушка импортозамещения» в реалиях автомобилестроения // Проблемы прогнозирования. 2022. №2 (191). С. 119–130. @Partsvaniya V.R. «Lovushka importozameshcheniya» v realiyakh avtomobilstroeniya // Problemy prognozirovaniya. 2022. №2 (191). S. 119–130.
- Пьянков С.А. Первые шаги уральского автомобилестроения: из истории УралЗИС в годы Великой Отечественной войны // Архив в социуме - социум в архиве: Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 2018 года / Составитель и научный редактор Н.А. Антипин. Челябинск: Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области», 2018. С. 243–247. @P'yankov S.A. Pervye shagi ural'skogo avtomobilstroeniya: iz istorii UralZIS v gody Velikoy Otechest-

vennoy voyny // Arkhiv v sotsiume - sotsium v arkhive: Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chelyabinsk, 29 maya 2018 goda / Sostavitel' i nauchnyy redaktor N.A. Antipin. Chelyabinsk: Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Ob»edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti», 2018. S. 243–247.

Симачев Ю., Федюнина А., Юревич М. Решоринг или офшоринг: как меняется мировое производство в глобальных цепочках стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №10. С. 71–81. @@ Simachev Yu., Fedyunina A., Yurevich M. Reshoring ili ofshoring: kak menyaetsya mirovye proizvodstvo v global'nykh tsepochkakh stoimosti // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. Т. 67. №10. С. 71–81.

Харламова Т.И. Форсированная индустриализация в отечественном автомобилестроении: уроки истории // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2012. Т. 3. №2. С. 128–135. @@ Kharlamova T.I. Forsirovannaya industrializatsiya v otechestvennom avtomobilestroenii: uroki istorii // Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta МАМИ. 2012. Т. 3. №2. С. 128–135.

Шаховская Л.С., Матковская Я.С. Решоринг: проблемы и перспективы для России и Китая // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. №36. С. 42–52. @@ Shakhovskaya L.S., Matkovskaya Ya.S. Reshoring: problemy i perspektivy dlya Rossii i Kitaya // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2014. №36. С. 42–52.

Шестаков Д.Е. Советская индустриализация в контексте экономической теории // Экономическая история. 2013. №2(21). С. 38–46. @@ Shestakov D.E. Sovetskaya industrializatsiya v kontekste ekonomicheskoy teorii // Ekonomicheskaya istoriya. 2013. №2(21). С. 38–46.

Шпотов Б.М. Компания Форда в Советском Союзе в 1920-е-1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник. 2008. Т. 2007. С. 267–284. @@ Shpotov B.M. Kompaniya Forda v Sovetskom Soyuze v 1920-e-1930-e gg. // Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2008. Т. 2007. С. 267–284.

Ahmad J. Import Substitution – a Survey of Policy Issues // The Developing Economies. 1978. Vol. 16. №4. P. 355–372.

Amsden A.H. Import substitution in high-tech industries: Prebisch lives in Asia! // CEPAL Review. 2004. №82. P. 75–89.

Arya N. A Review of Growing Automobile Industry in India // International Journal of Research and Analytical Reviews. 2019. Vol. 6. №1. P. 797–801.

Belini C. Industrial exports and Peronist economic policies in post-war Argentina // Journal of Latin American Studies. 2012. Vol. 44. №2. P. 285–317.

Bloch H., Sapsford D. Postwar movements in prices of primary products and manufactured goods // Journal of Post Keynesian Economics. 1991. Vol. 14. №2. P. 249–266.

Coulomb F. Adam Smith: a defence economist // Defence and peace economics. 1998. Vol. 9. №3. P. 299–316.

Crafts N., Toniolo G. Postwar growth: an overview / Crafts N., Toniolo G. (eds.). Economic growth in Europe since 1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 1–37.

Diaz-Alejandro C. F. On the import intensity of import substitution // Kyklos. 1965. Vol. 18. №3. P. 495–511.

Green A.E. South Korea's Automobile Industry: Development and Prospects // Asian Survey. 1992. Vol. 32. №5. P. 411–428.

Gurkov I., Morley M.J. Looking in the rear-view mirror – A 35 year retrospective on the Russian automotive industry // *Thunderbird International Business Review*. 2021. Vol. 63. №6. P. 699–712.

Ha-Joon C. Kicking Away the Ladder: Neoliberalism and the ‘Real’ History of Capitalism. / Kyung-Sup, C., Fine, B., Weiss, L. (eds.). *Developmental Politics in Transition*. International Political Economy Series. London: Palgrave Macmillan, London, 2012. P. 43–50.

Hamaguchi T. Prospects for Self-reliance and Indigenisation in Automobile Industry: Case of Maruti-Suzuki Project // *Economic and Political Weekly*. 1985. Vol. 20. №35. P. M115-M122.

Huat C.B. Welfare developmentalism in Singapore and Malaysia / Kwon HJ. (ed.). *Transforming the Developmental Welfare State in East Asia*. Social Policy in a Development Context. London: Palgrave Macmillan, 2005. P. 98–117.

Hyun J.H. Korean Automotive Foreign Direct Investment in Europe: The Effects of Economic Integration on Motivations and Patterns of FDI and Industrial Location. London: Palgrave Macmillan, 2003.

Jaganathan A. A Study on Growth and Development of Automobile Industry in India // *Ictact Journal On Management Studies*. 2021. Vol. 7. №2. P. 1400–1403.

Jetin B. Production networks of the Asian automobile industry: regional or global? // *International Journal of Automotive Technology and Management*. 2018. Vol. 18. №4. P. 302–328.

Jia-Zheng Y., Broggi C. B. The metamorphosis of China’s automotive industry (1953–2001): Inward internationalisation, technological transfers and the making of a post-socialist market // *Business History*. 2023. P. 1–28.

Johnson H. G. Mercantilism: past, present and future // *Journal of World Trade Law*. 1974. №8. P. 1–16.

de Jonge J. A. Industrial Growth in the Netherlands (1850-1914) / Schulte Nordholt J. W., van Arkel D. (eds.). *Acta Historiae Neerlandicae*. Leiden: Brill, 1971. P. 159–212.

Keyder C., Ghai D. Democracy and the Demise of National Developmentalism: Turkey in Perspective / Bagchi A. K. (ed.) *Democracy and Development*. International Economic Association Series. London: Palgrave Macmillan, 1995. P. 193–214.

Lee J.I., Mah J.S. The role of the government in the development of the automobile industry in Korea // *Progress in Development Studies*. 2017. Vol. 17. №3. P. 229–244.

Liu W., Yeung H.W. China’s dynamic industrial sector: the automobile industry // *Eurasian Geography and Economics*. 2008. Vol. 49. №5. P. 523–548.

Myrdal G. *An International Economy*. New York: Harper & Bros., 1956.

Nag B., Banerjee S., Chatterjee R. Changing features of the automobile industry in Asia: Comparison of production, trade and market structure in selected countries. – ARTNeT Working Paper Series, 2007. №37.

Pavlinek P. Restructuring the Central and Eastern European Automobile Industry: Legacies, Trends, and Effects of Foreign Direct Investment // *Post-Soviet Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. №1. P. 41–77.

Power J. H. Industrialization in Pakistan: a Case of Frustrated Take-off? // *The Pakistan Development Review*. 1963. No. 3 (2). P. 191–207.

Prebisch R. *The Economic Development of Latin America and its Principal Problems*. New York: United Nations, 1950.

Prebisch R. Commercial policy in the underdeveloped countries // *The American Economic Review*. 1959. №49 (2). P. 251–273.

Prebisch R. Economic Development or Monetary Stability: The False Dilemma // *Economic Bulletin for Latin America*. 1961. №6. P. 1–25.

Prebisch R. Towards a new trade policy for development. / R. Bielchowsky (ed.). *ECLAC Thinking: Selected Texts (1948–1998)*. Santiago: Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 2016. P. 211–238.

Philips R. C. M., Buyst E. Regional industrialization in Belgium and the Netherlands 1 / van Leeuwen B., Philips R.C.M., Buyst E. (eds.). *An Economic History of Regional Industrialization*. London: Routledge, 2020. P. 49–78.

Ramirez M. D. Mexico's development experience, 1950-85: Lessons and future prospects // *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*. 1986. Vol. 28. №2. P. 39–66.

Singer A. The Failure of the Developmentalist Experiment in Three Acts // *Critical Policy Studies*. 2017. Vol. 11. №3. P. 358–364.

Singh N. A review study of development of Automobile in India // *International Journal for Research Publication and Seminar*. 2022. Vol. 13. №4. P. 214–221.

Sintserov L. The Post-soviet Automobile Industry: First Signs of Revival // *Actes du GERP-ISA*. 2000. №28. P. 111-119.

Smith T. Requiem or new agenda for Third World studies? // *World Politics*. 1985. Vol. 37. №4. P. 532–561.

Tavares M. D. C. The Growth and Decline of Import Substitution in Brazil / R. Bielchowsky (ed.). *ECLAC Thinking: Selected Texts (1948–1998)*. Santiago: Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 2016. P. 129–40.

Wallerstein I. After Developmentalism and Globalization, What? // *Social forces*. 2005. Vol. 83. №3. P. 1263–1278.

Wylde C. *Latin America After Neoliberalism: Developmental Regimes in Post-Crisis States*. London: Palgrave Macmillan, 2012. P. 15–56.

Yeung G. 'Made in China 2025': the development of a new energy vehicle industry in China // *Area Development and Policy*. 2019. Vol. 4. №1. C. 39–59.

Перспективы российско-венгерского сотрудничества на рынке нефти

Ольга Леонидовна ОРЛОВА,
ООО «ЯНДЕКС»
(119021, Москва, ул. Льва Толстого, 16),
менеджер по продажам 1 категории, аспирант,
e-mail: orlovaolay15@gmail.com

УДК:339.9:339.146; ББК:65.5; Jel:F5
DOI: 10.24412/2072-8042-2025-1-110-117

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные аспекты взаимодействия России и Венгрии в нефтегазовом секторе. Анализируются объемы поставок, влияние глобальных тенденций, а также последствия санкций против России. Особое внимание уделено геополитическим и экономическим факторам, влияющим на энергетическую безопасность Венгрии, включая усилия по диверсификации поставок и модернизации инфраструктуры. Исследуются планы Венгрии по укреплению своей роли в региональной энергетике и перспектива становления энергетическим хабом Центральной и Восточной Европы, подчеркивается значимость российско-венгерского сотрудничества в условиях глобальной нестабильности, предложены рекомендации для определения ключевых рисков и возможностей для обеих сторон.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, нефтегазовый сектор, энергетическое сотрудничество, экспорт газа, экономические ограничения, рынок нефти, глобальные тенденции.

Oil and Stability: Prospects for Russian-Hungarian Cooperation in the Face of Global Challenges

Olga Leonidovna ORLOVA,
YANDEX LLC (16 Leo Tolstoy St., Moscow, 119021),
Sales Manager, 1st Category, Postgraduate student, e-mail: orlovaolay15@gmail.com

Abstract

The article examines current aspects of cooperation between Russia and Hungary in the oil and gas sector. It analyzes supply volumes, the impact of global trends, and the consequences of sanctions against Russia. Particular attention is paid to the geopolitical and economic factors affecting Hungary's energy security, including efforts to diversify supplies and modernize infrastructure. Hungary's plans to strengthen its role in regional energy and its prospects of becoming an energy hub in Central and Eastern Europe are explored. The importance of Russian-Hungarian cooperation amid global instability is emphasized, and recommendations are proposed to identify key risks and opportunities for both sides.

Keywords: energy security, oil and gas sector, energy cooperation, gas exports, economic restrictions, oil market, global trends.

Энергетическая безопасность является одним из наиболее критически важных аспектов современных международных отношений, особенно для стран, зависящих от импорта углеводородов. Венгрия, обладая ограниченными запасами нефти и газа, активно развивает сотрудничество с Россией, одним из крупнейших поставщиков энергоресурсов. В 2024 году Венгрия ожидает объем поставок российской нефти на уровне около 5 миллионов тонн, из которых на октябрь 2024 года через нефтепровод «Дружба» уже было получено 3,4 миллиона тонн.¹ Это подчеркивает ключевую роль России в обеспечении энергетической стабильности Венгрии, особенно в условиях растущей конкуренции на мировом рынке нефти.

Рис. 1. Динамика поставок нефти из России в Венгрию (2022-2024), млн тонн
 Fig. 1. Dynamics of oil supplies from Russia to Hungary (2022-2024), million tons

Источник: Neftegaz.ru. «Поставки нефти ЛУКОЙЛа в Венгрию возобновились» - <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/859265-postavki-nefti-lukoyla-v-vengriyu-vozobnovilis/> (дата обращения: 24.10.2024); Neftegaz.ru «Будем поставлять. А. Новак прокомментировал ситуацию вокруг поставок нефти в Словакию и Венгрию по МНП Дружба» - <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/845512-budem-postavlyat-a-novak-prokommentiroval-situatsiyu-vokrug-postavok-nefti-v-slovakiyu-i-vengriyu-po/> (дата обращения: 24.10.2024)

В последнее время на мировом рынке нефти наблюдаются значительные трансформации, вызванные экономическими и политическими обстоятельствами. Санкции, введенные против России, оказали значительное воздействие на ее экспортные возможности, особенно в отношении поставок нефти в Европу. Тем не менее,

Венгрия сохраняет прочные энергетические отношения с Россией, несмотря на давление со стороны Европейского Союза и других западных держав. Так, венгерская компания в области нефти и газа «MOL» занимает важную позицию в обеспечении энергетической независимости страны, поскольку решения о закупках основываются на экономической целесообразности. Следует отметить, что министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто многократно подчеркивал, что стране жизненно необходимы российская нефть и газ, и что прекращение связей с Россией, особенно в сфере венгерско-российского энергетического сотрудничества, не соответствует национальным интересам Венгрии.²

К вызовам для российско-венгерских отношений относят санкции. В июне 2024 года Украина повысила санкционные меры против российской компании «Лукойл», что привело к временному прекращению поставок нефти по нефтепроводу «Дружба». Данный инцидент привел к волне беспокойства Венгрии и Словакии, так как именно поставки для этих стран осуществляют по маршруту «Дружбы». В ответ на прекращение поставок Венгрия и Россия начали переговоры об их возобновлении, и в октябре 2024 года поставки были восстановлены.

В условиях современных глобальных вызовов и геополитической неопределенности, российско-венгерское сотрудничество в области энергетики играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Венгрии. Несмотря на давление со стороны Европейского Союза и ряда западных стран, Венгрия поддерживает крепкие и дружеские отношения с Россией, осознавая ее значимость для стабильных поставок нефти и газа. Одновременно с этим Венгрия активно работает над диверсификацией своих энергетических источников и модернизацией инфраструктуры. Эти действия отчасти продиктованы существующей мировой нестабильностью и стремлением страны к достижению длительной энергетической надежности.

Лето 2024 года является ключевой датой в отношении двух вышеупомянутых стран, так как именно 5 июля 2024 года премьер-министр Венгрии Виктор Орбан посетил Москву для встречи с президентом России Владимиром Путиным. Это была их первая встреча в России с начала конфликта на Украине. В ходе переговоров обсуждались вопросы энергетического сотрудничества, включая поставки нефти и газа, а также строительство АЭС «Пакш-2» с участием российской госкорпорации «Росатом». По итогам встречи В.В. Путин отметил, что Россия и Венгрия продолжают сотрудничество, в том числе в сфере энергетики, основываясь на принципах здорового прагматизма и взаимной выгоды.

Виктор Орбан на встрече также подчеркнул, что Венгрия заинтересована в стабильных и надежных поставках энергоресурсов из России. Виктор Орбан также выразил уверенность в дальнейшем укреплении двусторонних связей. Следует подчеркнуть, что, помимо нефти, происходит активная поставка российского газа в Венгрию. В 2024 году страна уже получила 5,3 миллиарда кубометров газа из

России через «Турецкий поток»; в будущем планируется увеличение кубометров газа.³

Европейская комиссия, в свою очередь, призывает страны-члены ЕС, включая саму Венгрию, диверсифицировать источники энергии и снижать зависимость от российских поставок. Однако Венгрия не намерена действовать по такому сценарию. Виктор Орбан подчеркивает высокие расходы и технические трудности, связанные с переходом на другие источники нефти и газа, что делает невозможным отказ от российского сырья. Более того, министр энергетики Венгрии Чаба Марошвари указывает на недостаточную поддержку со стороны ЕС для малых стран без выхода к морю в их стремлениях снизить потребление российского газа, что также затрудняет отказ от российского импорта. Будапешт продолжает утверждать, что российские поставки необходимы для обеспечения энергетической безопасности, а предложенные Европейским Союзом альтернативные источники и маршруты не смогут покрыть потребности страны в краткосрочной перспективе. Например, Адриатический нефтепровод (оригинальное название – JANAF) имеет ограниченные мощности – около 1,5 миллиона тонн нефти в год, что значительно меньше, чем объемы, которые поступают по нефтепроводу «Дружба».⁴

Однако под давлением ЕС, Венгрия все же вынуждена активно работать над диверсификацией источников энергии, стремясь снизить свою зависимость от поставок нефти и газа из России. В 2023 году страна импортировала 1,2 миллиона тонн нефти из Норвегии и Саудовской Аравии, и к 2025 году Венгрия планирует увеличить этот объем до 2 миллионов тонн. При этом стабильные поставки российской нефти обеспечивают 80% потребностей венгерской стороны, что делает Россию критически важным партнером для энергетической безопасности страны.⁵ Для усиления устойчивости Венгрия также инвестирует в модернизацию своей инфраструктуры: в 2023 году правительство объявило о строительстве новых хранилищ для нефти, что в будущем поможет увеличить общую емкость до 1,5 миллиона тонн, укрепляя позицию Венгрии как потенциального энергетического хаба для Центральной и Восточной Европы.⁶

Европейский Союз активно работает над снижением зависимости от российских энергетических ресурсов, реализуя программу REPowerEU, направленную на развитие инфраструктуры для импорта газа из США и Катара и увеличение производства возобновляемой энергии. С 2021 по 2023 год ЕС сократил импорт российского газа на 60%, что стало возможным благодаря скоординированным усилиям стран-членов.⁷

Несмотря на давление со стороны ЕС, Венгрия сохраняет прагматичный подход, ориентируясь на собственные интересы. Совместные проекты с Россией, такие как строительство атомной электростанции «Пакш-2», и усилия по развитию внутренней инфраструктуры подчеркивают стремление страны к сбалансированной энергетической политике.

Геополитические факторы, включая конфликт на Украине, оказывают значительное влияние на рынок нефти. С 2021 года экспорт российской нефти в Европу снизился с 4 миллионов баррелей в день до 2,5 миллионов баррелей в 2024 году.⁸ Санкции против России ограничили доступ страны к западным инвестициям и технологиям, что по сей день усложняет модернизацию нефтяной инфраструктуры и разработку новых месторождений. В результате такой ситуации Российская Федерация усиливает экспортные потоки в Азию, в том числе в Китай и Индию, для компенсации потерь на европейском рынке. Венгрия же, со своей стороны, разработала стратегию диверсификации поставок: помимо увеличения импорта нефти из других стран, Венгрия вкладывает значительные средства в модернизацию своих нефтеперерабатывающих заводов, которые к 2026 году смогут перерабатывать как российскую нефть, так и альтернативные сорта.

Венгерская внутренняя политика существенно влияет на формирование энергетической стратегии страны. Премьер-министр Виктор Орбан, поддерживая тесные связи с Россией, акцентирует внимание на важности обеспечения надежных поставок энергетических ресурсов для поддержания экономической устойчивости. Однако, как уже упоминалось ранее, в стране активно обсуждаются риски, связанные с зависимостью от единственного поставщика.

Сегодняшняя ситуация не является однозначной, так как, с одной стороны, Венгрия, будучи зависимой от импорта углеводородов, продолжает поддерживать тесные связи с Россией, но, с другой, под гнетом санкций и глобальных вызовов создаются риски для сотрудничества двух стран.

На сегодняшний день можно выделить следующие перспективы российско-венгерского сотрудничества в сфере энергетики в условиях глобальных вызовов и угроз:

1. Энергетическое партнерство (Стабильность поставок: Венгрия продолжает рассматривать Россию как ключевого партнера в обеспечении энергоресурсами; при сохранении нынешнего уровня поставок через нефтепровод «Дружба» Россия может оставаться основным поставщиком нефти для Венгрии в ближайшие годы; диверсификация импорта: несмотря на поддержку торговых отношений с Россией, Венгрия работает над увеличением импорта нефти из других стран. Однако полная замена российского сырья невозможна в краткосрочной перспективе, что создает устойчивую базу для долгосрочного сотрудничества).

2. Инфраструктурное развитие (Венгрия активно модернизирует свои нефтеперерабатывающие заводы и хранилища для увеличения их гибкости в переработке разных видов нефти. Данная ситуация в будущем вполне может привести более выгодным условиям для России в переговорах о поставках, если российская нефть будет соответствовать требованиям новой инфраструктуры).

3. Совместные проекты (проект АЭС «Пакш-2»: реализация проекта с участием «Росатома» укрепляет позиции России как технологического партнера Венгрии в

области энергетики; более того, проект демонстрирует приверженность Венгрии долгосрочному сотрудничеству с Россией, несмотря на давление со стороны Европейского Союза; энергетический хаб в Центральной Европе: Венгрия стремится стать ключевым игроком в энергетической логистике. Россия, со своей стороны, может поддержать эти планы, развивая совместные проекты по транспортировке нефти и газа).

Геополитическое взаимодействие

Венгрия занимает уникальную позицию среди стран ЕС, демонстрируя прагматичный подход к отношениям с Россией. Это открывает возможности для укрепления двусторонних связей на фоне общего ухудшения отношений России с Западом.

Расширение взаимовыгодного сотрудничества (в долгосрочной перспективе Россия и Венгрия могут расширить взаимодействие за пределами нефтегазового сектора, включая области сельского хозяйства, технологий и логистики).

Исходя из вышесказанного, рекомендации по поддержанию/увеличению поставок нефти из Российской Федерации могут быть следующие:

1. Поддержание стабильности поставок (обеспечить бесперебойную работу нефтепровода «Дружба» для поддержания доверия со стороны Венгрии; предоставлять гибкие условия поставок нефти и газа, адаптированные к потребностям модернизирующейся венгерской инфраструктуры).

2. Акцент на долгосрочные проекты (ускорить строительство и ввод в эксплуатацию АЭС «Пакш-2», чтобы укрепить статус надежного партнера и продемонстрировать готовность России к выполнению своих обязательств; рассмотреть возможность инвестирования в совместные проекты по строительству нефтяных хранилищ и других инфраструктурных объектов в Венгрии).

3. Укрепление дипломатических и торгово-экономических связей (поддерживать диалог с правительством Виктора Орбана для сохранения доверия и исключения политических рисков в двусторонних торгово-экономических отношениях; использовать прагматичную позицию Венгрии в ЕС как точку входа для продвижения интересов России в других странах Центральной Европы).

4. Инновации и диверсификация (предложить Венгрии сотрудничество в высокотехнологичных сферах, таких как цифровизация энергетики, альтернативная энергетика и логистика; развивать экспорт технологий и услуг, что поможет уменьшить влияние санкций на нефтегазовый сектор).

5. Учет геополитических рисков (оценивать и минимизировать риски, связанные с возможными санкциями или ухудшением отношений с ЕС, разрабатывая альтернативные сценарии сотрудничества; увеличивать экспортные потоки в Азию и укреплять торговые связи с Китаем и Индией для компенсации возможных потерь в европейском регионе).

* * *

Таким образом, российско-венгерское сотрудничество остается важным элементом энергетической стратегии Венгрии, несмотря на текущие глобальные вызовы. Для Венгрии российская нефть играет ключевую роль, покрывая значительную часть ее энергетических потребностей. Однако страна активно работает над диверсификацией поставок энергоресурсов, что подтверждается увеличением импорта нефти из Норвегии и Саудовской Аравии в последние годы. При этом Венгрия планирует дальнейшее развитие своей инфраструктуры, включая модернизацию нефтеперерабатывающих заводов и увеличение емкости хранилищ для нефти. Вместе с тем санкции и геополитическая нестабильность оказывают влияние на объемы поставок нефти и газа из России в Европу. Эти вызовы требуют от обеих сторон гибкости и стратегического подхода. В статье показаны перспективы российско-венгерского сотрудничества в сфере энергетики в условиях глобальных вызовов и угроз и даны рекомендации по поддержанию / увеличению поставок нефти из Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ RT. «Сийярто: Венгрия получила по нефтепроводу «Дружба» 3,4 млн т нефти за 2024 год» - URL: <https://russian.rt.com/world/news/1380680-neft-vengriya-rossiya>

² Neftegaz.ru «П. Сийярто: Венгрия довольна энергетическим сотрудничеством с Россией и не получала предложений лучше» - URL: <https://neftegaz.ru/news/partnership/859981-p-siyarto-vengriya-dovolna-energeticheskim-sotrudnichestvom-s-rossiey-i-ne-poluchala-predlozheniy-1/>

³ РИА новости. «Венгрия получила 5,3 миллиарда кубов газа через «Турецкий поток» из России» - URL: <https://ria.ru/20240920/vengriya-1973836237.html>

⁴ Reuters. «Hungary to keep Druzhba as main crude pipeline, foreign minister says» - URL: https://www.reuters.com/business/energy/hungary-keep-druzhba-main-crude-pipeline-foreign-minister-says-2024-10-31/?utm_source=chatgpt.com

⁵ Interfax « Russian oil exports to Hungary expected to total 5 mln tonnes in 2024 - FM Szijjarto» - URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/106489/>

⁶ РИА новости. «Венгрия и Сербия подписали меморандум о строительстве нефтепровода» - URL: <https://ria.ru/20230620/nefteprovod-1879351519.html?ysclid=m3m67dvgig963009114>

⁷ Neftegaz.ru «Импорт газа из России в ЕС снизился на 60% за 11 месяцев 2023 года» - URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/808039-import-gaza-iz-rossii-v-es-snizilsya-na-60-za-11-mesyatsev-2023-g-/?ysclid=m3m6f7mmrv152273956>

⁸ Lenta.ru. «Поставки российской нефти за рубеж упали до минимума за два года» - URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/13/min/?ysclid=m3m6aufl5z919313157>

БИБЛИОГРАФИЯ:

Алексей Белогорьев. Перспективы экспорта российского газа в новых условиях // Энергетическая политика. - 2022. - №6(172). - С. 6-17. @@ Aleksej Belogor'ev. Perspektivy e`k-sporta rossijskogo gaza v novy`x usloviyah // E`nergeticheskaya politika. - 2022. - №6(172). - S. 6-17 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-eksporta-rossiyskogo-gaza-v-novyh-usloviyah/viewer> (дата обращения: 20.12.2023)

Захаров А.Н. Топливо-энергетический комплекс Китая и ведущих стран мира в условиях развития глобального энергетического кризиса: Учебно-методическое пособие. – М.: ВАВТ, 2023. – 315 с. @@ Zakharov A.N. Toplivno-e`nergeticheskij kompleks Kitaya i vedushhix stran mira v usloviyah razvitiya global`nogo e`nergeticheskogo krizisa: Uchebno-metodicheskoe posobie. – М.: VAVT, 2023. – 315 s.

«Нефтегазовый комплекс России и мира. Состояние и перспективы развития» @@ «Neftegazovy`j kompleks Rossii i mira. Sostoyanie i perspektivy` razvitiya» – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/556001-neftegazovyy-kompleks-rossii-i-mira-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/?ysclid=ld58mi9sqo418802041> (дата обращения: 16.12.2023)

Council on foreign relations – URL: <https://www.cfr.org/in-brief/russias-energy-role-europe-whats-stake-ukraine-crisis>

International Energy Agency/ Energy Fact Sheet: Why does Russian oil and gas matter? – URL: <https://www.iea.org/articles/energy-fact-sheet-why-does-russian-oil-and-gas-matter> Neftegaz.RU/

St. Petersburg International Economic Forum – URL: <https://forumspb.com>

Африканский вектор развития внешнеэкономических связей России

*Анна Игоревна АЛЕКСЕЕВА,
Самарский государственный экономический
университет (443090, Самарская обл., г. Самара,
ул. Советской Армии, д. 141), студентка 4 курса
программы «Мировая экономика и международные
отношения», e-mail: ann.alekseeva@mail.ru*

УДК:339.9; ББК:65.5; Jel:F5
DOI: 10.24412/2072-8042-2025-1-118-130

*Наталья Игоревна ИВАНОВА,
кандидат экономических наук, Самарский
государственный экономический университет
(443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской
Армии, д. 141), доцент кафедры экономической
теории, e-mail: cleotasha@rambler.ru*

Аннотация

Африканское направление приобретает всё большую значимость в международных экономических отношениях. Актуальность оно получило благодаря полезным ископаемым, которые Африка не в состоянии добывать и использовать сама. В статье анализируется экономическое сотрудничество России и Африки в различных сферах, а также изучаются его основы – историко-институциональные, прежде всего. Эти основы являются конкурентным преимуществом России в соперничестве с США и Китаем за влияние на континенте. Обсуждаются ключевые секторы, перспективные с точки зрения развития российско-африканских связей, – энергетика, нефтедобывающее производство, металлургическая промышленность и образование.

Ключевые слова: африканское направление, российско-африканские экономические отношения, неокOLONиализм, экономическая экспансия, мягкая сила, БРИКС

Russia's Foreign Economic Affairs: the African Destination

Anna Igorevna ALEKSEEVA,

Samara State University of Economics (Samara region, Samara, Sovetskoy Armii st., 141), 4th year student, «World Economy and Foreign Affairs» program, e-mail: ann.alekseevaa@mail.ru

Natalia Igorevna IVANOVA,

Candidate of Sciences in Economics, Samara State University of Economics (Samara region, Samara, Sovetskoy Armii st., 141), Associate Professor at the Department of Economic Theory, e-mail: cleotasha@rambler.ru

Abstract

The African destination is becoming increasingly important in foreign economic affairs. Africa's inability to extract and use itself the natural resources justifies the relevance of the issue. The authors analyze Russia-Africa economic cooperation in various areas, and in particular study its historical and institutional foundations. These constitute Russia's competitive advantage in the rivalry with the United States and China for influence across the continent. Energy, oil production, metallurgy and education are the key promising sectors in terms of developing Russia-Africa relations.

Keywords: African destination, Russian-African economic cooperation, neocolonialism, economic expansion, soft power, BRICS.

Актуальность статьи связана с быстрым развитием африканского континента и необходимостью развития российских внешнеэкономических отношений с этим регионом под влиянием конкуренции с Китаем, Евросоюзом и США. Цель статьи – выявить конкурентные преимущества России в экономической экспансии на африканском направлении. Методологическую базу исследования составили анализ, синтез, обобщение, дедукция и описательная статистика.

В условиях геополитического кризиса и формирования нового миропорядка наиболее уязвимыми становятся развивающиеся страны, в особенности наименее развитые (НРС). Группа развитых стран оказывает влияние на НРС, и нередко оно становится разрушительным для их экономического развития. На современном этапе развития международных экономических отношений сформировался новый вектор: борьба за влияние на африканском континенте. Африка обладает невероятно богатыми и разнообразными природными ресурсами, включая нефть и алмазы, 12% и 52,5% соответственно от общих запасов в мире (см. рисунок 1). Это привлекает внимание крупных международных игроков. Однако в большинстве случаев их деятельность не приводит к реальному содействию в развитии континента. В подобных условиях России необходимо определить, на какой основе выстраивать внешнеэкономические отношения с Африкой.

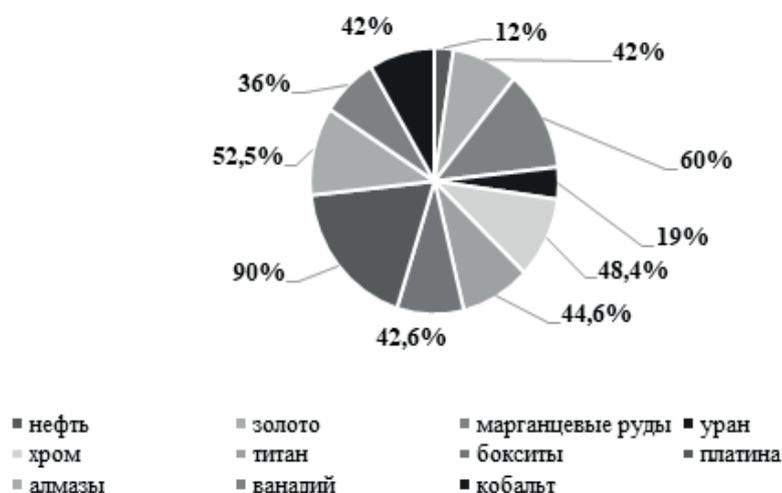

Рис. 1 – Доля полезных ископаемых Африки в мировых запасах, %
 Figure 1 – The share of African minerals in world reserves, %

Источник: составлено авторами по данным [4]

Страны преследуют собственные интересы в отношениях с Африкой. В соперничестве за влияние на континенте первые позиции занимают США и Китай. В XVII веке зарождавшееся государство – будущие США – ввозило на свои территории рабскую рабочую силу с африканского континента, которая в дальнейшем сыграла важную роль в развитии сельского хозяйства Америки. С приходом европейцев в африканские страны началась эксплуатация чернокожего населения и последующая торговля людьми. Это свидетельствует о том, что Африка не впервые подвергается угнетению со стороны других стран. Несмотря на то что активная работорговля прекратилась, с тех пор как ведущие мировые игроки узнали (примерно с середины XX века), насколько рассматриваемый континент богат полезными ископаемыми, начались новые действия со стороны государств, стремящихся укрепить свои позиции в Африке.

С открытием новых месторождений на африканском континенте, ранее неизвестных или незамеченных, внимание к нему со стороны других государств продолжает возрастать. В условиях изменяющегося мирового порядка практически ни одна страна не остается в стороне от возможности наладить торгово-экономическое сотрудничество с Африкой, причем акцент делается на том, как можно из-

влечь максимальную выгоду. Данные о ресурсах Африки публикуются разными государственными организациями, которые предлагают также прогноз относительно них, и эти публикации являются абсолютно доступными любым странам. Это означает, что государства активно стремятся к доминированию в африканском макрорегионе. Так, Управление энергетической информацией США (EIA) опубликовало прогноз производства жидкого топлива на отдельных проектах, о которых информация не раскрывается, продолжительностью до 2040 г. Например, в Уганде планируется постройка среднего и нижнего течения в виде трубопровода и нефтеперерабатывающего завода для экспорта и переработки будущей сырой нефти. Финансирование проекта лежит на США, и исходя из логических умозаключений, можно сделать вывод о том, что выгодополучателем также будут Соединенные Штаты. Согласно прогнозам, наивысший уровень выпуска жидкого топлива придется на 2036 г., когда объем добычи достигнет 900 тыс. бэрр./сут. только по одному проекту. К слову, насчитывается одиннадцать таких проектов¹.

США – и, в целом, коллективный Запад – ведут политику «жестких условий» в ответ на предоставляемую ими помощь нуждающимся странам африканского континента. В этом отношении США являются неоспоримым гегемоном, и несмотря на то, что существует множество международных организаций, в которых африканские страны являются непосредственными членами, это не помогает им отстаивать собственные интересы. Так, международные организации, например, ООН, МВФ и др., не раз подвергались критике за невыполнимость принципа равенства для всех. При Администрации Дональда Трампа прямые иностранные инвестиции (ПИИ) США в Африке сокращались из года в год (см. рисунок 2).

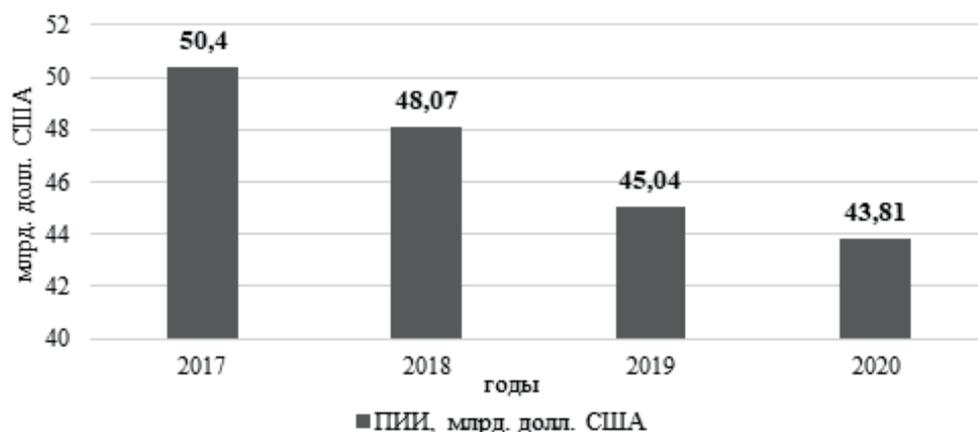

Рис. 2 – Объем прямых иностранных инвестиций США в Африке в 2017-2020 гг.

Fig. 2 – The volume of US foreign direct investment in Africa in 2017-2020.

Источник: составлено авторами по данным [13]

Затем Администрация Д. Байдена вводила в отдельные периоды целенаправленные санкции в отношении как юридических лиц, так и физических (см. таблицу 1). Африканские студенты оказались под строгими требованиями, установленными США: им все реже разрешают въезжать в Соединенные Штаты, даже с наличием документа об их зачислении в американские университеты. Так, несмотря на всю помощь, оказываемую США африканскому континенту и составляющую около 7 млрд долл. США в год², существует обратный эффект в виде жестких условий, которые африканские страны должны соблюдать.

Таблица 1

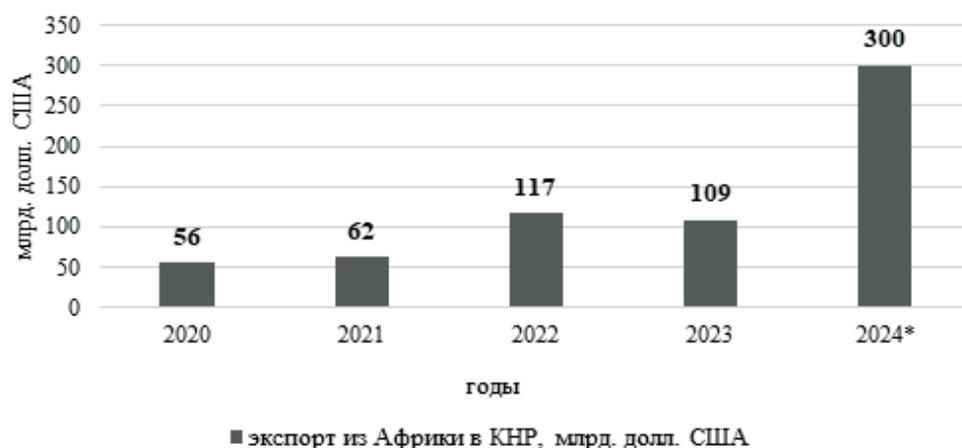
**Африканские страны, попавшие под санкции ОФАК
(Управление по контролю над иностранными активами)**

Санкции	Страны
Санкции на транзакции, связанные с деятельностью с определенными сторонами в этих странах	ЦАР, Сомали, ДР Конго, Эфиопия, Ливия, Южный Судан, Судан, Мали
Санкции, распространяющие запрет на военный экспорт	Эритрея, Судан, Эфиопия, ДР Конго, Ливия, Сомали, Зимбабве, Южный Судан, ЦАР

Источник: составлено авторами по данным [12]

Китай и его так называемая политика «мягких условий», или «азиатская мягкая сила», противоречит политике Запада. Азиатские страны, такие как Китай и Индия, взамен на предлагаемую ими помощь и, соответственно, финансирование разных проектов не выдвигают условий и считают, что не стоит вмешиваться во внутренние дела стран, находящихся на другом континенте. Тем не менее, возникает вопрос: действительно ли они так бескорыстны, какими пытаются показаться? Все внимание Китая и США к Африке обусловлено значительными запасами природных ресурсов. В частности, Китай активно проявляет интерес к энергетическим ресурсам. В рамках своей экономической политики Китай, как ожидается, будет забирать ресурсы практически безвозмездно, обеспечивая взамен финансирование проектов по добыче и переработке. Так, на реализацию своих проектов до 2027 г. Китай выделил 51 млрд долл. США³, при этом общий объем экспорта из Африки в КНР должен достичь 300 млрд. долл. США в 2024 г. (см. рисунок 3). Стоит отметить, что в основном КНР импортирует из Африки сырьевые товары.

Рис. 3 – Общий объем экспорта из Африки в КНР в 2020-2024 гг.

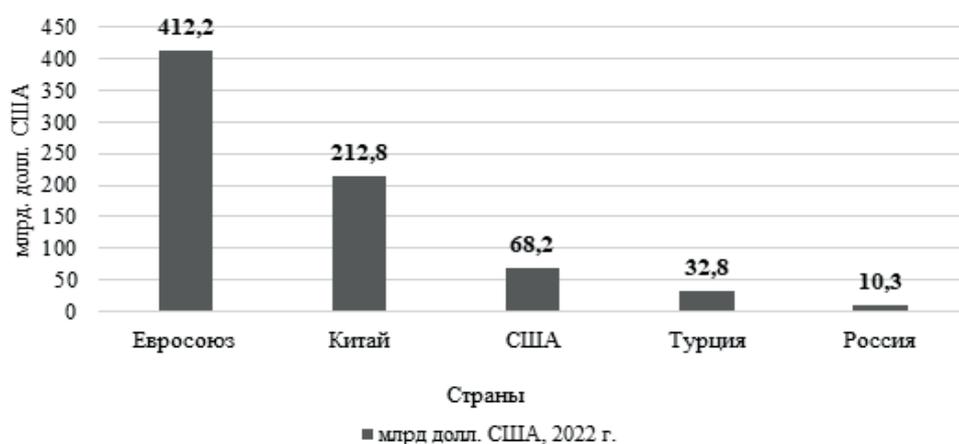
Fig. 3 – Total exports from Africa to China in 2020-2024.

Источник: составлено авторами по данным [7]

Россия активно вовлечена в соперничество за влияние на африканском континенте. Однако тактика выстраивания внешнеэкономических отношений с африканскими странами используется совершенно иная. Россия только начинает совершать глобальный экономический поворот в направлении Африки, и с уходом западных компаний с российского рынка этот вектор становится как никогда актуальным. Для российско-африканских экономических отношений 2023 г. стал одним из лучших. Только за указанный период произошло три важных события: II саммит «Россия-Африка» в Санкт-Петербурге, XV саммит БРИКС в Йоханнесбурге и подписание соглашения о создании Альянса государств Сахеля. Значимость этих событий заключается в том, что несмотря на доминирующие позиции Запада в Африке, антироссийская политика не находит поддержки у большинства африканских стран. Это подтверждается активным интересом африканских государств к России, их выражением поддержки и, более того, всё более частым вступлением в такие альянсы, как БРИКС. Увеличение числа стран, присоединяющихся к этому объединению, подчеркивает изменения в геополитическом ландшафте, где роль Запада начинает терять своё прежнее значение. Так, например, на XV саммите к БРИКС присоединились сразу две африканские страны: Египет и Эфиопия.

Стоит отметить, что все больше российских производителей выходят на африканские рынки. Так, за 2023 г. африканское направление для российского экспорта обогнало Северную и Южную Америку и почти удвоилось: с 2,5% в 2022 г. до

почти 5%, в то время как доля обеих Америк уменьшилась до 2,9% по сравнению с 3,5% в 2022 г⁴. Более того, если рассматривать российский экспорт в Африку в стоимостном выражении, то он увеличился на 43%, достигнув 21,2 млрд долл. США. Основными российскими партнерами являются Египет, Алжир, Марокко, Сенегал, ЮАР, Нигерия, Тунис, Уганда, Кот-д'Ивуар, Кения⁵. Структура товарооборота с данными странами разнообразна: российский экспорт в основном составляют злаки, нефтепродукты, древесина и древесная продукция, жиры и масла, черные металлы, машины и оборудование, удобрения, а африканский импорт состоит из овощей и фруктов, орехов, какао, кофе и чая, табака, пряностей и каучука. Однако, несмотря на бурное развитие российско-африканских торгово-экономических отношений, товарооборот в стоимостном выражении до сих пор остается незначительным по сравнению с другими странами (см. рисунок 4).

Рис. 4 – Товарооборот ключевых мировых игроков со странами Африки за 2022 г.

Fig. 4 – Trade turnover of key global players with African countries in 2022

Источник: составлено авторами по данным [10]

В целом, о российско-африканских отношениях можно сказать следующее: несмотря на то, что товарооборот и финансирование России составляют лишь малую часть от помощи, предоставляемой другими странами, Африка настроена очень дружелюбно и лояльно к России, и связано это с историко-институциональным развитием двустороннего сотрудничества.

Российско-африканские отношения начали выстраиваться уже к концу XVIII века. Тогда Российская империя пыталась получить поддержку Египта, Туниса и Марокко в противостоянии с Османской империей. С этого момента дипломатические отношения были официально установлены, что также способствовало

дальнейшему развитию российско-африканского сотрудничества. Российская империя неоднократно помогала африканскому континенту, в том числе в борьбе с рабством. Так, российский военно-морской флот предотвращал транспортировку африканских рабов через Атлантический океан в 1890 г. Россия также помогала эфиопскому императору бороться с итальянской агрессией в 1895-1896 гг., участвовала в англо-бурской войне в 1899-1902 гг., вставая на сторону буров. После уже Советский Союз безвозмездно помогал странам сражаться за свою независимость и противостоять неокOLONиальной идеологии. Так, именно СССР выступил инициатором принятия Генеральной Ассамблеей ООН «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» в 1960 г⁶. Более того, именно Советский Союз поддержал 67 стран Африки в их освободительно-национальном движении, безвозмездно предоставляя военное оборудование, ремонтные мастерские и военных специалистов.

Так, Советский Союз заключил межправительственные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве с 37 государствами на континенте. В соответствии с этими соглашениями, советские специалисты принимали участие в создании примерно 600 различных предприятий и объектов, из которых более 300 начали функционировать к концу 1980-х годов. С помощью СССР было построено около 30 энергетических объектов общей мощностью 2,9 млн кВт, среди которых крупнейшим является Асуанский гидроэнергетический комплекс в Египте. Более того, осуществлялась поддержка в создании и развитии таких отраслей, как горнодобывающая промышленность и металлургия черных и цветных металлов. Кроме этого, были возведены три нефтеперерабатывающих завода общей мощностью 2,6 млн тонн, 29 заводов в сфере машиностроения и металлообработки, а также 40 предприятий, занимающихся переработкой и хранением сельскохозяйственной и животноводческой продукции⁷.

С распадом СССР российско-африканские связи практически не развивались в силу направленности России на Запад, но, тем не менее, и не переставали существовать.

На современном этапе основным посылом развития российско-африканских отношений является борьба с неокOLONиализмом. И несмотря на то, что западные страны, колониями которых де-юре являлись государства Африки, утверждают, что выступают за «уважение к самоопределению» и «более свободный, безопасный, более защищенный, процветающий, более здоровый и более зеленый континент»⁸, на деле политика Запада направлена на сохранение статус-кво без официального закрепления этого в документах. Россия выбирает развивать связи с Африкой, основываясь на советском опыте, а значит, в взаимном признании и уважении к уникальному пути самоопределения этих государств.

Более того, в Африке уже несколько лет действуют крупные российские проекты. Так, первоочередным проектом сейчас выступает помощь континенту в производстве электроэнергии. «Росатом», реализующий проекты в более чем двадцати странах Африки, строит первую АЭС в Египте – «Эль Дабаа»⁹. «Алроса» – российская группа алмазодобывающих компаний – работает в Анголе с 1992 г., а с 2019 г. начала свою деятельность также в Зимбабве и анонсировала около 12 млн долл. США на программу геологоразведки в стране. «Лукойл» активно ведёт разведку и освоение нефтяных ресурсов в государствах Гвинейского залива и относит к числу своих приоритетных регионов Западную Африку. В 2023 г. компания начала производство сжиженного природного газа в объеме 600 тыс. т в год. «Ренова» – крупнейшая российская компания-инвестор в ЮАР – занимается добычей марганцевой руды; в 2017 г. подписала серию инвестиционных договоров с ЮАР на сумму 430 млн долл. США. «Русал» – крупнейший инвестор в Республике Гвинея, который занимается добычей бокситов. «Русал» выделил более 23 млн долл. США на здравоохранение африканской страны. «Роснефть» подписала меморандум о сотрудничестве в разработке шельфовых месторождений газа и соглашение о взаимодействии с Национальным институтом нефти Мозамбика в 2019 г., а в 2017 г. «Роснефть» заключила контракт с Египтом на покупку 30% акций в газовом месторождении Zohr, заплатив за это 1,1 млрд долл. США. «Нордголд» – золотодобывающая компания, работающая с Буркина-Фасо и Гвинейской Республикой и подписавшая четырехлетнюю лицензию с Буркина-Фасо на разработку нового золотоносного месторождения площадью 31,4 кв. км в районе Имиугу в 2022 г. «Нордголд» инвестировал в экономику этих африканских стран более 2 млрд долл. США¹⁰.

Российские компании имеют преимущества в конкурентной борьбе за Африку, так как дружелюбие к российским гражданам и российскому бизнесу выстроено на прочной историко-институциональной основе – опыте помощи СССР африканским странам. Содействует и популярность российского образования. Только за 2022 г. 34360 студентов проходили обучение в России (см. рисунок 5).

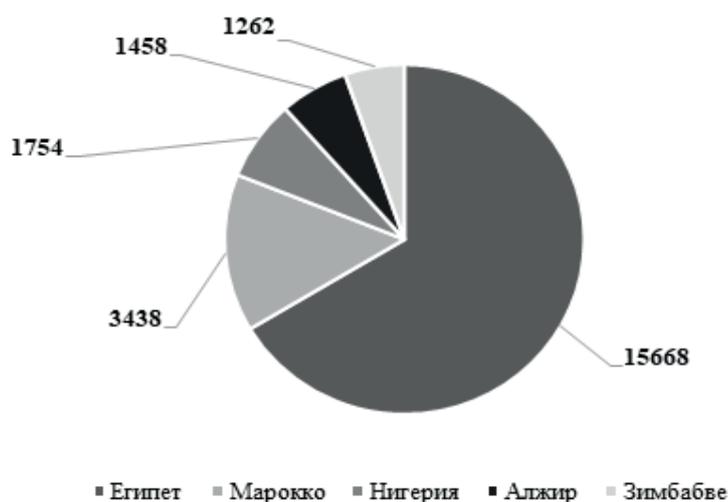

Рис. 5 – Количество студентов, обучающихся в российских вузах в разбивке по странам на 2022 г.

Fig. 5 – The number of students studying in Russian universities by country for 2022.

Источник: составлено авторами по данным [8]

Так, проникаясь российской культурой, африканские студенты начинают понимать российский бизнес и российский менталитет, а по приезде на родину они нередко занимают высокие посты в правительстве или создают успешный бизнес, что в последствии помогает в налаживании контактов с российским бизнесом. Например, 19 из 27 министров правительства Экваториальной Гвинеи учились в России, и все знают русский язык¹¹.

В заключении можно сделать вывод о том, что Россия активно занимается развитием своих внешнеэкономических связей с Африкой, в подтверждение чего следуют многочисленные проекты, увеличение инвестирования в различные сферы экономики стран африканского континента и расширение двусторонних бизнес-взаимоотношений. Однако, сравнивая деятельность РФ с лидирующими государствами, стремящимися укрепить своё влияние в Африке – США и Китаем, – отметим, что Россия отстает от них. Тем не менее, учитывая недопустимость политики неокolonизма, Россия действует вполне корректно, выстраивая отношения на доверии, а не угнетении. России следует развивать внешнеэкономические отношения на африканском направлении не в рамках отдельных проектов, а системно, как это делают США и Китай, выстроив адекватную долгосрочную стратегию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Regional Brief: Emerging Hydrocarbon Producers in Africa / EIA. – URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/special_topics/emerging_hydrocarbon_producers_in_africa/pdf/emerging-africa-2023.pdf (дата обращения: 03.10.2024).

² Мишель Д. Гэвин. Соперничество мировых держав в Африке // Серия дискуссионных статей на тему глобальных беспорядков. – 2021. – № 4. – С. 7.

³ Китай выделил на сотрудничество с Африкой \$51 млрд, и выдвинул десять новых инициатив в рамках сотрудничества с африканскими странами / РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2024/66db19529a79470f083dab3f> (дата обращения: 02.11.2024).

⁴ Россия стала поставлять больше в Африку, чем в Америку / РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/04/2024/662109119a79472a941269d9> (дата обращения: 05.10.2024).

⁵ Что известно об основных торговых партнерах России в Африке / ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/18376297> (дата обращения: 05.10.2024).

⁶ О роли России (Советского Союза) в становлении независимости африканских государств / МИД РФ. – URL: https://turkey.mid.ru/ru/press-centre/news/o_rol_i_rossii_sovetskogo_soyuza_v_stanovlenii_nezavisimosti_afrikanskikh_gosudarstv/ (дата обращения: 03.10.2024).

⁷ Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Африки / ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/3237652> (дата обращения: 02.11.2024).

⁸ Что предлагает Россия в глобальном соперничестве за Африку / РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/07/2023/64ba2a279a7947fc93df8208> (дата обращения: 06.10.2024).

⁹ Что предлагает Россия в глобальном соперничестве за Африку / РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/07/2023/64ba2a279a7947fc93df8208> (дата обращения: 06.10.2024).

¹⁰ Крупнейшие российские экономические проекты в Африке / ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/18377785> (дата обращения: 05.10.2024).

¹¹ Черный или золотой: как и зачем инвестировать в Африку / Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/494290-chernyj-ili-zolotoj-kak-i-zacem-investirovat-v-afriku> (дата обращения: 07.10.2024)

БИБЛИОГРАФИЯ:

Китай выделил на сотрудничество с Африкой \$51 млрд и выдвинул десять новых инициатив в рамках сотрудничества с африканскими странами // РБК @@ Kitaj vy`delil na sotrudnichestvo s Afrikoj \$51 mlrd i vy`dvinul desyat` novy`x iniciativ v ramkax sotrudnichestva s afrikanskimi stranami // RBK URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2024/66db19529a79470f083dab3f> (Дата обращения: 02.11.2024)

Крупнейшие российские экономические проекты в Африке // ТАСС @@ Krupnejshie rossijskie e`konomicheskie projekty` v Afrike // TASS. URL: <https://tass.ru/info/18377785> (Дата обращения: 05.10.2024)

Мишель Д. Гэвин. Соперничество мировых держав в Африке // Серия дискуссионных статей на тему глобальных беспорядков № 4. 2021, Май. С. 1-29 @@ Mishel` D. Ge`vin.

Sopernichestvo mirovy`x derzhav v Afrike // Seriya diskussionny`x statej na temu global`ny`x besporyadkov № 4. 2021, Maj. S. 1-29.

О роли России (Советского Союза) в становлении независимости африканских государств // МИД РФ @@ О roli Rossii (Sovetskogo Soyuza) v stanovlenii nezavisimosti afrikanskix gosudarstv // MID RF. URL: https://turkey.mid.ru/ru/press-centre/news/o_rol_i_rossii_sovetskogo_soyuza_v_stanovlenii_nezavisimosti_afrikanskikh_gosudarstv/ (Дата обращения: 03.10.2024)

Россия стала поставлять больше в Африку, чем в Америку // РБК @@ Rossiya stala postavlyat` bol`she v Afriku, chem v Ameriku // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/04/2024/662109119a79472a941269d9> (Дата обращения: 05.10.2024)

Товарооборот между Китаем и Африкой достиг \$282 млрд // African Initiative @@ Tovaroorobot mezhdu Kitaem i Afrikoj dostig \$282 mlrd // African Initiative. URL: <https://afrinz.ru/2024/02/tovaroorobot-mezhdu-kitaem-i-afrikoj-dostig-282-mlrd/> (Дата обращения: 02.11.2024)

Черный или золотой: как и зачем инвестировать в Африку // Forbes @@ Cherny`j ili zolotoj: kak i zchem investirovat` v Afriku // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/494290-cernyj-ili-zolotoj-kak-i-zacem-investirovat-v-afriku> (Дата обращения: 07.10.2024)

Что известно об основных торговых партнерах России в Африке // ТАСС @@ Chto izvestno ob osnovny`x torgovy`x partnerax Rossii v Afrike // TASS. URL: <https://tass.ru/info/18376297> (Дата обращения: 05.10.2024)

Что предлагает Россия в глобальном соперничестве за Африку // РБК @@ Chto predlagaet Rossiya v global`nom sopernichestve za Afriku // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/07/2023/64ba2a279a7947fc93df8208> (Дата обращения: 06.10.2024)

Шарый В.И. Поддержка СССР национально-освободительного движения 67 стран Африки в 1960-1970-е годы // Военно-исторический журнал. 2008. № 5 @@ Shary`j V.I. Podderzhka SSSR nacional`no-osvoboditel`nogo dvizheniya 67 stran Afriki v 1960-1970-e gody` // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2008. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-sssr-natsionalno-osvoboditelnogo-dvizheniya-67-stran-afriki-v-1960-1970-e-gody/viewer>

Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Африки // ТАСС @@ E`konomicheskoe i texnicheskoe sotrudnichestvo SSSR so stranami Afriki // TASS. URL: (Дата обращения: 02.11.2024)

Federal Regulations // Princeton University - Research & Project Administration URL: <https://opa.princeton.edu/export-controls/policy/regulations> (Дата обращения: 02.11.2024)

Foreign direct investment position of the United States in Africa from 2000 to 2023 // Statista URL: (Дата обращения: 02.11.2024)

Regional Brief: Emerging Hydrocarbon Producers in Africa // EIA URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/special_topics/emerging_hydrocarbon_producers_in_africa/pdf/emerging-africa-2023.pdf (Дата обращения: 03.10.2024)

